

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Е. С. Роговер. Повесть И.С. Тургенева «Андрей Колосов»	2

МАЛАЯ ПРОЗА

Валерий Орлов. Черныш	7
Михаил Рыбаков. Самый исток (сказ)	16

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Майя Шеремет	30
Наталья Ульянова	32
Юлия Мамыкина	36
Наталия Рябухина	40
Андрей-Viktoria-Андреев	43
Майя Золотистая	47

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Стихи Веры Тепляковой, Ирины Никоновой, Алины Сергеевой, Михаила Сулова, Валентины Терпиловой	51

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОКА

Ефим Роговер. Литература и искусство в годы блокады Ленинграда	55

ПРОЗА ХХІ ВЕК

Ева Талая. Память пустыни	59
Елена Жалеева. Ястребы и ласточки	87

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

Игорь Аленко. Победа под Криворучьем	163
Виктор Муравин. Секреты И. Сталина	165

Е. С. Роговер
(г. Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА «АНДРЕЙ КОЛОСОВ»

«Андрей Колосов» — первое прозаическое сочинение Тургенева, написанное в жанре повести. Оно представляет для нас немалый художественный интерес, поскольку позволяет увидеть творческое созревание большого русского писателя, впервые обратившегося к реалистическому произведению средней эпической формы. Оно было напечатано в «Отечественных записках» в 1844 году [1], когда молодой писатель был близок к В. Г. Белинскому, развернувшему борьбу против отвлеченного романтизма и мечтательного идеализма, тормозивших живое понимание и правдивое отражение действительности. Годом раньше великий критик осудил Н. Полевого, лишенного «способности хотя приблизительно понимать действительность», но зараженного абстрактным идеализмом и мечтательностью, которые презирают землю, питаются воздухом и высокопарными фразами. Эта поэзия Белинского в определенной мере сказалась в концепции тургеневской повести.

Хотя произведение писателя было опубликовано в 1844-м, действие его относится к 1833 году. Эту временную дистанцию следует непременно учитывать при осмыслении повести. Рассказчик, живущий в середине сороковых годов и отчасти испытавший воздействие идейных исканий этого времени, повествует о другой фазе русской

жизни, о тридцатых годах, причем их первой трети, когда мы и застаем Андрея Колосова, главного героя тургеневского повествования.

В начале произведения сообщается о том, что несколько молодых людей собрались в комнате у камина. Они заводят речь о людях необыкновенных и о том, чем последние существенно отличаются от людей обычных. Один из присутствующих, бледный человек, предлагает отказаться от словопрений и описать какую-нибудь замечательную личность, оправдывающую представление о необыкновенном человеке. Слово предлагается именно инициатору такого поворота беседы. Он становится у камина и начинает свой рассказ. Так мы узнаем о том, что случилось десять лет тому назад, в пору учебы в Московском университете, и о незаурядном студенте Андрее Колосове, с которым познакомился рассказчик. История заглавного героя излагается как доказательство его необыкновенности. Таким его почитают разные лица: и повествователь, и Варя, центральная героиня рассказа, и студент Бобов.

Повествователь сообщает ряд подробностей, касающихся быта и относящихся к герою.

Дом, в котором жил Андрей Колосов, находился в одном из самых грязных, кривых и узких переулков Москвы. Во дворе его толстая баба развешивала белье на веревке, про-

тянутой от дома к забору, на деревянной лестнице шумели и перекрикивались дети; автор отмечает и темный, узкий проход к комнате героя с её прозаической обстановкой. Это описание, введенное в структуру повествования, выдержано в духе «натуральной школы», и потому оно отпугивает собравшихся слушателей. Но оно важно рассказчику, потому что подчеркивает бедность студента, который родителей своих не помнил и воспитан был на медные гроши в доме отдаленного родственника, а до пятнадцати лет жил в деревне. Семантика фамилии — Колосов — это как бы подтверждает. Перед нами — разночинец, в чем-то похожий на студента Беляева, персонажа тургеневской пьесы «Месяц в деревне», созданной несколько позже. Поступив в Московский университет, Колосов начал жить частными уроками, преподавая историю, географию и российскую грамматику, хотя науками этими владел слабо. Он не был остряком, ни юмористом, но обладал какой-то магической привлекательностью, ощущимой другими студентами. Все охотно покорялись этому человеку и невольно любовались им. «Его слова, его взгляды, его движения дышали, по словам повествователя, такой юношеской прелестью, что все его товарищи были влюблены в него по уши». Он был душой общества. «Присутствие Колосова придавало особенную стройность нашим вечерним сходкам, — сообщает рассказчик, — веселость наша при нем никогда не переходила в безобразное буянство<...>, грусть при нем разрешалась тихим, иногда довольно дельным разговором и никогда не превращалась в хандру». Нетрудно почувствовать увлеченность этой личностью

не только повествователя, но и Тургенева. Изображаемый герой побеждал всех своей естественностью, веселостью и необыкновенной простотой; автор сохраняет при этом трезвую объективность в оценке Колосова. Да, он был мечтателем, как многие молодые люди тридцатых годов, но и в нем не было ни той таинственности, которою щеголяют юноши, одаренные самолюбием, бедностью, черными волосами и «выразительным взглядом, ни того поддельного равнодушия, под которым будто бы скрываются громадные силы...» По воле автора Колосов решительно противопоставлен всему романтически-высшему, ложному и идеальному. Он «никогда, ни в каком случае не становился на ходули», и эта характеристика становится основной краской в обрисовке заглавного героя. Впервые приступая к обрисовке так называемых «лишних людей», которые займут особое место в творчестве Тургенева, писатель показывает, что Колосов решительно отличается от этих персонажей и своим социальным положением, и присущим им нравственно-психологическим складом личности. Автор повести подмечает в своем герое некоторые черты нарождающегося социального типа разночинца, того «нового человека», поиски которого станут у чуткого Тургенева особенно напряженными позже, в пятидесятых и шестидесятых годах, и наиболее рельефно получают выражение в образе Базарова.

В наибольшей мере неповторимые черты Колосова сказываются, как это всегда было и будет у писателя, в интимной сфере, в истории дружбы с ним отдельных студентов и особенно в перипетиях любви. К нему душевно привязывается

студент Гаврилов. Когда последний умер на руках друга, Колосов не отлучался ни на миг из его комнаты и целую неделю после его смерти не выходил никуда, чувствуя себя без товарища одиноким. К Андрею тянется и рассказчик: «Я к нему привязался так сильно, как после того не привязывался ни к одной женщине, — признается повествователь, — я благоговел перед ним».

Различие персонажей обнаруживается в истории любви обоих к одной и той же девушке — Варе. С полной самоотдачей Андрей любил ее, почувствовал, что и она отличалась своей простотой и была лишена всего «натянутого, неестественного, жеманного». Он прививал дочери поручика Сидоренко, которого спас во время охоты, глубокий интерес к Пушкину. Лицо ее дышало восторженной преданностью Колосову, она вся была переполнена высоким блаженством, жила его жизнью, покоренная его обаянием. Но случилось так, что Андрей охладил к Варе, стал реже приезжать к ней, а потом и совсем перестал к ней ездить. Он расстается с ней просто, избегая драматизма и аффектации. Он объяснил рассказчику суть случившегося так: «Яблонь была в цвету... мы были счастливы тогда... Теперь яблонь отцвела, да и яблоки на ней кислые... Я перестал ходить к ней по весьма простой причине — я разлюбил ее... Что ж? Ты мне прикажешь притворяться, прикидываться влюбленным, что ли? Да из чего? Из жалости к ней?... она сама не захочет такой милости...» В этом поступке вновь обнаруживается открытость, честность, благородная простота Колосова, глубокое понимание им святости

любви, к тому же он знает, что бедную Варю может утешить друг, который любит ее.

Авторские интонации слышатся в обобщающем выводе, сделанном рассказчиком спустя десятилетие: «... если ясный, простой взгляд на жизнь, если отсутствие всякой фразы в молодом человеке может называться вещью необыкновенной, Колосов заслужил данное ему имя. В известные лета быть естественным — значит быть необыкновенным...»

Есть основание считать, что образ Колосова был навеян обаятельной личностью Станкевича, поэта и философа, оказавшего влияние на Тургенева в пору его университетской жизни. Он и внешне похож на гениальную натуру Станкевича, как его нарисовал Белинский. Он и в суждениях о любви напоминает необыкновенного юношу, который писал: «Не любишь женщину — откажись на пороге церкви; страдание самое ужасное лучше этой жизни, потому что в страдании может быть святость, а в принужденном браке — грех и противоречие» [2]. Есть некоторые точки соприкосновения фабулы повести с историей увлечения Станкевича Любовью Бакуниной, хотя философ переживал свой разрыв с «премухинской» героиней болезненно и с глубокой рефлексией, отличными от проявления свободы чувства у Колосова. Для нас в этой переключке важна близость тургеневского героя к конкретной личности эпохи 30-х годов и поэтизация естественности поведения Колосова.

Своеобразие композиции ранней повести Тургенева проявляется в том, что она построена на противопоставлении Андрею Колосову фигуры рассказчика. Контраст ха-

ракторов проявляется во многом. В отличие от разночинца-героя повествователь — сын богатого степного помещика, дворянин. Различно их воспитание: рассказчик был отдан на руки отставному немецкому профессору, который наставлял его, кормил и наблюдал за его нравственностью, но дал неограниченную свободу. Если Колосов переживал интенсивное духовное созревание, то повествователь испытывал «глухое брожение»: «чего-то хотел, к чему-то стремился и мечтал о чем-то». Ирония здесь вполне очевидна. Мы говорили о нитях, связывающих Андрея со Станкевичем. В фигуру рассказчика Тургенев привнес много своего, личного, навеянного пережитым им увлечением Татьяной Бакуниной. Повествователь переживает терзания ревности к Колосову и зависть к его другу Гаврилову. Тайком от нового друга он любит девушку, которой увлечен его приятель, но при этом отнюдь не лишается ни сна, ни покоя, ни пищи. Одновременно он переживает «борьбу разнороднейших ощущений», то есть разъедающую рефлексию. Ему свойственно «притворное равнодушие» и фальшивая привязанность к другу. На увещевания университетского товарища Шитова он отвечает сначала «благородным негодованием», а потом «множеством разных чувств»: гордостью, тайной любовью и смутным ожиданием, соединённым с гадливостью по отношению к себе.

Будучи как будто увлеченным Варей, он называет ее отца «толстым кабаном» и с иронией любит ее болтливостью. Лукавая ей, он фальшиво придаёт своему лицу уныло-задумчивое выражение. Отношения с девушкой у него устанавливаются «довольно странного рода», по-

скольку «самые низкие страсти» завладели его душой. Он не может (в отличие от Колосова) расстаться с Варей и не смеет сказать ей о своей любви. Выход он находит в сентенциях и длительном пережёвывании мысли о возможной женитьбе. Делая предложение, он останавливается, испугавшись будущего. Он целует её ручки, осознавая, что они «сырые». Выручает его случай (папеньки не оказалось дома) и возможность отложить объяснение на завтра. По убийственной самохарактеристике, он принадлежит к числу людей, «которые любят размышлять о собственных ощущениях». Поэтому он переживает «беспокойство зайца» (то есть трусость) и чувствует «разные, довольно грязные сомнения», завозившиеся в его душе. В конце концов, он последний раз посещает Варю, ощущает, что она «ни то ни сё», ужасается её красных рук и решает больше к ней не приезжать. Лишь три месяца спустя он встречается с отцом девушки, «проскальзывает» мимо него и слышит убийственное слово «шаромыжник», произнесённое отставным поручиком.

Как видим, Тургенев не только набросал эскиз «нового человека» в лице Колосова, но и впервые в прозе вылепил фигуру «лишнего человека» с его самокопанием и рефлексией, мелким самолюбием и гипертрофией своего «Я», рассудочностью и эгоизмом, трусостью и унылой жалкостью; недаром рассказчик уже в самом начале повести назван «небольшим человечком».

За десять лет, прошедших после 1833 года, рассказчик посолиднел, научился аналитически и остро критически оценивать свой унылый романтизм и эгоистический идеализм молодых лет, приблизился к миро-

пониманию Тургенева, отдал должное красоте необыкновенного человека нового типа и сохранил отстаивание романтического начала жизни. Ведь оно столь же высокая ценность, как и реалистическое осмысление действительности. Повествователь обрёл духовную зрелость, пришедшую к нему в 1844 году.

В своей повести Тургенев развенчал поборников фразы, красивой позы, любителей броских эффектов и беспочвенных идеалов, искажающих действительность. Он нанёс первый удар миру пошлости, свойственной праздным «ленивцам» и неисправимым эгоистам. Он впервые показал образ отечественного «гамлетика» и человека на позорном randevu. Напрасно И.И. Замятин усмотрел в Андрее Колосове «холодное печоринство» [3]. Нет, Тургенев

сделал раннюю попытку нарисовать положительного героя, деятеля, наделив его многими привлекательными чертами. По этому пути писатель пойдёт и дальше.

В. Г. Белинский высоко оценил эту повесть Тургенева, хотя и сделал важную оговорку: «“Андрей Колосов” г. Т. А. — рассказ, чрезвычайно замечательный по прекрасной мысли; автор обнаружил в нём много ума и таланта, а вместе с тем и показал, что он не хотел сделать и половины того, что бы мог сделать; оттого и вышел хорошенький рассказ там, где бы следовало выйти прекрасной повести» [4]. Слегка поправим критика: Тургенев все-таки написал не рассказ, а прекрасную повесть, сделав свои первые шаги в области прозы столь значительным достижением.

Литература

1. «Отечественные записки», 1844. Т. XXXVII, № 11.-С.109-134. Цитаты из повести даются по академическому изданию Тургенева: Полн. собр. соч. и писем. В 28-и тт. Письма. М-Л: Изд-во АН СССР, 1963 — т. V-С.7-35.
2. Анненков П. В. Н. В. Станкевич. Переписка и его биография М.,1957.-С.257.
3. Замятин И. И. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по истории русской литературы XIX столетия. Варшава, 1911.-С. 180.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т.-М.: АН СССР, 1955.-т. VIII-С. 483.

Валерий Орлов
(г. Санкт-Петербург)

ЧЕРНЫШ

Вторая смена на заводе заканчивалась в двенадцать часов ночи. Иван с трудом стоял у своего вальцовочного станка. Восемь часов поднимать и бросать во вращающееся жерло тяжелые мешки с сажей, серой, каучуком и здоровый мужик не выдержит; у него сильно болела нога. В сорок третьем году сержанту Николаеву Ивану осколком снаряда перебило правую ногу. В госпитале врачи сказали, что ампутация просто необходима — иначе — гангрена, и он умрет. Иван упросил старого хирурга сохранить ногу. Врач четыре часа резал, сшивал, снова резал бедного сержанта. Утром, когда Иван отошел от наркоза, медсестра сказала, что операция прошла успешно; дежурный врач подтвердил ее слова. Теперь все зависит от его здоровья. Сержант был деревенским, крепким мужиком, поэтому в своем здоровье он не сомневался. Через два месяца его выписали из госпиталя на двух ногах и с костылем; еще через месяц он сменил костыль на палку. Все знакомые узнавали Ивана издали, он сильно хромал на правую ногу — она у него была короче здоровой на четыре сантиметра.

На шинный завод бывшего сержанта приняли по распределению, пообещали приличные деньги, но тяжелую работу. Выбирать не приходилось, он согласился. Шесть страшных лет Иван работает на этой каторге, в ужасном цеху, где ночь и день слились в одно черное грязное болото, там и дышишь, и «купаешься» в саже. От завода ему дали комнату в бараке, недалеко от предприятия. Если идти прямо от проходной через заросли кустов и маленькое болотце, то можно попасть домой за пятнадцать минут, а если хочешь пройти по освещенной, асфальтовой дороге, то время в пути будет около часа. Через болотце все обычно ходят днем, а ночью быть в этом месте опасно: разного рода шайки только и поджидают одинокого прохожего; разбой, изнасилование женщин — обычное явление в этих местах. Ивану тоже два раза вытряхивали карманы; в основном там поджидают после полочки. Но полочка прошла, в его карманах пусто и он, после смены, пошел через проклятое болото. Была середина апреля, под ногами хрустел тонкий ледок, кое-где хлюпала вода. Слабый ветерок дул в сторону завода и отгонял от города резиновую вонь. Большие звезды и луна освещали едва заметную тропу. Но он хорошо знал местность, поэтому, прихрамывая, смело продирался сквозь кусты. «Домой. Скорей домой. Поест и спать», — только об этом думал измученный Иван. Вдруг послышался слабый писк, не поверив услышанному, он продолжал ковылять по тропе. Писк становился слышен отчетливее, и Иван внимательно стал смотреть себе под ноги. Четыре небольших черных пятна были справа от его ноги; он

нагнулся, и в ледяной подмерзающей жиже различил новорожденных котят. Три комочка уже вмерзли в лед и не подавали признаков жизни, а самый крайний барахтался лапками, не давая жиже замерзнуть, и слабо пищал. «Котят новорожденных выкинули, сволочи!» — подумал Иван. Он с трудом нагнулся, подцепил грубой ладонью шевелящееся черное тельце, сунул в карман своего старого пальто и... забыл про котенка. Придя домой, растопил печку, которая занимала почти половину комнаты, согрел чай, небольшие щи и вдруг испуганно вспомнил... в кармане пальто лежит котенок. Иван осторожно просунул ладонь, нащупал тельце и вытащил его. Черный комок не проявлял признаков жизни. «Наверно, сдох!» — решил он. Но пригретое теплой ладонью тельце слабо зашевелилось. Достав из ящика старую рукавицу, Иван нагрел ее на печке и засунул туда котенка. Заботы о новом жилье отбросили отдых и сон на второй план. Его мозг сверлила одна мысль: «Где взять питание для своей животины? А что если сходить к Верке, может, даст молока котенку; она добрая. У нее родился третий ребенок, а она все не замужем!» — рассуждал он вслух. Сказано — сделано! Верка жила в соседнем бараке. Позабыв про свою больную ногу, он осторожно прокрался к ее двери, тихо постучался, и скоро ему открыли. Жаркое тело молодухи, с большими отвисшими грудями, едва прикрытыми сорочкой, дохнуло на него женской лаской. Слабо горевшая лампочка делала очертания фигуры довольно привлекательными. Иван, который иногда к ней захаживал по ночам, вначале растерялся, и не мог вспомнить — зачем пришел. Верка, протянув загадочное: «О...о», осмотрительно молчала. Наконец он пришел в себя, и объяснил причину посещения. Женщина сначала удивленно его слушала, стараясь понять, что хочет ее ухажер. Наконец она сообразила и беззвучно засмеялась, боясь разбудить детей. Самый маленький, а ему всего два месяца, слабо запищал, видимо, холодный воздух с улицы разбудил младенца. Верка поковырялась в каких-то тряпках у печки, и достала небольшую баночку с белой жидкостью; немного отлила в граненую стопку и тихо сказала: «Свое молоко даю, от ребенка отбираю!» Иван поблагодарил, поцеловав ее в горячую щеку. Вернувшись, он нашел котенка не в рукавице, а ползущим по одеялу к печке. Маленькие темные пятна на ткани показывали его путь. «Простудил все кишки», — подумал он. Часа два пришлось ему возиться со своим найденышем, пытаясь научить пить молоко. Наконец он нашел способ кормления малыша: намочил кусочек марли молоком и просунул в пищущую глотку. Сделав два-три судорожных глотательных движения, котенок стал сосать ткань. Прodelывая эти несложные операции, Иван накормил приемыша, который, наевшись, свернулся в маленький комочек и закрыл глаза.

Иван был одиноким всю жизнь. В тридцатых годах его семью раскулачили: отца расстреляли за то, что прятал хлеб от новой власти, мать сослали куда-то в сторону Урала, а его с сестрой отправили в детский дом. Потом — работа в колхозе, армия, война и... этот проклятый завод. Семьи никогда не имел — кому нужен нищий мужик с непривлекательной внешностью: небольшого роста, лысый, худой. Но он имел и достоинства — громкий голос, который помог ему в армии стать сержантом. Его четкие команды были слышны во всех точках строевого плаца. Однажды он познакомился на танцах с одной девушкой, но и ту «увел» близкий друг. После этого случая

друзей у него не было. Ко всем Иван относился подозрительно, часто критиковал действие начальников и насмехался над ними. С Веркой он познакомился года три назад, раз в неделю забегал к ней по делам и по своей мужской нужде. Она была доброй женщиной, тоже из деревни, привыкла весь жизненный груз тащить на своих бабьих плечах. От мужиков ничего не требовала, никому не была верной подругой. Дети у нее были все разные: первый — высокий черный парень, похож на цыгана; второй — маленький, щуплый, со светлыми волосиками, имел большое сходство с Иваном, но тот старался не замечать этого; последний — рыжий, здоровый малыш родился весом в четыре килограмма — для послевоенного времени это было большой редкостью.

Иван еще долго не мог заснуть, вспоминая свою горькую жизнь и мечтательно глядя на черный живой комок, думал, что и у него появилась своя «животина», за которой надо ухаживать, она предано будет ждать его дома. Но скоро он задремал, сон его был чутким, болезненным, напоминал состояние недавно родившей женщины, которая была всегда настороже, боясь пропустить плач своего ребенка. Ночью ему пришлось два раза подкармливать свое «чадо». Днем, на заводе, Иван только и думал — где достать молока для котенка — Верка больше не будет отрывать пищу от своего малыша. Его напарник посоветовал пойти в столовую и рассказать о случившемся, может помогут повара. Но там его не стали слушать, а только осмеяли. Выходя из столовой, он проходил мимо посудомоек; его острый взгляд увидел капли молока в бутылках, которые мыли женщины. Он попросил разрешения собрать эти остатки для котенка — ему разрешили. Каждый день после работы Иван по часу проводил время в столовой, собирая живительную влагу для своего питомца. Молоко было найдено, Чернышу, как его назвал хозяин, голодная смерть ему не грозила.

Через три месяца в его комнате всем завладел черный, крупный котик: теплое место на постели принадлежало Чернышу, красивая миска с едой, у печки, тоже собственность кота. Иван свыкся с независимым характером своего питомца и всячески потакал ему: то для лежанки отдаст свой шерстяной шарф, то большим гребнем вычесывает его гладкую шкурку. Кот принимал это как должное; дома бывал редко — поесть, поспать, встретить хозяина и снова во двор, по своим делам к своим друзьям и подругам, таков был распорядок дня Черныша. Так как Иван закрывал всегда двери на замок, то на свою кровать кот привык ходить с улицы через форточку. Чернышу работы хватало на целый день: обойти три барака, облазить чердачные помещения, а главное, посетить барачную помойку, в которой всегда можно найти какой-нибудь необычный вкусный кусок. Правда, желающих побывать в такой бесплатной столовой было много: все барачные коты и кошки, собаки — свои и чужие; да и птицы, от воробья до вороны — все искали там свое лакомство. На этой помойке, как и в жизни, существовал один жестокий закон: лучший кусок достается сильному. Черныш от природы был добрым и ласковым, но, получив несколько трепок от своих и чужих, отбросил всю сентиментальность и стал жить по правилу «бей слабого — уступай сильному».

Однажды на его глазах гроза помойки, рыжий здоровый пес Джек, разорвал знакомого кота из соседнего барака. Этот котик, найдя что-то вкусное,

замешкался и вовремя не уступил место грозному сопернику, и тот, по праву сильнейшего, придавил его лапой к земле и перекусил на две части. Не найдя ничего вкусного в отбросах, он плотно пообедал остатками этого несчастного. Наблюдавший из кустов за этой жуткой картиной Черныш усвоил еще одно правило: нашел съедобное, хватай и быстро убегай куда-нибудь подальше, где можно спокойно насладиться едой. Если не считать мелкие неприятности, то жизнь Черныша была спокойной и счастливой: у него есть своя комната с кроватью, свой хозяин, который в нем «души не чает» и всегда приносит с работы вкусную еду. Кот благодарил хозяина по-своему: когда у Ивана болела нога, он согревал своим телом больное место, и хозяину становилось легче. В жизни у всех бывают полосы везения и невезения. Полоса счастливой жизни у Черныша прошла.

На заводе у Ивана были давние распри с мастером цеха: то ли из-за недоплат, а может из-за отпуска — много всяких неприятностей может сделать начальник подчиненному. Иван рассказал в цеху анекдот про правителей в Москве; кто-то донес мастеру, а тот сообщил в «нужные органы». Утром в дверь комнаты хозяина тихо постучали. Иван открыл — два милиционера вежливо предложили взять вещи и документы и следовать за ними. Ему помогли сесть в машину, и там он увидел еще несколько незнакомых «бедолаг». Он все понял; с каким-то равнодушием бросил последний взгляд на свой барак, и только одна мысль сверлила его мозг — что будет с Чернышом? Правда, кот почти взрослый: ему около двух лет, но все же жаль было с ним расставаться! Про Ивана больше никто ничего не слышал; на дворе были пятидесятые года, когда жизнь человека ничего не значила.

А что Черныш? Проснулся утром, сунул мордочку в блюдо — пусто; махнул через форточку во двор, прошел свой дворовый путь, перекусил на помойке, и стал ждать своего хозяина, но тот не появлялся. К вечеру в комнату Ивана пришла грудастая Верка, потрепала кота по черной шерстке, обшарила небольшую комнату, кое-что завернула в одеяло, посидела на кровати около Черныша, смахнула пару слезинок с глаз, тихо сказала: «Извини, тебя взять с собой не могу. У самой трое на шее висят». И ушла. Черныш мало кому доверял в своей небольшой жизни, но этой женщине всегда подставлял спинку, приветствовал слабым мяуканьем — видимо, чувствовал, чье молоко вернуло его к жизни. Через три дня появились в комнате новые жильцы: нестарая, высохшая, рябая женщина и мальчик лет восьми. Увидев кота на кровати, ребенок хотел было приласкать животное, но кот резким ударом когтистой лапы поранил его руку. Тот с криком бросился к матери. Черныша выкинули из его родной комнаты в холодный коридор. Кот несколько раз пытался проникнуть в помещение — его выбрасывали. Сидя у закрытых дверей, он долго мяукал, стараясь объяснить новым жильцам, что это его комната, скоро придет хозяин и решит это недоразумение. Но дверь и форточка оставались закрытыми! Кота просто выкинули на улицу, где он никому не был нужен, и мог надеяться только на себя. Наконец Черныш это понял: грязная помойка, мыши и воровство — могут его спасти. Подвала у барака не было, но теплый чердак мог дать ему прибежище. Кот знал все входы и выходы на нем, и даже ухитрился поймать там несколько мышей; раньше он брезговал ими, но теперь, когда пустой желудок своим голодным урчанием требовал пищи — любая

мышь казалась ему лакомством. На помойке надо было найти и драть-ся за пищу, а на чердаке все зависело от его силы, ловкости и хитрости. Он это быстро понял и скоро стал прекрасным охотником на мышей. Спал Черныш в разных местах; там, где топили печку, кирпич труб нагревался и грел отдыхающее тело кота. Постепенно его жизнь наладилась, но иногда воспоминания из детства гнали его к родному окну, где он смотрел на закрытую форточку и беззвучно мяукал — кому-то о чем-то жалуясь.

Иногда ветер доносил до кота приятные запахи пищи из-за домов; Черныш не любил, даже боялся отходить от своих бараков: здесь он родился, вырос, живет, имеет теплый ночлег и кое-какую пищу, а там, где-то далеко, что его ждет — неизвестно? Однажды, когда кот был особенно голодным, вкусный запах заманил его прогуляться и узнать, что там, вдали происходит. Пробирался долго, осторожно, наконец, увидел долгожданную цель: помойные бачки у столовой, но путь Чернышу преградили местные хозяева — несколько собак. С котами можно было бы сцепиться из-за вкусной еды, но собак он опасался. Долго кот наблюдал за этой пестрой компанией и, когда те насытились и разбрелись, ухватил несколько кусочков пищи, но этого ему было мало, и он вернулся назад, к своим баракам. Больше на эти вкусные запахи из-за домов Черныш не реагировал. В теплое время года жить было легче, зато зимой добыть пищу... очень сложно. В холодное время скоропортящиеся продукты жители бараков хранили в сетках, за окном. Вот эти сетки его и кормили; если хозяйка не уберет на ночь свои продукты с улицы, то они принадлежали Чернышу — он таскал все, что можно было есть. За такое воровство ему часто доставалось. Но «голод — не тетка», без пищи не проживешь. Несколько дробинok в задней ноге напоминали ему об опасностях в жизни. Но все забывалось, когда он добирался до заветных продуктов, вкус мяса и рыбы отгонял все земные страхи. Люди бы сказали проще: «Не рискуешь — не пьешь шампанское!» Если чувствуешь аромат свежего мяса или волшебный вкус рыбы — разве можно устоять против такого искушения, поэтому и приходилось коту рисковать своей жизнью.

Время шло: тепло сменялось холодом, холод — теплом; Черныш почти десять лет прожил в своем бараке, некоторые жители считали его своим барачным котом, и иногда пытались прикармливать, другие, напротив, видели в нем врага и вора, который заслуживает смерти. Особую ненависть к нему питали мальчишки, для них он был живой мишенью, в которую можно стрелять из рогатки и кидать камнями. Один раз его чуть было не утопили в озерке. Маленькая девочка дала Чернышу кусок колбасы, почувствовав опьяняющий запах, кот забыл об осторожности, и мальчишки накрыли его сеткой. Дальше он оказался в темном мешке, и один хулиган несколько раз ударил кота палкой. Запах этого мальчишки остался в его памяти на всю жизнь. Мешок с котом принесли на берег небольшого озера и бросили подальше от берега. Был вечер, мальчишки не стали ждать, когда мешок утонет, покидав в него камнями, разбрелись по своим домам. Черныш родился под счастливой звездой, мешок плюхнулся рядом с плавающей корягой, зацепился за нее, и в полузатопленном состоянии через пару часов его прибило к берегу. Зубами и когтями он разодрал ткань мешка и оказался на свободе; после такого угощения кот никому не доверял, и с рук не брал

пищу. Своему обидчику Черныш отплатил сполна, по запаху узнал, что тот жил в дальнем бараке. Несколько дней выжидал удачного момента для мщения, и когда тот возвращался поздно вечером, кот подкараулил его в темном коридоре, прыгнул сверху, разодрал кожу головы когтями и исчез в ночном дворе.

Скоро с Чернышом произошел еще один неприятный случай: рано утром, когда он направлялся к помойке, ему навстречу, как ему показалось, шел его хозяин, прихрамывая на больную ногу и опираясь на деревянную палку. Забыв обо всем, кот бросился к этому человеку, и прыгнул ему на грудь, как делал это в детстве, страшный удар по голове отбросил Черныша в кусты, откуда он одним прыжком исчез в зарослях. Оглушенный, ничего не понимающий, лежал он на прелых листьях, а в голове была одна мысль: «За что?» Но запах одежды человека с палкой ему подсказал, что это был не хозяин; от его спасителя пахло махоркой и луком, здесь чувствовалась резкая вонь лекарств и нафталина. Да как же он мог так ошибиться — видимо, годы брали свое.

Много еще событий происходило с котом за его долгую жизнь, но самое страшное ждало впереди. Черныш стал замечать, что людей в бараках становится меньше, вместо сытой помойки — свалка несъедобного мусора, печка на чердаке его больше не грела. Бараки стали исчезать: сначала снесли дальний, потом средний и, наконец, очередь дошла до его дома. Всю площадь обнесли забором, завезли песок, кирпичи, доски — ничего подходящего для жизни кота не было. Помойка была в стороне и ее закопали. Кот голодал, его шерсть клоками слезала со слабого тела; наступившие холода заставили Черныша вырыть глубокую нору в бывшей помойке, но мусор слабо грел. Мышей было мало, да и ловить их было тяжело; только личинки и червяки спасали его от смерти. Но недаром говорят, что у кота девять жизней; у него они не кончились, а продолжали следовать одна за другой.

Однажды, пробираясь через кусты, он уловил слабый шелест; любопытство и голод подтолкнули Черныша узнать — что там происходит? Заглянув в густые заросли, кот увидел большую белую птицу; ее крылья, еще недавно рассекавшие воздух, запутались в кустах и слабо трепетали, наверно, она ударилась о провода и разбилась. Смерть невидимая, но вполне естественная, медленно забирала последние силы и саму жизнь от небесной красавицы. Кот хотел броситься на добычу, но какой-то внутренний голос подсказал: «Не торопись. Дай ей умереть спокойно!» Черныш прижался к холодной земле и выжидающе наблюдал за агонией птицы. Наконец она затихла; кот утолил свой естественный голод; два дня он не отходил от своего «праздничного стола». Сил прибавилось, и Черныш отправился к далекой столовой, запахи которой нещадно будоражили его голодную фантазию. Бачки с остатками пищи все так же стояли в углу двора; днем редко какая собака или кошка подходили к ним, но, начиная с вечера, картина менялась: сначала самые сильные и смелые животные насыщались долгожданной пищей, ближе к ночи подходили к бачкам остальные — послабее, мыши и крысы завершали это бесплатное пиршество. Столовая помойка была кормилицей всех четвероногих, которые потеряли своих хозяев, и Черныш был в их числе. Ночевал он в подвале большого дома, там было сухо и тепло; через сломанные окна, можно легко войти и выйти из этого убежища.

Силы вновь вернулись к коту: шерсть загустела, и мышцы заиграли под ней. В ссорах с кошками он мог постоять за себя и вырвать лучшие куски с обеденного стола-помойки. У Черныша появилось много друзей, но постоянной симпатии ни к одной он не имел: так, один раз встретятся и... разбегутся в разные стороны. Обращение с кошками у него было чисто мужское: он не бегал за ними, ни мяукал, вылизывая ей мордочку, умильно заглядывая в глаза, а просто, грубой кошачьей лапой, прижимал голову временной подруги к земле, ловко влезал на нее и, сделав свое дело, уходил, не обращая на нее никакого внимания. Так, как будто поймал очередную мышь, насытился и... забыл.

В теплую погоду бачки с остатками пищи стали своим запахом раздражать жителей, и вечером их пришлось увозить. За неимением еды, столовое «братство» распалось; каждый стал искать свой кусок — где повезет! Черныш снова решил вернуться к своим баракам; вместо них, за забором, высилось огромное многоэтажное здание, за строительными материалами, в углу двора виднелась будка сторожа, а рядом... конура собаки. Кот боялся и ненавидел этих огромных тварей, но от жилья сторожа тянуло таким ароматом пищи, что он не выдержал и подкрался поближе; долго лежал под забором, наблюдая за сторожем и его большой рыжей собакой Альмой. Она была неопределенной породы — смесь дога и дворняги. Днем ей приходилось скучать на привязи, а вечером, когда уходили рабочие, сторож отпускал ее бегать по строительной площадке, где она своим видом и громким лаем распугивала воров — несла свою сторожевую службу. За эту работу собаку кормили вкусной пищей, остатки которой и привлекли кота. Дождавшись, когда Альма убежит от конуры, Черныш бросился к миске, схватил зубами несколько жирных кусков мяса — скрылся под забором. Скоро собака вернулась, подозрительно обнюхала свою миску и, не обнаружив ничего странного, снова убежала. Сторож кормил своего помощника два раза в сутки, вынося литровую кастрюлю с наваристым супом, собака всегда была сытой и не обращала внимания на воробьев, возившихся у остатков пищи; ну, а где есть один нахлебник — всегда появится и второй. Таким нахлебником стал Черныш: собаки нет — кот у миски, собака прибежала — кот под забором. Черныш долго жил на этом свете, он был старым и умным, редко какой его собрат проживет и год в этом жестоком уличном мире. Только осторожность и смелость могли ему помочь. И... помогали! Ночевал он в строительном мусоре, но кормился просто по-«барски»: почти каждый вечер его ждал жирный теплый суп, а иногда и с кусками мяса. Альма была не жадной собакой, она никогда не съедала все сразу, а может, привыкла к однообразию пищи и к постоянству своей кормежки. Суп съедала по частям: когда ей приносили еду, после проверки стройки и ночью. Кот привык к распорядку дня собаки и был доволен своей новой жизнью, а та, после приятных моментов, подбросила ему и неприятности. Альма ошенилась, принесла трех здоровых, толстых щенят, и как примерная мать, находилась рядом с новорожденными. Бегают недалеко и все следит за будкой, где спит ее потомство. Для Черныша это был жестокий удар, но, к его радости, так продолжалось недолго, Альма вновь стала убегать в дальние углы стройки. Кот, вместе с воробьями, кормился остатками собачьего обеда. Сторож сначала отпускал всех от конуры, потом это занятие ему

надоело, и он перестал обращать внимание на птиц и кота, но иногда любил, из-за окошка, понаблюдать за их возней у миски с едой.

Однажды, после очередного похода за обедом, Черныш у конуры почувствовал крысиный запах. Заглянув в конуру, увидел, как большая черная крыса, придушив щенка, прокусила ему горло и сосет кровь умершего малыша. Прыгнув на крысу, он прижал ее к земле и прокусил крысиную шею; та сдохла, кот вытащил зверюгу из конуры и бросил у дверей сторожевой будки. Сторож видел, как кот вытащил что-то тяжелое из конуры и выскочил спасать щенка, увидев мертвую крысу — понял свою ошибку: кот спас оставшихся щенят от неминуемой гибели. Сторож, удивившись такому благородному поступку, решил прикармливать спасителя — поставил у дверей банку с молоком. Черныш первое время боялся подходить к лакомству открыто, и ел подношение украдкой; постепенно привык, и лакал молоко в присутствии сторожа. Альма, давно привыкшая к его запаху, мало обращала на кота внимания. Ее больше волновала кастрюля с едой, но Черныш при ней ни разу не дотронулся до собачьей пищи.

Так и зажили они втроем: сторож, собака и кот. Щенков вскоре забрали рабочие: одного взяли для охраны дачи, другого — для себя, просто понравился. Работа по строительству дома приближалась к концу, рабочие довели пятый этаж и приступили к сборке крыши. Альма все так же — вечер и ночь, бегала по стройке, распуская непрошенных гостей, а кот или грелся у печки, или нежился на солнце. Вечером собака, как всегда, убежала и... пропала. Утром сторож забеспокоился, и пошел искать Альму; все было безрезультатно — на стройке собаку не нашли. Днем к нему подошел один из рабочих и сказал, что видел недалеко от дороги сбитого машиной рыжего пса; они поспешили к этому месту — в кустах, грязная и израненная, лежала Альма. Сторож аккуратно обернул ее мешковиной и принес к своей будке, собака не подавала признаков жизни. Видимо, все силы она истратила ночью: ее сбила машина на дороге, были раздавлены задние лапы и сломан позвоночник. Альма ползла, упираясь передними лапами, и волокла изуродованные задние. До стройки оставалось не более двухсот метров, но силы оставили ее — она не могла переползти канаву, запуталась в кустах. Сторож стоял с понурой головой около умирающей собаки, Черныш испуганно глядел на тело из-за ноги хозяина. Помочь Альме никто не мог, и к вечеру она умерла. Ее хозяин пошел искать лопату, а кот подполз к телу собаки, прижался к широкой спине, и неподвижно лежал, стараясь ее согреть. Страх перед Альмой у него давно прошел, они не были друзьями, но какая-то внутренняя жалость заставила его пойти на этот поступок.

Сторож похоронил своего помощника на берегу заросшего озера, под кустами. Около месяца на стройке была тишина, не слышно гулкого собачьего лая, но вскоре это спокойствие нарушили тявканье и повизгивание щенка. Один из рабочих вернул сторожу детеныша Альмы, крупного, ширококостного, рыжего. Эта собака в тесной квартире строителя перевернула всю мебель, и ее решили вернуть прежнему хозяину. Хотя Кузе, так звали кобелька, было около трех месяцев, но издали он походил на взрослую собаку. Молодость и сила будоражили его, он не мог и секунды оставаться на месте, ему надо было бегать, прыгать, хватать кого-нибудь зубами, особенно доставалось проходящим мимо будки рабочим. Два раза

он пробовал схватить зубами кота, но, получив увесистые затрешины, оставил его в покое. В старости Черныш плохо переносил щенячий запах, при приближении щенка у него текли слезы, и он начинал задыхаться, поэтому кот держал Кузю на приличном расстоянии от себя. Настроение у него, как у всех стариков, резко менялось: когда ничего не болело — он мог разрешить себя погладить, потереться спинкой, если старческая немощь брала свое, то кот мог ударить лапой, просто так. А болезни брали свое, года давили своей тяжелой ношей! Черныш меньше стал выходить из сторожки, еда в миске часто оставалась нетронутой. По утрам было особенно тяжело, судороги вытягивали его больные лапы, причиняли невыносимую боль. Все чаще к нему приходила страшная мысль — пора уходить! Кот не понимал — куда уходить? Зачем? Но его тянула какая-то неведомая сила: уйти подальше от живого мира, туда, где тихо и темно. И он решился: утром, собрав последние силы, он спустился с крыльца, с трудом пролез под забором, углубился в чащу кустов, спрятался от всего живого, и... успокоился. Щенок, видя, что кот куда-то уходит, побежал за ним, но, сунув морду в кусты, где лежал умирающий Черныш, в испуге отпрянул — что-то страшное и непонятное для него витало в этих зарослях. Черные крылья-тени прикрывали вытянутое тело, последний хриплый звук вытолкнул щенка в солнечный, радостный день, где он закружился вьюном на месте и побежал по своим щенячьим делам. Черныш, пройдя тяжелый жизненный путь, ушел далеко в темноту, к своим маленьким братьям и сестрам, о которых он никогда не вспоминал, но они были с ним рядом всегда.

Михаил Рыбаков
(Вологодская обл., г. Устюжна)

САМЫЙ ИСТОК

СКАЗ

Последние три года князь постепенно угасал, становился равнодушным, что ли?..

А как хорошо начиналось! Вечерком, после домашних неотложных забот, когда, сморенные тяжким трудом, взрослые засыпали в своих закутках, молодёжь спешила на выгон, где разворачивались игры, то в «казаки-разбойники», то в «салки», то «в третьего-лишнего» или «в жмурки», или силушкой мерялись: «улица на улицу»...

Потом с Иришкой провожались до первых петухов — жизнь!..

И зачем не послушались дружка нашего, Язная? Как просил нас, чтоб не ездили, да где там... Настояли родители... Кажется — вчера было, а жизнь прожита почти...

Переправились через Днепр в долблёнке в Затонище, где жила тётка Проня — сестра отца. Привезли передачку родителей — стерлядки вяленой да самой спелой репки из огорода. Уж как тётка рада была нашему приезду: какие ни какие, а всё ж помощники, лишние руки для погорельцев — дар Божий! Почитай — одни бабы и ребятишки месили саманное тесто, сдобренное рубленным очеретом. Два мужика-инвалида набивали формы, волоком тащили на взгорок, вываливали содержимое форм для сушки. Всё это было верно, но так медленно, что Кий не выдержал, засучил рукава, подхватил топор и принялся сооружать вертел. Хор и Щек принесли сухую лесину, Кий отрубил, заострил кол и забил его в землю, рядом с выемкой, где месили ногами саман. Приспособил на колу вертел, на одном конце которого прибита площадка с подюжиной форм для саманного кирпича. Теперь формы заполняли сами бабы-месильщицы, а двое других, поворачивая вертел, доставляли заготовки к месту сушки самана. Когда братья убедились, что работа наладилась и постепенно куча сухого самана стала расти под навесом — Кий засобиравшись в обратный путь. Он помнил отцов наказ — вернуться к Любечской ярмарке. Тётка Проня взмолилась:

— Племяши, оставьте погостить сестру, хоть на пару неделек, такая она ласковая, Лебёдушка, прикипела душой. А?

— Ладно, хай погостует. Только смотрите за ней, чтоб не заблукала — любит зверушек лепить. Как займётся, так за всё забывает. А ты слушайся тётку Проню. На сём разреши откланяться, прости, если что не так...

— Так-так, мои драгоценные, спасибо за помощь и привет передавайте домашним. Жду их в гости...

Чинно попрощавшись, братья уселись в чёлн и направились по старице к Днепру-Славуте. Солнце уже гулькнуло на вторую половину дня, когда братья переправились через Славуту, в залив малого притока, где на крутом

береге стояло их селение под тремя вековыми дубами, как бы прячась под их роскошными кронами неказистые мазанки, очеретом крытые... Но где же они? Что-то незнакомое накатило на братьев, пока те вытаскивали на берег долблёнку. Почти бегом поднялись на кручу, а там... вместо мазанок лежали кучи битого самана, дымились обугленные колоды, заготовленные мужиками для нового бога, ПЕРУНА, статуя которого подгнила и завалилась на мыс, выдающийся косой смугой в пучину Днепра.

На старище валялись вспученные от жары старые коровы, свиньи и трупы тоже старых родичей и односельцев. Между трупами, хрипло повизгивая, ползали девчонка с мальцом и пытались уговорить мёртвых подняться, да под средним дубом сидел дед-ведун Савва — старый-престарый, давно забывший, сколько лет уже земельку топчет... Он что-то бубнил в длинную седую бороду, как бы в забытьё. Малышня, завидя появившихся братьев, тут же прилипла к ним и потихоньку успокоилась. Щек сбегал к реке, принёс воды, напоил малышей и деда. Только присели ближе к старику, на беседу, как крадучись меж кустов пробрались три бабы с ребятишками и молча кивнув в знак приветствия, уселись под дубом. Долго говорить было некогда. Нужно хоронить и скотину, и родичей. Скотину стащили к круче, свалили туши в яр и прикопали щирым песком. Трупы снесли на высотку к глинникам, как распорядился дед Савва: «Там им будет просторно, далеко Славутич видать». Сложили всех в одну копанку, закопали и в центр закатали большой серый валун, что без дела валялся край селения...

Пока отдыхали от тяжкого труда — обнаружили, что пропал Хорев. Братья походили рядом, покрывали — без толку. Тогда решили искать дальше. А перед этим Кий попросил пришлых собрать на старище всё, что может пригодиться для дальнейшей жизни.

— Дедушка, а тебе особое задание... Ходи по дорогам и весям, кого надыбаешь, посылай сюда. Вместе легче будет пережить беду. Забирай себе помощников, только сопли подотри им.

Сначала братья аукались, двигаясь полукругами, потом углубились вдоль берега речки, заглядывая в попадавшиеся выемки, под корчи, заходили в буграки, но нигде не находили Хорева. На голоса тоже не откликался...

— Эх! Нету Язняя, тот бы нашёл путь к брату, — протянул устало Щек.

— Где он поделся? Чтоб в полон взяли? Не верю, больно хитёр дружок наш... — и споткнулся на полуслове Кий. — Чуешь, Щек, а я догадался, где Хорева искать!.. Пойдём, быстрее...

Где и силы взялись! Скоро братья подходили к глиннику, что тулился между крутым правым берегом и речкой, где любила лепить из глины разных зверюшек сестрица Лыбедь.

— Ага!!! Вон, видишь? Хор!!! — рывкнул Кий. — Вставай, ледащий брате! В ответ — тишина... Когда братья подошли вплотную, то заметили, что тот спал глубоким сном, слегка похрапывая, а по грязной щеке катилась непрошенная слеза.

— Оставь его, Кий, пусть поспит, никуда теперь не денется. Ты ж хотел гору посмотреть. Хотя солнце и низко уже — думаю — успеем.

Цепляясь за кусты и коренья, братья вскарабкались на кручу и... перед ними раскинулась верхотура горы, как срезанная огромным ножом. Эта громадная площадка с двух сторон обрывалась стремнинами к Славуте,

а противоположная сторона уходила к реке кручами, по которым они только что поднялись. В степь уходил узкий перешеек, заросший лещиной и молодым березняком...

— Что скажешь, брат?! А? — победоносно обернулся Щек.

— Скоро смеркать будет. Быстро за Хором и — к людям, там поглядим...

Когда братья вышли на простор у дубов, то были крайне удивлены открывшейся картиной. В наступающей темноте на выгоне пылало три больших костра, и вокруг сидело и полулежало человек под сотню, в основном женщин, но проглядывались и бородатые обличья. Завидев братьев, те, кто их знал, поспешили навстречу, радостно обступили их, чтобы окончательно убедиться в их присутствии. Видя такое внимание, заговорил Кий:

— Люди, земляки! Мы только что спустились с вон той верхотуры, кто-либо из вас бывал там?

— Я бывал! — раздался голос, и от костра подошёл плечистый бородач Илья. — Я — рыбак из бывшего Юхнова. Знавал и родителя твоего...

— Вот и отлично, значит, не дадите соврать... А дело вот какое... Люди, пора отгородиться от Степи. Думаю — нужно строить крепость вон там, на горе. Твоё мнение, Илья? Скажи землякам слово!

— Верно советуют братья! И место — лучше не придумаешь!..

Уже к полуночи утомонились люди у догорающих костров. Избитые, ограбленные, бежавшие из полона, полуголодные, но ободрённые надеждой на светлое время впереди...

Солнце ещё и не думало просыпаться, а люди у костров шевелились малым муровейником, а меж них сновал Илья и приговаривал:

— Людоньки, не ходите налегке, берите с собой, кто саман, кто камень посильный. Там, на горе, всё пригодится..

Братья шли первыми, показывая людям, где попроще да полегше. У каждого из них за плечами была увесистая связка саманных обгорелых кирпичей. Илья шёл последним, считай что уже по пробитой тропе. Перед крутым подъёмом сели передохнуть, испить водицы... Как раз солнышко угнездилося над Заплавой, когда люди взобрались на поляну. После короткого отдыха Илья тех, кто помоложе, направил на згарище. Там остались три бочонка и две дубовые бочки.

— Люди, прошу вас осторожненько! Без воды на горе делать нечего, помните об этом.

А в это время братья выбрали удобное место для тропы к речке. Женщины и дети таскали в центр поляны валежник, подгнившие пни и всё, что могло гореть или тлеть, на крайний случай... Хорева и Щека Кий отправил в окрестья, на разведку:

— Хлопцы, там, где мы бродили — делать нечего. Забирайте подальше, но помните про степняков. Вроде бы недавно навала была, да с оглядкой — оно вернее. Всё, не боритесь, жду к вечеру.

Ой, как пригодилась Кию поездка к тётке Проне! Он сразу же решил приспособить глиняник для саманного дела: вода рядом, очерет и травы — тоже в избытке. Вот разве что круча... ну, как говорят — поглядим... В это время Илья прогорланил с верхотуры:

— Кий, поднимись срочно, дело есть. «Ну что ж, Илья зря орать не станет»... — подумал Кий и поспешил наверх.

А там его ждал, нетерпеливо приплясывая, Илья.

— Ага, хлопче, посмотри вона туда! Чего узрел? — Кий верил и не верил своим глазам: на площадке перед перешейком, что вёл в степь, паслось приличное стадо коров и молодняка.

— Откуда сей дар, земляче?! — Воскликнул Кий.

— Так сами прибились к людям... Несладкая жизнь и скотине в полоне, вишь, драпанули, сердешные...

— Так это же наше спасение, Илья! — воскликнул обрадованный юноша. Жинок организовал? Придётся, поди, раздаивать?..

— Всё организовал. Сейчас воду принесут, ведра освободятся и начнём дойку...

И, как подтверждение его слов, на гору втянули бочонки, а вскорости появились водоносы. И ещё одна неожиданность чуть не нагнала первую: появились неурочно братья и позвали Кия вниз, к глиннику. Кий, чуть ли не кубарем, скатился с кручи и попал в объятья... дружка Язня. Вот это радость, так радость! Это не две руки и голова, а десяток рук и котёл разных придумок! Когда схлынули первые минуты восторга, Язнай огорошил друга еще неожиданной радостью.

— Хлопцы, тащите «улов»! Хай любитесь!

И Кий сначала не понял, что же это? А когда понял — готов был всех удушить в объятьях! Братья выволокли из-за куста ивняка бревно, обгорелое от удара молнии. Ценность его заключалась в том, что оно представляло собой трубу, по длине равную скату кручи! «Вот это подарок судьбы!» — подумал он про себя.

— Братцы! Инструмент!.. И распустить вдоль, на два полукороба, два колеса от повозки и крепкую верёвку — у Ильи есть такая! И будет у нас великая подмога и саман вытаскивать, и воду доставлять, и брёвна вываживать, да мало ли ещё для чего?!

С утра Кий только было хотел отправить братьев в дозор, как Илья зашёл рассказать, что только-только вернулся дед Савва и просится на беседу.

— Так зови старого! Вместе и послушаем, что он выходил?

— Дедушка, заходи! — Дед залез в шалаш на корточках, уселся, пошамкал беззубым ртом и начал:

— Честной компании! — полупоклонился дед. — Основное, что я надыбал и с чем поспешил сюда — это ржаное поле у Старой Реки. Людей никого нету — всех вырезали басурманы... Нужно охорону туда, чтоб не потолочили звери. И ещё, не обижайтесь только — хочешь, не хочешь, а пару отрядов в дозор окрестий придётся направить. Видел неподалёку степняков разъезд... Так что думайте, мужики...

Когда Язнай и десяток юношей, отобранных ему в помощь, спустились с горы на родное старище, там кипела работа! В майну реки заталкивали шестами плоты из сосновых, липовых, дубовых и кленовых брёвен. Тут же разрубали связки из чернолоза и вытаскивали брёвна на берег «катеринкой» — воротом. Пока Язнай отлучился на время, хлопцы отобрали две самые крепкие долбёнки-лодки, принесли вёсла и расселись по местам, в ожидании старшего.

Язнай появился незаметно, понаблюдал за помощниками, покрутил головой и вышел из укрытия.

— Сидим? Готовы?

— Ага, команду ждём, — ответил самый смелый.

— Так-так... Вы собрались к тёще на блины? Мы о чём баяли?

— А-а-а, — беспечно протянул кто-то из хлопцев — так вона — вёсла... Наподдам, так мало не покажется!

— Всё, идите в кладовую, подберите себе, кому что приглянется...

Скоро вернулись — все при оружии: восьмеро с дубовыми палицами-кийками, а двое несли луки и стрелы. Уселись.

— Отчаливай! — подал команду Язнай. Лодки двинулись к выходу, лавируя между плотами, выплыли на чистую воду, минули водораздел между речкой и Славутой и налегли на вёсла, чтобы попасть в майну старицы, что вела к Заплавье.

Только миновали пещаный бар, намытый весенним половодьем, как им на головы посыпались стрелы с левобережья, и видно было, как с десятков конных бросилось в воду и поплыли им наперерез.

— Стоп, хлопцы! Лодки не поворачивать, отступаем к правому берегу!.. Когда корма лодки ткнулась в илистый берег, Язнай достал из-за пазухи голубя, попоил слюной, привязал на лапку тонюсенький прутик краснотала и, подбросив птицу, разбойно свистнул! Голубь этого и ждал, тут же взвился к самым верхушкам ивняка и исчез.

— Так... Теперь гребите вперёд к тем, что плывут с лошадьми. — Вражеские стрелы не доставали, и команды лодок чувствовали себя увереннее. Вот, лучники, сидящие на носах лодок, встали, натянули луки и послали стрелы в сторону плывущего неприятеля... Одна из стрел угодила коню в голову. От испуга и боли животное рванулось в сторону и подмяло под себя двух воинов. Один из них больше не появлялся на поверхности. Ободрённые успехом, лучники послали ещё несколько стрел. Плывущий отряд запаниковал, закрутился на месте, развернулся и подался вспять! Опомнились на левом берегу, стали пускать стрелы, но те не долетали до лодок, и Язнай приказал отступить к правому берегу. Там спрятались за прибрежные кусты и стали ждать.

— Глядите, запоминайте, что делает неприятель... Будем ждать подмоги.

У чума, где обитал Илья, сидел сам хозяин и Шек с Хоревом. Обдумывали насущные потребности отрядов и обстановку на меже с Диким Полем. И тут появился голубок. Он завернул круг, сел на плечо Ильи и заворковал. Их пазухи появилась головка голубки, потом появилась вся, выпорхнула, села рядом с дружкой и заворковали оба.

Илья заметил прутик краснотала...

— Хлопцы — по местам и подходите ближе к горе, ждите вестей.

Братья вскочили на коней и скрылись в разных сторонах.

Илья вскорости забрался на гору, отыскал Кия и спросил, где Язнай.

— Так за Лыбедью отправил. Хватит ей гостить, хай новое житло обживает.

— Ага, то добре. Когда отправился, не видел?

— Так солнце только над Заплавой стало. Чего спросил-то?

— Язнай тревожный сигнал прислал. Похоже, что с Полонной дороги. Ветка краснотала...

— Так, басурманы... Откуда взялись? Я с Хоревом к Десне, там переправлюсь. Посылай гонца Шеку, пусть спешит в понизовье. Он там все тропки

знает. Да кликни охочих. Надо косоглазым задать жару, чтоб трясло, как нас припомнят!

— Так и я со Щеком...

— Сынку, не дури! А тут кто будет, случай чего?..

Гонцы успели вовремя, и отряды выступили к Славуте. Илья, пополнивший отряд охочими, незаметно втянулся в заводь, где были спрятаны с десяток больших лодок. Уселись дружно, и скоро малая флотилия покинула заводь и переправилась на левый берег, немного выше гирла реки Десны.. Осторожно приблизясь к берегу Десны, Илья тренированным глазом охотника и рыбака увидел на том берегу речки двойной дозор: у вековой ветлы пасся конь, а в кроне виднелся дозорный. Левее, к корчу, рядом с берегом, привязана лодка, и рыбак в ней явно не рыбу удил, а наблюдал за окрестьем. «Хорошо». Воротясь к отряду, Илья приказал отдыхать до ночи. «А перед рассветом, когда дрёма усыпит внимание, мы их и уберём потихому», — подумал он, глядя на тихий закат, что розовым пятном лёг на воды и берег Славутича.

Щеку менее повезло. Припрятанные в заводи лодки, по крайности, две из десятка, дали течь и полузатонули, пришлось отчерпывать воду, конопатить трещины... Но всё когда-то кончается, и к вечерней заре отряд высадился на левый берег ниже Старой реки и напрямик подался на встречу с Язнаем, а вскорости и встретились. Хлопцы Язная выдвинулись на поляну, оставив дозоры на старице. Решили дозоры не снимать, оставить гонцов для связи, а сами подались в Заплаву. Пришли туда уже поночи, подняли тётку Проню и попросили поднимать всех, способных защищаться. Пока поднимали людей, Шек, Язнай (от которого не отходили Лыбедь) и тётка Проня рядили-гадали, как встретить неприятеля, с наименьшими потерями для себя.

— Сынки, есть у нас узкое место — наша гатка. Там слева болотина, чистая топь, а справа старица, и глубокая!

— А если на гать натаскать тины, то ни одна лошадь не устоит, — зазвенела Лыбедь под ухом у Язную.

— А если набить кольев в землю за гаткой, то косоглазым хана будет — заключил беседу кто-то из собравшегося люду. На том и порешили. Только-только наметилась на всходе светлая полосочка, а подарочек грабителям был подготовлен и замаскирован.

— Тётя Проня, часом челнока у вас не найдётся? Всё же нужно с Ильёй связь держать.

— Как не бывать? Есть, и кормщик есть, не гляди, что горбун, в челноке ему равных нету-ти! Дед Никифор, ты игде?

— Так тут я, матушка, и човен тут.

— От и добре!

— Захарка! Садись к деду — будете заодно! Гляди, запоминай, попробуйте до Ильи доплыть. Расскажешь, что и как. Всё, рушайте! И удачи вам!

Челнок только, вроде бы отчалил, а уже и след простыл, нет его, нырнул за выступ берега...

— Шек, бери охочих — и в дозор, а станется, так и постоять придётся.

Охочие уселись в две лодки и поплыли к правому берегу старицы

— Ну, а мы, люди, будем разбиваться на две дружины. Одна займёт место — вон там, на круче, у подъёма дороги, а вторая здесь, напротив. Определяйтесь сами, где вам сподручнее. Несите туда камни, саман, колодины,

прясла заборов — всё, что может помешать ворам вырваться на берег. Приготовитесь — отдыхайте, набирайтесь сил. Да чтоб тихо было, без хождений по круче. Никто не должен догадаться, что вы там залегли, — закончил Язнай.

— Ладно, сынку, хай люди роблять, а нам поснедать, не помешает. Дочка, зови гостя к столу.

Уже солнце высоконыко поднялось над Заплавой, а вокруг стояла тишина, глухая, первобытная, но ненадёжная, хлипкая какая-то. Известий не было, и постепенно нарастала тревога, от неопределённости, от тяжкого ожидания. Когда казалось, что ждать уже нет сил, из схрона правобережья послышалось троекратное кряканье селезня. Условный знак! Замечено движение ординцев. Прислушались — и точно! Издалека доносился какой-то тревожный, еле слышный, теряющийся в дуновениях ветра рокот. Он приближался, нарастал, можно уже было различить отдельные вскрики, ржание, скрип колёс... Потом из зарослей ветлы и тополя вывалилась голова чудища, которое упорно ползло к гати. Впереди вершник нёс бунчук из конского серого хвоста, украшенный цветными лентами и чем-то блестящим на солнце. За бунчуком толпились мурзы. Под их охраной ехал верхом весь раззолоченный князёк. Лошади мурз постоянно кружили, врзались в гущу, ища себе места под солнцем. Свистали нагайки, вспыхивали ссоры, даже булат звенел не однажды. А сзади головы из ивняка выпирало туловище, давящее на голову. Тут не зевай — затопчут! Защитники, как зачарованные, глядели на это неотвратимое движение. Казалось, что нет ничего на свете, что бы могло остановить этого исполина...

Вдруг всадник с бунчуком вздыбил коня и рванулся спуском к гати. Мурзы, чтоб показать свою прыть и любовь к князьку, рванули следом.

Первые всадники проскочили сходу почти всю гать и перед самыми колями пали, как скошенные, друг на друга. Ещё не видя случившегося, лавина всадников с гиком, сабли наголо, шли на гатку, тут же скользили, в страшной давке, лошади вздыбливались, чуя неустойчивый грунт, и падали, кто на кучу и за неё, на колья, кто валился в болото, кто — в воду старицы. На это самоуничтожение невозможно было смотреть равнодушно. Скрывавшиеся отряды, что на круче, встали во весь рост и, как замороженные, глядели на это страшное действо...

Тело этого монстра напирало на впереди идущих, выталкивало на гать и топило, перемалывало. Стоял бешеный визг гибнущих лошадей, вскрики людей, скрип и треск телег... А позади обоза стал нарастать ещё шум боя. Там шло сражение, неожиданное, невидимое движущимся походным строем степнякам и потому вдвойне опасное; потому задние не пытались дать бой нападшим так внезапно, в заросшей теснине, между рядами верб и тополей... Солнце начало клониться к закату, когда остатки степняков сообразили разбежаться вдоль правого берега старицы и стали бросать оружие... Показались на верху Илья, Щек и оставшиеся в живых хлопцы из отряда. Они принялись рубить крепления, которыми привязывали полонённых к жерди, нашейные доски — освобождая русичей от полона. Безоружные степняки и жители Запавы освобождали гать от трупов и конских круп. Конские туши сбрасывали в болото, которое, пыхтя и пузырясь, поглощало всё, без остатка.

Трупы стаскивали к старому глинянику, укладывали рядами, потом зарыли, а ординцы ещё долго ходили по кругу, насыпая над своими павшими собратьями небольшой курган.

Перед самыми сумерками дружинники Ильи повязали степняков десятками (по их же методе) и повели к Слауте. Спасшиеся лошадки напаслись, напились водицы со старицы и улеглись табуном под кручей, на песчаной об-сушке. В степь им было не уйти. Щек поставил дозоры с трёх сторон долины, где вскорости затеплились, разгораясь, костры. Когда увели пленённых — все остальные поспешили к гати, к оставшемуся обозу — спасать оставшееся награбленное степняками добро. Несли, что можно, волокни, гуртом толкали возы и арбы, подбирали оружие, железные и кожаные доспехи — всё это перемещалось на просторную площадь перед поселением, где пылали полукругом несколько костров. В центре, за столом, сидели выбранные обществом доверенные: тётка Проня, Щек, дед Никифор. К столу по одному подходили вызволенные из полона русичи.

— Сынку, говори своё имя, — произносил дед, как старший.

— Мыкола я, из Сновска... у меня може родичи живы, так я до дому пойду...

— Иди, гляди, ищи своё добро... — Язнай пошёл с Миколой, обошли всю площадь — не нашли ничего и вернулись к столу.

— Так... — произнесла с горечью Проня. — Вижу, вижу... Говори, Мыкола, что у тебя забрали басурманы.

— Корову с телушкой, пять овец, хату спалили, воз и коня. Дочку с жинкой в полон погнали, ещё ранее.

— А слышал, Мыкола, что на горе за Слаутой крепость против басурман строим? — спросил Щек. — Может, останешься?

— Так оно б можно и остаться, да нужно родичей поискать, а там уже решим...

— Тогда отмеряйте ему, по правде, хай повидну едет... — решил дед Никифор. — Называйся, сынку, — обратился он к следующему...

Так до самого рассвета шёл делёж добра «по правде». Как только солнышко показалось из-за высоченных ветел, на гатку тронулся обоз из полутора десятков возов. То возвращались в свои вотчины не пожелавшие остаться здесь освобождённые люди. На прощанье они отвесили низкий поклон добрым людям, подарившим надежду на будущее.

Когда последний воз скрылся за лозняком, усталые люди принялись собирать в узлы оставшийся скарб, так как всей Заплавой решили перебираться на гору. Дед Никифор, несколько женщин подюжее и подростков, принялись ремонтировать, конопатить и заливать живицей лодки для перевозки всего хозяйства поселения.

Язнай с Лыбедью, наконец-то! сели в лодку; хотели было и тётку Проню забрать, но та сказала, как отрубил, что уедет с последней лодкой...

— Отчаливай, друже! Я тут кое-какие дела доделаю и догонять с хлопцами буду. Привет брату да Илье!

— Тогда рушайте! Деда. Помогай тут тётке Проне! Я и сам бы, да сам знаешь — в дозор нужно, и срочно!

И пала на веси и доли, наверное, тёплая августовская ночь, полонив собой Слауту и кручи, и превратив неоглядные просторы в пятачок видимого

пространства. Нагретая солнцем за день, земля, медленно остывая, наплывала в прохладу ночи, духмяными потоками, щекотала ноздри чебрецом да мятой, да степной материнкой-травой, да жухлой уже зеленью позднего лета.

Кию не спалось... Он рвался всей душой — туда, в Заплаву. Стоя на краю кручи и вглядываясь в еле проглядывающийся внизу Славутич, он пытался уловить хоть какие-то посторонние звуки, но все усилия перебивались треском колотушек ночных сторожей да частыми окликами стражи: «Зри в оба!». Он уже собрался уходить в свой чум, когда, взглянув ещё раз в сторону протоки, заметил выплывавшие из неё челны... Какой тут мог быть сон?... Скоро с десятков мужиков нырнули друг за другом в ночной провал по тропе, нет — набитой дороге, вниз, к сгоревшему жилу...

Только Кий с мужиками добежали к берегу, как начали причаливать челны с полоном. Постепенно причалили все — полторы дюжины лодок, в каждой из которых находилось по десятку скрепленных шестом степняков. Пока полонённых выводили из челнов, к Кию подошёл Илья.

— Ну, сынку, принимай полон! А это тебе особый подарок. — Эй, хлопцы, ведите кынязя!.. Оцени! Это тот зверюга, что резал и жёг наших братьев, пытался увести их в полон да сам же туда и влип! Делай с ним всё, что хочешь — он твой!

— Вот спасибо, Илья! Ценный дар! Что с полоном-то будем делать? Куда их?..

— Пусть хлопцы гонят к саманному промыслу, не зря же их, басурман, кормить-то? Хай помесят глинки, может, охота к грабёжам отпадёт... Я вот о чём подумал, сынку... Может, сумеем обменять басурманов на наших, а?

— Я о том же думал, Илья... Вдруг не всех успели перепродать? Завтра с утра снаряжай-ка отрядец в Степь. Подбери старшим кого из бывалых мужиков, и чтоб балагурить мог по-ихнему. Может, Язная отрядить?

— Не, Кие, Язнай и тут до рук нам. Есть у меня на примете дружок мой, Зосим. Семь годков в полоне прожил, богато чего повидал и познал... Ноги, правда, у него плохо ходят, да это полбеда. Посадим на коня, хай казакует.

— С лошадьми худо, повальный падёж, как лихо... — пожаловался Кий.

— А пусть прикопают под кручей. Что ж теперь?... Пригоним из Запавы полонёных, они на вид не ахти, но выносливые. Ладно, хлопче, уже заря скоро займётся, пойдём до куреня, с дедом потолкуем...

День занимался такой тихий и пригожий, словно подарок победившим в ратном деле. Так как на горе поднимались спозарани, то сборы в дорогу поначалу мало кого заинтересовали. Пока шли сборы, отосланные в Запаву люди пригнали полтора десятка низкорослых степных лошадок. Когда солнце поднялось к зениту, на коня взгромоздился Зосим. Путники коротко попрощались, и отряд двинулся перешейком в Степь, и скоро скрылся из вида оставшихся. А на горе жизнь шла своим чередом: накрывали очеретом крыши длинных жит, для одиноких достраивали мазанки и кое-где дома-пятистенки (кто побогаче), заканчивали класть сруб-клеть поруба, о двух входах. Один, где будет храниться добро, съестное, — закрома, другой — застенки, дня недругов и непокорных.

Ближе к вечеру стали подходить немощные старики и дети из Запавы. Кий размещал их временно в недостроенные жилища, а всех, кто был в со-

стоянии трудиться, отрядили в помощь прибывающим, со всем скарбом и скотом. Нужно было перенести столько разной всячины!.. Неделю гора помогала переселенцам, которым был выделен незастроенный майдан у центральной усадьбы. И скоро там начали подниматься стены мазанок, домишек и загонов для худобы-скотины...

Люди, чувствуя приближение осени, трудились от темна и до темна, не жалея сил. Притаскивались в чумы и курени, валялись с ног и засыпали тяжёлым сном, словно проваливались в храп и стоны. Что им снилось, кто скажет? Может, надежда, или пугали прежние картины набегов, пожары, издевательства, мольбы о помощи, которой не было?

В середине осени, когда оголились тополя и клёны, посоветовавшись с Кием, Илья набрал ватагу охотчих, просмолили челны и вышли рыбачить на Славутич. Рыбачили неводами. Тони были знакомые. Отмеченные вехами, чтобы ночью не залезть в корчи и цепу. Днём пойманную рыбу шкерили и вешали вялиться. Готовую провяленную рыбу пересыпали сушёными листьями крапивы и укладывали в хранилища на зиму. И вот, на последней лодке, переправились на правый берег тётка Проня и Лыбедь. Кий поздоровался чинно с тёткой, обнял долгожданную сестру и повёл их.

А вокруг пламенела осенняя пора! Тополя как-то враз почернели кронами; клёны и тополя осыпались не спеша в тишине, а как налетал ветер — сыпались метелицей, всех багряных оттенков. Стояла сухая погода и ребятня набивала лантухи листвой, оставляя вдоль дорожек и тропинок: вернутся взрослые, принесут в жилища, разбросят ворохом на доловку (земляной пол), чтоб высох, для корма козам да овцам, а так же для утепления в холодную пору. Люди приходили на отдых с вязанками очерета, лозняка, веток от брёвен — заготавливали дровишки на зиму. Незаметно прошла в трудах пора дождей и подоспел первый заморозок.

Оказалось, что многие совсем не готовы к зиме. Потому Кий с Ильёй, посоветовавшись, выделили несколько дней для подготовки жилищ и хозяйств к зиме.

На берегу Славуты ещё зеленела кое-где трава, а на горе уже заморозило все кочки. Кий вернулся с ежедневного обхода уже к полуночи. Только Лыбедь ещё не спала — ждала его прихода.

Когда Кий переступил высокий порог, две подружки засобирались уходить. Когда они шумно спустились с крылечка, легла такая тишина, что слышны были дробные стуки колотушки сторожей, собачий перебрёх, и еле доносились в стены терема переклички варты: «Зри в оба!»

Лыбедь подала на стол испечённые теткой Проней пироги с творогом, поставила жбан мёда, себе — черепушку молока вечернего удоя и, обняв легонько за плечи, пригласила брата на вечерю. Поди, дней пять не виделись?.. Да и когда? Как бы рано ни встала сестрица, а Кия уже и след простыл. Вечерами засиживались с подружками до первых петухов, а всё — зря: то он ночевал на подоле, в капище с дедушкой, то у рабочих на самане, то вместе с братьями и Язнаем выезжал в ночную степь... С нетерпением ждал вестей от посланцев, а их всё не было...

Кий задумчиво откусывал от пирога, жевал, а мысли его шастали по горе, по степи, по потемневшему Слауте. Он очнулся, глянул на сестру и удивился, как после долгой разлуки. «Гляди, как она расцвела! Пора о свадьбе подумать...

И Язнай там тоже извёлся, вдалеке от любимой... Да-а, времечко! И где там моя суженая? Что с ней? Жива ли?»

Поблагодарив сестру за ужин, Кий ушёл к себе в опочивальню, забрался на палати и, вытянувшись до хруста в суставах, смежил веки... Но сон бежал от него, и перед Кием проносились сегодняшние события... Наутро намечался подъём болвана Перуна. Илья рассказал, что мудрецы закончили «золотить» лицо болвана, протянули пять канатов для установки Перуна на место...

Кий только-только поспел к подъёму Перуна. Покинул терем ещё потемну, но то одно, то другое срочное дело задерживало его на горе. И вот ему открылась невидимая доселе картина: канаты были разобраны; четыре из них натянуты для подъёма статуи — одна, та которая будет удерживать её в стоячем положении, свободно змеилась вдоль берега Славуты. Рядом сидели и прохаживались, в основном, женщины; и, что бросилось в глаза Киею — на сносях, через одну да каждая. «Вот это да! — удивился он про себя. — И мужиков вобмаль, а поди ж ты! Жизнь со всех щелей ползёт!»

Два внутренних каната тянули полупленные степняки, наружные обступили женщины и юнки с юношами.

Появился на высоком месте Илья, поднял призывающе руку:

— Слушайте, люди! Выбрали слабину! И-и-и... разом да гуртом... Бабы с девками — потом!!! Пошли, родные, дружно! — Голова статуи дёрнулась, приподнялась, чуть замешкалась и медленно поползла к хмарной выси.

— Э-э-г-е-й, бабоньки! Выбирай слабину... одерживай! Одерживай! Меланья! Найтуй канат на «Катеринку». Т-а-а-к...

Болван упёрся, как пальцем, в небо, покачался и застыл.

— Хлопцы, девчата, тащите каменья, а кто на сносях — сопите помалу!

Ещё солнышко не успело согреть как следует воздух, а подножье Перуна украшал каменный конус внушительных размеров, чтоб никакая буря не повредила любимого Бога. И тут Кий ещё раз удивился, когда бабы и девчата перемешались со степняками, развязывали нехитрые узелки на пожухлой траве, пригощали мужиков и сами что-то жевали или вид создавали? Подошёл Илья с дедушкой. Кий кивнул им на веселящуюся компанию.

— Похоже, что они понимают друг друга? Пора снимать стражу, Илья, от женщин дальше дикой степи не убегут. Там их тоже никто не ждёт. А?

— Так-так, дитятко, верно мыслишь, — похвалил старик Кия. — И ещё послушай меня... Тут пришлые за глаза зовут тебя «якши кынязь», так ты не возражай, пусть люди, глядя на них, тоже привыкают, что на горе есть князь — порядок должен быть во всём, княже.

— Ой, дедушка, какой из меня князь? Может, вон Илья пусть будет князем, он и старше, и мудрее меня...

— Не-не, ты и грамоте знаешь, и отец твой всегда верховодил, и люди привыкли тебя в кутерьме видеть, принимать твои советы и помощь. Так что быть по сему! А Илья будет у тебя воеводой, правой рукой и порадником. Братья будут тебе в помощь в баталиях. Так и Перун согласился.

И снова ворочался Кий на своём жёстком ложе, снова сон бежал пугливым сайгаком, то в непонятное поле, то под старую вербу, туда, где собирались они ватажкой, после салок-догонялок, сопели и ждали первых признаков рассвета... Потом расходились не торопясь... Провожали Иринку и только

после этого он брёл в садик, где ждал его топчан под грушей — летом, а зимой — тесные палаты, под самым сволоком...

Кий не понял, когда его накрыл своим крылом короткий и глубокий сон... Ещё и не рассветало, когда у входа послышался лёгкий шум, тихие переговоры, но Кий уже вскочил, снял со стены саблю и, держа её за спиной, двинулся в переднюю. Откинув полость, он различил у порога серую невзрачную фигурку, которая, завидя его, стала падать и упала бы, если бы Кий, не поспешил на помощь. Он подхватил её в последний момент и невольно прижал к себе, удивляясь её легкости и зловонному рванью на ней...

— О Боже! — приходя в себя, промолвил голос.

— Иринка! — взопил Кий, боясь ещё ошибиться своему счастью. На крик выбежала Лыбеда и, услышав слова брата, бросилась к подруге.

— Братик, да не тискай ты её, задавишь, чего доброго. Видишь же, совсем девка плоха! А идём со мной, подруженька, пойдём ясочка. А ты куда, Кий? Нет уж, иди по делам, а мы как-нибудь сами справимся. Иди-иди, после придёшь...

Выйдя на крыльцо, Кий и удивился и обрадовался. Прислонясь плечом к поручню, дремал на ступеньке брат Щек.

— Брате, что ж ты меня перед соседями позоришь, чего в хату не заходишь? — присаживаясь рядышком, спросил Кий, обнимая брата.

— Так решила Ириша, — ответил Щек.

Братья надолго замолчали, им и так было приятно посидеть, не часто выпадало такое времечко! Щек был постоянно в охороне, на горе появлялся только по великой нужде, да и то наскоком, и Кию редко удавалось вырваться на побывку к братьям. Кий знал о любви Щека к Иришке, но не оттолкнул брата, да и ревности не испытывал. Был уверен в девушке. «А могла бы и Щека выбрать», — подумалось ему...

— Может, посопишь в хате?

— Не-е-ет, — потянулся Щек. — Я с тобой пойду... — И они двинули по улице; Кий рассказывал брату на ходу, что к саманщикам прибил, с неделю тому, то ли болгарин, то ли русич и предложил вместо самана готовить кирпичи или кирпичи? Вот и идём поглядеть, что это за зверь. «Ага, вона и Илья маячит впереди!» — воскликнул Кий и прибавил ходу. Догнал его у самого спуска к саманщикам. Их уже поджидал саманных дел мастер — Егорий, конопатый мужичок на деревяшке. Только они подошли к кузнице, как Егорий кивнул косматой башкой и из-за угла показался заросший бородищей мужчина, поболее сажени росту, то-о-щий до того, что рвань, а не хламида, болталась на нём, как на опудоле.

— Так води вже, кирпич, показуй, что там у тебя за каменья?

Зашли в угол кузницы, где стоял деревянный короб, полный раствора красной глины. Из неё саман почти не делали — любляли белую: хатки веселенькие получались...

Приблуда, не торопясь, наполнил глиной полдюжины форм, сноровисто перевернул формы на подставку, пристукнул, поднял и поставил формы на пол, а на подставке остались прямоугольники блестящей от влаги глины. Болгарин перетащил глиняные заготовки к горну, установил на дымящиеся угли. Подмастерья поставили на горн приспособление в виде свода печи, раздули мехами тлеющие угли и закрыли печь заслонкой. Один из них

продолжал раздувать меха, а гости перешли, вслед за болгаринном, к другой подставке. Он отдернул рогожку, там стояли похожие на глиняные заготовки прямоугольники тёмно-красного цвета... Болгарин передал пару Илье и Кию, взял в руки по штуке и вышел из кузницы во двор, где лежал дикий, здоровенный валун. Приблуда поднял своё изделие и с силой запустил его в валун! Послышался скрежет, шастнули искры, а кирпич упал на землю целёхонёк, потом его ударяли, из-за плеча молотом, и он раскололся с третьего раза, но не рассыпался... Не веря своим глазам, Илья поднял молот и ахнул со всей силы по своему кирпичу, тот лопнул с треском, но не рассыпался...

Потом, сидя на лавке, слушали болгарина, о том что у них из кирпичей строят не только дома, сараи, но и крепости, и дворцы в несколько верхов, показал набросок на стенке кузни, сделанный угольком. Кий понял болгарина, кивнул головой и на прощанье сказал:

— Добре, людей Илья тебе выделит... и обоз для глины, будет что-то мулять — ищи меня или Илью — поможем. Дельная задумка, ох — дельная!

Лыбедь привела подругу в мыльную, помогла сбросить рваную хламиду и... расплакалась горько, глядя на исполосованную рубцами, исхудалую, почти детскую спину Ирины, на побитые ковыльной степью — все в струпьях и болячках, ноги... Потом долго и с наслаждением намывала дивные, поздней зари, косы подруги, принесла мази и натирания, что изготовила тётка Проня, и принялась натирать рубцы да раны.

Лыбедь усадила подругу за стол, пододвинула накрытые чистым рушником, пирожки да молоко но Ирина, после купели и снадобий, была не от мира сего, и запросилась на лежанку. Хозяйка укрыла её покрывалом и тихонько ушла в светёлку...

Скрипнули медные петли входной двери, и через высокий порог ступили братья. Лыбедь, на радостях, обняла нежданного и такого редкого гостя и принялась готовить стол, но тут снова закрипели петли и ввалился посланец от Ильи.

— Кыназ... Илла... Гонэц... Ситэп... — еле подбирая слова, запыхавшись, молодой степняк. — Нада-нада... туда...

— Вот тебе, сестрица, и поснедали, — бросил, на ходу Кий. — Пойдем, брате, Илья торопить зря не будет. — И они быстренько покинули жилище. Посланец молча повел их в сторону степных ворот. Ещё издали братья заметили кучку людей и пасущихся у ворот лошадей...

— Никак дождались посланцев, брат?

Когда братья подошли поближе, от гурта отделился Илья и подойдя к Кию, с малым поклоном громко произнес, чтобы слышали и посланцы:

— Княже! Степной владетель Кинчак шлёт тебе дары и ярлык «на дружбу», — и протянул ярлык. Потом повернулся и кивком подозвал к себе раскового степняка. Тот поспешил и, подойдя к Кию, приветствовал по своему, приложив правичу к сердцу. Чуть сзади незаметно стоял толмач.

— Кыназ, мой правитель велел передать дары (переводил толмач). Твой посланец и дары будут, как солнце станет, над шапкой...

— Илья, выдели гонцам курень, поставь варту, чтоб худа не вышло. И пошли в поле отрядик навстречь, да воды пусть прихватят — то путникам самый дорогой подарок будет.

— Щек, так мы и не погутарили. Расскажи, брате, где ты Ирину отыскал? — возвращаясь в житло, спросил Кий.

— Я и сам не могу поверить до конца... Знаешь же, что мы объезжаем свой участок дважды: вечером, до темноты, и раненько, до зорьки... Значится, вечером — все закоулки проверили, темень уже напознала... До куреня — рукой было подать... Глянул напоследок в степь, вроде бы всё как всегда, но на горизонте какой-то бугорок незнакомый... Послал дружину до куреня, а сам с десятком хлопцев решил поглядеть, что там... Подскакали, а оно — вишь ты! Лежат лохмотья... а шагах в тридцати уже и волк полеживает, ждёт добычи... Соскочил я, брате, на землю, повернул навзничь, сначала не признал, было... Только когда опамятала да заговорила... Да-а... Дела...

— Где была, как убежала?..

— Не-е... Одно, что спросила — о тебе, Кий... И замолчала, пока до Горы добирались...

Ирина ещё спала сном спасённого младенца, когда братья вошли в зальцу. Из светёлки показалась сестрица, и пока накрывала на стол — проснулась Ирина. Хотела было броситься к Кию, но смутилась своего вида и убежала в светёлку. За ней подалась и Лыбдь.

Стол был накрыт, но братьям сегодня позавтракать так и не довелось, потому что запели дверные петли, и на пороге сначала показался Илья, на лице которого бродила глупая улыбка, потом показался раскосый посланец, а за ним вошли тётка Проня под руку с матерью...

* * *

Как проходила встреча родительницы с дочерью и сыновьями, о том современники помнили... Известно точно, что стал на Горе град Киев. Сказывают, что не единожды сметали его пришлые полчища, но он возрождался из пепла, становился ещё прекраснее прежнего, жил, сражался, любил своих киян, как чад родимых.

Казалось, что было всё это в незапамятные времена, давно должно порости мхом, засыпано песком времени и прахом погибших поколений... Но нет! Поглядите на современный Киев! Он и сегодня глядится молодым, полным сил, устремившимся в неведомое ЗАВТРА.

Хай жие в веках, детище Киево — Мать городов русских!

МАЙЯ ШЕРЕМЕТ

г. Санкт-Петербург

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

«ВОЙНА»

Лидии Фёдоровне Зориной посвящается

Война

Еще войну мы знали лишь по песням.
Еще мы завтра думали — Война,
Еще весь мир казался нам чудесным,
А Франция уже была сдана.

Мой первый класс еще был полон мира,
Учительница молода и так нежна,
Для девочек она была кумиром,
Но смерть ее не пощадила,
Она погибла, то была ВОЙНА.
Потом, когда отец вернет нас с дачи,
Под взрывы бомб и страшный вой сирен,
Мы станем вдруг на много лет все старше
В родных пенатах наших детских стен.

Июль был тихим, август вдруг взорвался
На нашем переулке ливнем бомб.
И грохот взрывов с воем бомб мешался,
Как будто кто-то злобно потешался,
Доказывая миру свой апломб.

Я помню день,
Тревожный как набат,
В разгаре лета,
В солнечном цветении,
Еще был не рожден
Мой младший брат,
Пришедший в жизнь
На стыке поколений.
Далек еще был год,

Что нами наречен был
Сорок пятым.
Еще не ощущали
Мы тревог
И тяжкого страданья
Страшной даты.
Земля еще покоилась теплом,
А где-то на границе
Шло сражение
И рвались бомбы.
Это всё потом
Узнали мы
Из кратких сообщений.

Был тёплый день, почти что летний,
Осенней раннею порой.
Меня с подругой в подворотню
Загнал сирены дикий вой.
Тревога! Мы к стене прижались.
Звук самолета, близкий взрыв.
Всё ниже мы к земле склонялись,
В молчании ужаса застыв.
Фугасный свист все эти годы
В моих ушах кричал и выл,
А грохот падающих сводов
До дней сегодняшних дожил.
И память дожила, не скрою,
До ужаса последних лет,
А вот подруги моей нет,
Осталась только боль и горе.

Блокада

Я ВОЙНУ прошла
 Не генералом,
 Не солдатом.
 Я прошла свой бой
 Школьной,
 С распахнутым забралом,
 Вглядываясь детством
 В мир чужой.
 Пост ВОЙНЫ мой
 Лег не под Москвою,
 Не под Сталинградом,
 Пост ВОЙНЫ лёг мой
 В холоде блокадном
 ЛЕНИНГРАДА
 Над замёрзшей
 Намертво Невой.

Блокадный день
 Всегда был строг —
 К себе, к врагу,
 К друзьям и близким.
 Блокадный день
 Заснуть не мог,
 Не посмотрев
 Живущих списки.
 Он знал —
 Взаблестится восход,
 И на места
 В бою упавших
 Живущий
 Медленно взойдет,
 Голодный, но Страну не сдавший.
 Суровый взгляд
 Седой зимы
 Глядел на город
 В удивленье:
 Как могут
 Эти люди жить
 И не сдаваться
 В окруженьи!

Голод блокадный сжимал наше тело,
 Сознание мутилось, и руки слабели,
 И есть нам хотелось, и жить нам
 хотелось,
 Но мы, вопреки всему, молча терпели.
 Сугробы, сугробы, сугробы на улицах,
 Вдоль старых домов, во дворах
 запорошенных
 Над крышами вьюга со злобой беснуется,
 И тьма наступает тревогой непрошенной.

В те годы голодные, мерой
 немереной
 Досталось нам горя, смертей и обид,
 Поэтому каждый судьбой той
 проверенный
 Еще и сегодня спокойно не спит.

Серебрены волосы, лики морщинами.
 Согбенные спины — такой вот толпой
 Мы входим в историю ныне, повинные
 Лишь только в одном — что мы выиграли
 бой.

Я снова учусь есть хлеб, как в блокаду,
 Откусывая маленькие кусочки-крошки,
 Медленно языком разминая их в кашу
 И только потом глотать понемножку.
 Нет, мы хлеб не хватали руками,
 А бережно грели в ладонях замерзлых,
 И трижды на день давала нам мама
 Счастье недолгое, выплавав слезы.
 Вся комната МИР, а дом только угол
 У стенки, пробитой осколком снаряда,
 За шкафом кровать и, конечно,
 «буржуйка»,
 Казалось бы, большего в жизни не надо.
 Братишка, закутанный в мамину кофту,
 Тянет ручонки к горячей печурке,
 Там что-то варится, может быть, каша
 Там пахнет едою из старой кастрюльки.
 Мы с мамой делили блокадные будни,
 Не поровну, мне доставалось немного,
 Ходила я с чайником в люк за водою.
 Мне до сих пор памятна эта дорога.
 Сказать, что тогда лишь надеждой
 мы жили,
 Не только неправда, мы верили истово,
 Погибнем ли мы, иль останемся живы,
 Но Ленинград обязательно выстоит.

Юнову А.Ю.

Мы все войны прошедшей дети,
 Мы все защитники Земли,
 Прекраснее которой нет на свете,
 Какие бы к ней беды не пришли.

Мы все двадцатого столетия потомки.
 Мы рождены в истоке грозных дней,
 Мы не сдаем отцов и матерей,
 Когда приходит час неожиданной ломки.

Стоять нам насмерть не одно столетье
 Приказ был дан, мы ему верны,
 И потому мы дней ушедших дети,
 Стоим на страже вверенной страны.

НАТАЛИЯ УЛЬЯНОВА

г. Санкт-Петербург

Начало

Война идёт четвёртый час.
И гибнут города и сёла.
Не объявил нам враг войны.
Он занял небо над Россией...

Армады тёмных сил летят,
Бомбят мосты, плотины, реки,
Что создавали много лет,
Всё вдруг разрушено навеки.

Кругом стоят и плач, и стон,
И где-то слышатся проклятья,
И заявления легли на стол:
«Прошу мне разрешить сражаться...»

Ленинград

Я не бывала на войне

Я не бывала на войне,
А лишь жила в лихое время.
И сны голодные вдвойне
В дни мира — тягостное бремя.

Шепчу во сне, кроя эпоху,
Срывая памяти подснежник:
«Хоть кроху, маленькую кроху»...
А в руки тычут мне валежник.

И говорят: «Не плачь, не плачь —
Из слез не выпечешь калач.
Клади в буржуйку веточки,
Сядь ближе, грейся, деточка».

Я не бывала на войне —
Она во мне жила всё время,
И я — со всеми наравне
Несла то тягостное бремя.

Ленинград

Я помню

Я помню: стихи, папин голос, топчан...
Светлели поникшие лица,
А после же, буковкой каждой крича,
В огне догорали страницы.

Горели они, освещая наш быт,
Гоня безысходности вьюгу,
И помнили мы, что никто не забыт,
Сердцами прижавшись к друг другу.

Звенели стихи, отступала беда,
Надежда — мужала и крепла:
И близкой казалась чужая звезда
И полночь, осевшая пеплом....

Ленинград

От имени ветеранов «Дороги жизни»

Как памяти мудрейший дар
Картины прошлого встают перед глазами.
Далеких дней негаснувший пожар,
В грядущее летящий конь над головами.

Мы памятью сильны. Душою —
мы бесстрашны.
Средь мирных дней встаем легендой
живой,

Как в дни былые, запевая песню,
Мы шли за Родину в священный бой.

Теперь же, выступая перед вами,
Делясь воспоминаньем грозных дней,
Идем в метель, сквозь пули и туманы
Мы снова в бой за Родину идем.

Мы так хотим, чтоб небо было чистым,
Чтоб больше не вмерзали люди в лед,
Чтоб детский взгляд был радостным,
лучистым,
Чтоб дерзновенным был души полет.

Ленинград

33

Память о тебе...

Так горько и сладко твои целовала ладони,
И счастье лилось из сияющих глаз.
Я помню тебя отражением в тихой затони
И в сердце своем твой образ храню,
как алмаз.

И годы прошли... Я иду по знакомой
тропинке,
Так солнце струится в лесной тишине,
Я всё вспоминаю пушистые
звёзды-снежинки,
Что медленно падали вниз на ладони
ко мне...

И так нежно и сладко они целовали
всерьёз,
А светлое счастье струилось из капель
снежинок...
Я помню тебя отражением в сиянии слёз
И абрисом сердца в лучах тополиных
пушинок.

Гданьск

Смеясь, одарю тебя лаской и негой,
Которых не знал ты в былые года...
И пусть будет солнце, и радуга снега
И вера, и нежность в душе навсегда...

Люби вдохновенно меня — как и прежде,
Пусть мир даже будет назойливо пуст,
Не спрашивай только отчаянно: где же?...
Не скрашивай только молчанием грусть...

Гданьск

Чёрный камень, белый снег

Чёрный камень, белый снег —
Это так прекрасно,
Синий камень, чёрный снег —
Это не напрасно.

Ветер холоден, как лёд,
За душою — камень,
Молча движемся вперёд,
Остужая память.

За спиной белеет сад,
Полночь слишком ала,
И, минуя рай и ад,
Мечемся устало...

Земля моя!

Судьба аукнется жестоко
На каждый твой ответный крик.
Мгновенья жизни, сон, эпоха
Пред взором пронесутся вмиг.

Земля — грядущего оплот,
Святой любви вопрос извечный:
Как сладок был запретный плод,
Как горек был каприз сердечный...

И звёзд печаль — огнеопасна,
Неиссякаем грёз поток...
Земля моя, ты так прекрасна
И беззащитна, как никто.

Почему же...

Почему же пустуют деревни
В этой старой российской глуши?
Здесь закрыты и ставни и двери —
Никого не увидишь в тиши.

Лишь летучая мышь пролетает,
Хоть бери — да печаль обезглавь...
И луна под окном зарастает
Паутиной некошенных трав.

А природа бунтует лишь гневно,
Нерадивое племя губя...
Почему же пустуют деревни,
Отчего засыхают поля?

Разрослась лебеда и малина,
И дичает смородины куст.
И безрадостна быта картина —
Отчий дом неухожен и пуст...

Почему всё забыто и стыло?
Столько зим позади, столько лет...
И приросшее небо к земле
Безответно, увы, и бескрыло...

Вдохновение

Ты приходишь ко мне,
Вдохновенье,
В летний полдень,
Мечты обнажив,
Проливаясь лучом
Озаренья,
Освещающим сонную жизнь.
И в объятьях твоих
Затаившись,
Я вбираю в себя звонкий свет
Слов неведомых —
Будущих, бывших,
И парю
Над безбрежностью лет...

Завесы мироздания

История так мимолётна,
и быстротечны её дни.
Обманываться нам несложно,
её раскрыты нам пути.

Возможны прихоти природы,
загадки её нам нужны.
Опущены завесы мироздания,
где были порваны они.

Где горизонт упал на Землю,
и радуга уходит вспять.
Где тьма щекочет наши нервы,
и дрожи больше не унять.

Неспешно чары навевая,
свирель неслышно нам поёт.
Кто музыку природы знает,
на свете долго проживёт.

Живое зеркало

Живое зеркало волны,
Откликнись мне из глубины
Весенней зеленью аллей,
Звонящим шумом тополей....

Откликнись мужем молодым,
Воздушным облаком седым,
Чтоб я могла из глубины
Живого зеркала волны

Цветенье яблонь унести...
Сказав последнее: 'ПРОСТИ'

Погасла уж заря давно,
Костёр тихонько пламенеет,
И в сердце выстрадавшем зреет
Главой невысказанной — мысль.

Она таится в тишине,
В звенящей этой пустоте,
Где слышен шорох той травы,
Что прорасти сейчас спешит.

Хотим мы многое...

Хотим мы многое всегда.
Непросто нас остановить.
Никто не сможет никогда
Связать всю призрачную нить.

И мы не верим небесам,
Что предначертано вовек.
Движение звёзд остановить
Ещё не в силах человек.

Поверив в ход священных звёзд,
Его измерить мы хотим.
Законам нашим — сплошь земным,
Влиянье неба подчинить.

За неумение любить...

За неумение любить
Карает жизнь...

А за умение забыть,
Когда ты мог
Преодолеть в себе рубеж
Не помнить зла.
Когда ребенку ты помог —
Не ждёшь тепла.
Когда твоя рука в моей
Так горяча,
Когда слова слетают с губ,
Добро творя,
Тогда порукою тебе
Творца любовь,
Тогда и сердце отдаёт
По капле кровь...

Сине-жёлтые цветы

Сине-жёлтые цветы
Не растут на взгорье.
Ищут — ищут, но не рвут
Их люди на приволье.

Те цветы — лишь сон-трава.
Загадай — приснится:
Царь-Кашей, Баба-Яга,
Леший, Водяница.

Сине-жёлтые цветы
Здесь им лишь отрада.
Только путник не спешит
Рвать их здесь, не надо.

Нельзя ли свет увидеть нам
И растворить окно,
Когда весь мир подлунный наш —
Хрустальное стекло.

И так мечта наша прекрасна,
И так холоден наш родник,
И он глубок на дне колодца,
И он прохладой манит.

И там живут мечты-надежды,
Все сокровенные живут,
И исполняются всеместно,
И воли правде не дают.

ЮЛИЯ МАМЫКИНА

г. Оренбург

Ты ее к себе приручал...

Ты ее к себе приручал
По слогам, по словам, по созвучиям,
Но она покидала причал
Непокорной волной неприрученной,

И плыла от тебя налегке,
Со стихией играя и рифами,
На своем говоря языке
Непонятными смелыми рифмами...

А завтра

«Люблю и буду любить, целую...» —
Слова упакованы, строчки в конверте,
А завтра — в дорогу, а завтра другую
Он встретит и будет счастливым,
поверьте...

На пасеке дней опустевшие соты,
Молчанье такого не помнит азарта,
А завтра мобильный вдруг выключит
кто-то,
И осень с отчаянья сменит сим-карту,

Мы с места срываемся, ветром гонимы, —
Но заняты кем-то вершины и ниши,
У нас не бывает незаменимых,
А завтра ты в этом и сам убедишься...

ИДД

Мне признаться даже в этом неловко —
В соблюдении законов и правил...
Красный свет — и вот опять — остановка,
Несмотря на то, что кто-то сигналил,

«Кто тебе доверил руль, королева?»
Тормоза визжат, и мне не до смеха...
Я рванула бы, не глядя, налево,
Если бы не справа... помеха...

О нетрудовых доходах...

Ох, нелегко понедельник,
Вновь расчеты подвели!..
Если время — это деньги,
Мы с тобою на мели!

Заманили-таки к чаю
Тертые нас калачи...
Если золото — молчанье,
Мы с тобою — богачи!..

Отпусти

Отпусти меня к любимому,
Повторяющийся вечер,
Я тебе седыми зимами,
Так и быть, за все отвечу...

Отпусти меня к любимому,
Затянувшаяся осень,
Знаешь, к счастью журавлиному
Твоему — одни вопросы...

Отпусти меня к любимому.
Разговорчивая вьюга,
Ты мне с вечными порывами
Никакая не подруга...

Отпусти меня к любимому,
Стая времени литая,
Стрелки как бы мы ни двигали —
Все равно — не совпадаем...

Как бы мы ни гнули линии,
По пути идти немного...
Отпусти меня к любимому,
Бесконечная дорога...

Эх!

Эх, завьюжило, подморозило,
Оступиться не даст метелица!
Утонуло в сугробе озеро,
Так везет к зиме, что не верится!

А березки звенят сережками,
Щечки пудрят с утра порошею...
Застегнул мороз на застежки все
Стежку ту к моему хорошему...

Не по уставу

Ничего не хочу я менять,
Все меняется вдруг, вопреки...
Желтых листьев упрямая знать
Не подаст мне, как прежде, руки...

Не по рангу встречает рассвет
День-деньской, отдавая нам честь,
А у ночи за выслугу лет
Новых звезд на погонах не счесть.

Осень выйдет в отставку, устав,
Но зима призовет рифмы в стих
И заставит зубрить свой устав
Новобранцев от сих и до сих...

Вот еще отслужил один год
По-армейски подтянутый век...
Марширует уже, не идет,
Шаг чеканя, отчаянный снег...

Букинист

Нам придется смириться с тем
Не случилось что... Ну и что ж...
На страницы исчерпанных тем
Слезы льет проливной дождь...

И плетется за нами вслед
Сожаление... Ну и пусть...
Экземплярами пройденных лет
Разошлась по рукам грусть...

И зачитан судьбой каждый лист,
И потерт каждый временем том —
Принимает апрель-букинист
Их сегодня — с пяти, за углом...

Завтра сможет любой купить
То, что было по сходной цене,
Ну а то, что не может быть,
Мы подарим на память весне...

И придется остаться нам
С тем, что есть, увы... Ну и что ж....
Мемуары доверены снам —
Их листает всю ночь дождь...

Между февралем и мартом

Между февралем и мартом
Пробежала колея,
И ее со всем азартом
Снегом вьюга замела,

Между февралем и мартом
Учат жизни холода,
И сидят за первой партией
Рядом горе и беда,

Между февралем и мартом
Дней рискованный разрез,
Напрочь спутанные карты
И бубновый интерес,

Между февралем и мартом
Свет пророчащие сны
И мгновение до старта
Новой ветреной весны...

На Вы!

Распускались весной мечты,
Что замерзли в снегах молвы...
Никогда не скажу — «ты»,
Перешли мы давно на — «Вы»...

С тополями на брудершafft
Пьет настойку дождя рассвет...
Никогда не скажу — «Да»,
Потому что сказала — «Нет»...

Шелестели года листвою,
Замирая у алтаря...
Никогда не скажу — «Мой»,
Потому что я — не твоя...

Попрошу у небесных сил
О тебе я благую весть...
Никогда не скажу — «Был»,
Потому что ты где-то есть...

Кончилось лето

Кончилось как-то вдруг
Лето... Дождя паутину
Небо — большой паук —
Сетью плетет... Картинно
Выглядит мрачный лес,
Мокрые свесив пряди...
День незаметно исчез
За горизонтом... Глядя
В зеркало быстрых рек,
Что обронило где-то,
Не опуская век,
Кончилось это лето...

Работа над ошибками

На границе четких граней
След простыл моих стараний,
Что проложен утром ранним
И остался за чертой.
Мне его почти не видно,
С прошлым он написан слитно,
За ошибки — не обидно,
Их исправим мы с тобой...

Пролистаем дни пустые,
И расставим запятые,
Предложения простые
Чем-нибудь распространим,
И закроем эту тему,
Наконец, решив проблему,
Отойдя от точки, где мы
До сих пор еще стоим...

Я не знаю

Я не знаю о чем ты молчишь
И в какие уносишься дали,
И догадываюсь я лишь
О причинах твоей печали...

Я не знаю, куда ты идешь
И кого ты проходишь мимо,
И в какой торопливый дождь
Пропадаешь ты необъяснимо...

И когда звук шагов твоих стих,
В тишину уходя снегопада...
Я не знаю желаний твоих,
Да и знать их мне, впрочем, не надо...

Я не знаю ты ждешь кого,
Перекрестки дорог пропуская,
И тебя почему одного
Отпускаю опять — не знаю...

Я не знаю о чем твой смех,
И кого твоя грусть затронет...
И того, что ты лучше всех,
Ничего я не знаю кроме...

Одно и то же

Бывает порой всякий вздор мы несем,
Подумать успев едва,
Но не сговорившись, вдруг произнесем
Одни и те же слова...

И той же порою, скорей на беду,
Не знаю уж, та или не та —
Поманит вдруг в сторону разом в одну
Одна и та же мечта...

За нею спешим мы, боясь опоздать,
Но времени нам не жаль,
И вслед с укоризной нам смотрит опять
Одна и та же печаль...

Приходит нежданно разлуки пора —
Ты жди ее или не жди,
Когда в наши окна заглянут с утра
Одни и те же дожди...

Смывая со стекол вчерашние дни
В стечение встречных дорог,
Надежд зажигаются наших огни
В один назначенный срок.

И в полдень стирает внезапную тень
Из прошлого наша судьба,
Когда увлекает нас в завтрашний день
Одна и та же тропа...

И мы улыбаемся новой весне,
Из зим выходя на крыльцо,
Когда тот, кто рядом и тот, кто во сне —
Одно и то же лицо...

А вдруг?

На полке дней вчерашних
Наивные мечты,
Как треснувшую чашку
Храним для красоты —

Не те уж, что в начале,
Утрачен прежний толк,
И не налить в них чаю —
Ошпарит кипяток.

С тех грез порой сдуваем
Пыль предыдущих лет,
И бережно их ставим
На полочку в буфет...

Глядит на нас оттуда
Былых надежд сервис,
Залатанное чудо —
Из прошлого каприз...

Всё выкинуть не смеем
И, выпустив из рук,
Опять упрямо клеим...
Не сбудутся?..
А вдруг?..

Не тороплю

Время не тороплю,
Просто — не успеваю...
Что-то перетерплю,
Что-то перелистаю...

Переплыву зарю,
Звуки вокруг все глуше...
Видишь, уже стою
На берегу, на суше...

Звездами застелю
Ложу беспечной ночи,
Шорохом тихим: «Люблю...»
Голову ветер морочит...

Огненного налью
Зелья на дно рассвета,
И до утра допью
Крепкую брагу лета...

Значит, уже не сплю,
Раз обжигает пламя...
Капли дождя ловлю
Судорожно губами...

Не впрок

Буду умнее впредь...
Впрочем, на этом месте
Хочется умереть
И... навсегда воскреснуть.

Впроголодь снова жить,
Чувств перебрать излишки,
Впрок их переложить,
Вновь набивая шишки.

Впрячься все в те же дела,
Впутаться в драку снова,
Впрямь взять — сойти с ума
И окунуться в омут.

Вдоволь там понырять,
И насладиться — данным...
Голову потерять
И отыскать — неожиданно.

Ссориться с ней, дружить —
С этою головою...
Хочется снова жить
Здесь, на Земле... с тобою...

Полумеры

Зажигая россыпь звезд в полнакала,
Полночь что-то от чудес ожидала...
В полумраке две свечи на рояле
В полутоне от мечты догорали...
Тронет клавиши рука лишь в полсилы,
И закончится строка снова, милый...
Разгоняя по углам беды в доме,
Гаснут звуки до утра в полудреме,
Таает, тайны не тая, сердца льдинка,
Где ты маешься, моя половинка,
Ждет тебя, скрипя, перо... шляпа, шпага...
Отстаем мы от любви на полшага...

К счастью

На части прошлое расколото
Весной вечнозеленой масти...
Слова свои молчаньем — золотом
Не красьте!

Распутав пряжу только к осени,
Связала судьбы ею наши...
В окошко солнца мячик бросили,
Что дальше?..

Сплела осколки диким вереском
И уронила в одночасье...
Разбито сердце вами вдребезги...
Пусть! К счастью!..

Твоими молитвами

Существенные условия,
Вещественные доказательства...
Приветствую утром стоя я
Небес голубых сиятельство!
Года, как улики, растеряны,
Поймала я счастье с поличным, но
Упущено время, растерянно
Гляжу на судьбы величество,
Что явно меня не жалует...
Признавшись в своей бескрылости,
Прошу лишь отсрочку малую,
Да толику божьей милости...
Виновна! Куда тут денешься?..
Оправдываться не хочется,
Последний храню я бережно
Луч солнечного высочества...
Надежды меня забросили
В сторонку, дождем залитую...
Вот так и кочую по осени,
Твоими живя молитвами...

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

г. Липецк

Колыбельная

...Спят стихи —
озябли, ветер,
зыбких звуков болтовня
всё о том, что поздно встретил,
всё о том, что нет меня...

Наслоился новый мир
на разрушившийся старый,
поменялись мы местами —
ми до ре- на до ре ми...
Я закрыла свой алтарь
вплоть до будущего года,
ты своё за даром Отдал,
в дверь закрытую кидал..
Злые зимние цветы
в застеклённом саркофаге —
доморощенной отваге
не хватает теплоты.
Вот и твой тепличный смысл,
дохождение до сути,
чем пышней, тем дУтей, дутей —
ми до ре- не до ре ми...

...Спят стихи —
озябли, ветер,
зыбких звуков болтовня..
Вспоминай о нашем лете
и... сойдёт моя броня.

Без вести

...помести
своего
человека —
зА угол,

бЕз вести,

ничего —
ни доспехов,
ни запахов...

нет корней
на юру,

нет привычек,
нет родинок...

пару дней —
без вести

и... сгорает
как спичка,
к Угодникам...

Тар-та-ра-ры

...Ну наконец- то!!
Кто что жертвовал —
богАм зимы,
за снег прося?..
А я — всю осень на сносях
ходила, все стихинося
про новый снег,
на осень сетуя...
Мой аскетический режим,
листов немых
стерильность важная
в тар-та-ра-ры!!
И строчки влажные
(ещё за ними мне ухаживать)
лепечут правила игры...

Свита

...Летали пакеты
с остатками духа съестного,
скользил мёрзлый дёрн,
несли скомороха, побитого, люди,
живого,
и... всё ему- трон...
Поцарствовал.
Кости раздроблены кем-то,
что ж, громко кричал...
Кружились подмёрзшие за ночь пакеты
и снег танцевал...
Несли.
Эка свита, пускай на закланье —
удел королей,
а бог всё терпел и терпел опоздание,
зачем-то жалел...

Первый снег

Свои, ау!!...
 Пустое логово
 стелю, стелю дурман-травой...
 Чужие, пойте —
 богу бооогово,
 дурной — свиданье с головой...
 Какой-то пылью клею панцири,
 краплю слезой, словами злю,
 леплю скафандр, грею пальцами
 унылой кельи коноплю..
 Луч тонкий, тоооненький
 повадился
 искать хорошие слова...
 Пусть осень поздняя бравадится,
 а первый снег ей вслед
 плевал!..

Переход

Точка, точка, запятая —
 не выходит, хоть ты что...
 Клянчит грязная немая
 в переходе, без пальто...
 Клянчит — подают ей плохо,
 каждый мнит себя истцом...
 Я смотрю в лицо дурёхи —
 у неё моё лицо...
 У ребёнка в рыжей шапке,
 у монашки в чёрных тряпках,
 у цыганки с сигаретой,
 у того, у тех, у этой,
 у котят в углу коробки,
 манны ждущих с «добрых рук» —
 моего лица дороги,
 шаг за шагом,
 кругом круг...
 Точка, точка, запятая —
 не выходит, хоть ты что...
 В переходе обитаю,
 будто в небе нет мостов,
 в переходе — жизнь простая...

...если ты не вмещаешься в моей голове —
 тебя нет, нет нигде, поверь...
 если я не вмещаюсь в твоей голове —
 я не в ней, я... где-то левей...
 Я глух и нем...
 ...Я «глух и нем», и осень на лице
 врасплох застала к трапезе сезонной...
 Мне б проглотить — логичней и резонней,
 а я жую, жую... так дальше цель.
 Передавали скорые снега,
 и все деревья — белые акации...
 Я «глух и нем», но стол мой пуст пока
 жизнь с сервировкой как-то разбирается...

На вырост

Не приблизив...
 Своим двором...
 Это ж надо иметь искусство —
 каждый раз возносить на трон
 и... толкать, уходя, в прокрустово...
 Не на выдохе,
 на глотке —
 вкус солёный, как пряник сладкий...
 На ночном звездном витке
 не заснёшь, время ешь оглядками...
 До каких до таких причин
 замуровывать веки в пальцы,
 чтоб на вырост хранить...
 ...Как молчит
 кто тобой, не жуя, не давится...

Ноябрьский мох

...И я в написавших,
 хотя не старалась — само...
 Остывший асфальт
 в ожидании сбит с толку ветром
 циклонным, но влажным, как... мох —
 изгой на плацу козырька
 на паях у крыльца...
 И я в ожидающих
 разных трактовок лица...
 А... всё как у всех —
 предзимья застывшего гнёт —
 пу-льси-ру-ет...
 Лобные доли хрустят вхолостую...
 — Смотрите!!
 — Что-о-о? Снег?!
 — Потеплело...
 И я не бастую,
 и мох в окна виден —
 пытается, дышит...
 Ну вот...

Кукушата

...Осень свила гнездо,
 поздние кукушата...
 Мне бы не брать,
 да... кругом виновата,
 в каждой слезе — вещдок.
 Выпущу — подрастёт,
 не привыкаю даже...
 Я ж не такая,
 а вот... в пострадавших,
 всё ж — не моё дитё...
 ...Снежности лебедей
 выпадут, оперятся...
 Так они ж... ближе мне,
 может быть статья,
 не-ко-то-рых людей...

...если ей скажут —
уезжай
со всеми своими играми,
меняй свой Ыморозок на рай,
она же
тебя выберет...
если ей вышьют
путь ковром,
а тут станет серо, гибельно,
с самоубийством одним двором,
она же
тебя выберет!..
если ей сунут —
ла-а-адно, ешь
судьбу свою..
что ты видела?..
вставит тебя беспокойного
в брешь,
станет
сама —
выбором...

Илюмбум

...пока ты бежишь отдельно,
я- жалкий тебе пастух,
я буду считать по-тельно:
один...
и один...
и стук?!..

трещит перепонка в ухе,
иллюзии кормят- сыто,
прежирный ошмёток стука,
мне в глотку куском не тыкай,
я память жую сквозь зубы,
на чашке скаблю зарубки,
на вкус эта дрянь как...
плюмбум,
скворчащий в венозной трубке...

...пока ты бежишь отдельно,
я — жалкий тебе пастух,
я буду считать по-тельно:
один... и
один...
плюх...
бух...

Илюшевые якоря

...сначала ушли стихи,
а каменная ложбинка
в наскальных рисунках Стинга
почуяла сквозняки...
сползали со стен пески,
терялись — мурашки с шеи,

смысл кожи,
где пульс немеет,
смысл вены,
где спазм руки...
...задолго до декабря
гипюровых мух незрячих,
повылезли и не спрячешь
все плюшевые якоря...

Подоконник

...Псы
не чувствуют лап...
За окном — сентябрём
(октябрёвым по холоду)
листовОй мёрзнет хлам...
С зимним голодом
все на небо, угрюмое
медленным рёвом,
подняли носы...
...Здесь —
цветочный дурдом..
Буйный — хил и иглИст,
на окно в каплях кОсится
мелким белым цветком...
С лейкой носятся
домочадцы, и...брызгают,
брызгают, брызгают лист!
...Дождь везде.

...Сны настолько уязвимы
перед ёлочным пожаром —
прямо кара...
Счастье — даром,
тем, кто в Новый год с любимым...
Щипят лёгкие снежинки
безразличным поцелуем...
Одиночества ужимки —
гайки, гаечки, пружинки
портят улицу пустую...
Там, в подарочных коробках
в недрах ёлочной пещеры —
наша мера,
наша вера
в то, что счастье близко...
Вот как...
...Если эти мысли бросить,
нарядить своё, украсить...
— Счастье?
— Счастье...
— Счааастье?!
— Счастье!
Можно?..
— Просим...
— Мооожно?!
— Просим!!!

 $\approx \bullet \approx$

Она не каланча, не коротышка,
Обычная девчонка — но затей!
Рюкзак и ранец, а ещё кубышка,
Она из тех особенных детей,

Которым по плечу любые горы,
По щиколотку реки и моря.
И есть о чём поговорить, поспорить,
Хотя б о том, зачем живёт червяк

Обычный, дождевой? Ах, для рыбалки!
Ну, вот о чём мне с вами говорить?
Послушайте, цыганочка-гадалка,
Нехорошо доверчивых дурить...

Мотался на попутках, поездами,
Облазил все большие города.
И поиски мне всё-таки воздали —
Нашёлся дед, клочками борода,

Он рассказал, что девушка в Ростове,
Такие вытворяет чудеса!
Я автостопом, лишь на честном слове
Спешу, все поднимая паруса!

10.11.11 г. 23-52. А-V-A

Стал генералом боевым,
Не умаляя чести.
И выходил всегда живым
Из перекрестья мести.

Счастье заслужено, пакет
В двух милях по заливу.
А буря прибавляет бед,
Меня перспективу —

Ломают пополам корвет,
Швырнув его на камень.
Княгиня в обмороке, свет
Стал разгораться в пламя,

Гроза, наперекор судьбе,
Лишить Светлейшей воли.
Но вот, на досточке в борьбе,
Мальчишка полуголый,

Добрался к берегу, пакет
Привязан под тельняшкой.
И чёрт с ним, что штанов-то нет —
Ведь главное — бумажка!

14.11.11 г. А-V-A

Ветренное утро

Ноябрь. Темно и неудобно,
И рвёт последнюю листву,
Летающий ветерок попутно
Со снегопадом на Москву.

Над Питером упали капли,
Плюс пять, ещё не до снегов.
И приодетый Чарли Чаплин
Идёт из глубины веков

С одной афиши на другую,
Играет тростью, брызжет свет
Рекламных ламп, и поцелуем
Его ославили портрет.

14.11.11 г. А-V-A

Пакетик с бумажкой

Сквозь бурю к берегу корвет
Спешит, ломая мачты.
От Императора пакет
Везёт Княгине брачный.

Она ждала семнадцать лет —
Его Светлейшей воли.
И юноша, ещё корнет,
Не отркая доли,

Проводим годы

Дождь равнодушный ивам ветки гнёт,
И капли с каждым часом холоднее.
И вот уже на ветках тонкий лёд
Их делает и толще, и чернее.

Зелёною плакучая была,
Теперь стоит чернее грозной тучи.
И так похожа на рассадник зла,
До той поры, когда рассветный лучик

Ударит в ослепительный хрусталь
Изящного творения природы.
И чудесами заискрят места,
В которых мы проводим свои годы...

14.11.11 г. А-V-A

Лола

Перевернув страницу книги,
Увидел девушки портрет.
В саду стоит: инжиры, фиги
Лишь только распускают цвет.

Летают бабочки и пчёлы,
Девушка замерла с сачком:
Копна волос, слегка кручёных,
Над головой как облачком

Белеет, тоненькие руки
Нежнее цвета молока...
И тут я ясно вспомнил звуки
Похода давнего... Река,

Скорее просто каменушка,
Бежала между двух садов.
И черноглазая девчушка
Носила фрукты до рядов

Окопов... в черноте подола
Инжиры туркам, фиги нам.
Смолкали пушки, когда Лола
Шла без опаски по садам.

Её отец был генералом —
Взорвался на её глазах...
Три дня бездвижная лежала
На месте, где остался прах.

И то ли потеряла разум,
Иль в горе святость обрела...
Война закончилась приказом,
А турок Лола увела...

15.11.11 г. 20-39 А-V-A

Ночной каприз

В больничном холле тишина,
Одна скучает медсестричка.
На крыши смотрит из окна,
Где дым сплетается в косички

Из труб высоких... Старый фонд
Углем затарен и дровами.
И снег пошёл... забыла зонт,
Пока возилась с сапогами,

Замок заело на одном —
Помощника нет и в помине.
Да, хочется мужчину в дом,
Но, где найти его отныне,

Когда сама взошла цветком
И поражает всех фигурой?
Мужчины тянутся, тайком
В любовницы зовут. Не дура!
«Да, подожду, придёт он, миг —
Растает женское сердечко...
В седьмой палате не старик,
За тридцать, палец без колечка,
Улыбчив, видно весельчак,
А вот глаза — грустны и немые,
И груз какой-то на плечах
Неразрешимостью проблемы.
А сердце вздрагивает, взгляд
Ловя его немой, холодный.

Быть может, ставит меня в ряд
Девчонок ветреных, свободных?
Ему до выписки два дня.
Правду сказать, что я девица?
А вдруг прогонит он меня
Глазами мёртвой синей птицы?
Отбросить всё. Ночной каприз
И снегопада умиление...
Спущусь с небес по крышам вниз,
Пока не видит отделение...»

16.11.11 г. 19-33. А-V-A

Ведунья

За тысячи вёрст за холмом
Избушка стоит при дороге.
Её посещали в былом
Цари и царицы, убогих

Она принимала под кров.
Жила в ней девчушка без Бога.
Когда-то, под самый Покров,
Корова ударила рогом

Девчонку тринадцати лет —
С тех пор она ведала тайны
Над каждым живущим, и свет
Боялся её не случайно.

Вреда не чинила, слова
Правдиво читала по картам.
Кого, где ущемят в правах,
Кому куш отвалится фактом.

Боялись её, но сквозь страх
Тайком приходили за словом.
Кто злой уходил, в пух и прах
Снести мир на кочки готовый,

Грозя подпалить ведьмин дом:
Пытались поджечь не однажды,
Огонь затухал, словно ртом
Дышал на него кто-то влажно.

Забрёл к ней и я, но вопрос
Не дала задать мне девчонка —
С улыбкою чмокнула в нос
И в руки дала собачонку,

Котомку собрала, лаптей
Засунула, вроде, три пары.
Бумагу, чернила и клей,
И перьев гусиных не старых,

И выставила за порог —
Ни рта не раскрыв, ни на картах...
Вот друг мой пушистый у ног,
Котомка с набором подарков,

Пошли мы исследовать свет.
Писал я, ходили с полками.
«Дружок» мой в истории след
Оставил, сцепившись с волками,

Когда добирались домой
По санной дороге тамбовской.
Неравный мы приняли бой,
Погиб он достойно, героически...

Решил я вернуться в тот дом,
Спустя полтораста столетья.
Хотелось за новым «Дружком»,
А дом встретил чёрною клятью...

17.11.11 г. 18-40 А-V-A

За любимым дружком

Ветку ивы сорву, проходя
бережком,
Тропок много, одна за любимым
дружком.
Уводила и в ночь, и в лихую пургу,
Что ни делала жизнь — без него
не могу.

Не вздохнуть, не всплакнуть,
не от счастья запеть —
Он ушел воевать, мне осталось
терпеть,
Нашей тропкой ходить, отгоняя беду,
Веткой ивы рубить на следах лебеду.

И в оставленный след буду с лаской
шептать:
«Береги тебя Бог, сыновей твоих
мать,
Будет с честью хранить свято имя
твоё
И любовью своей напою до краёв,
Как вернёшься домой, всех врагов
победив.
Береги себя, знай, всё у нас
впереди —
Вырастут сыновья, приведут в дом
невест,
И на свадьбах гармонь им заменит
оркестр...»

20.11.11 г. А-V-A

Вечно зелёным

В квартире моей запах женских духов
Впитался в обои и мебель.
Приходит любимая слушать стихов,
А после взлетаем мы в небыль.

Страстями горя, добавляем грехов —
Но их отпускают влюбленным...
Живет адюльтер, до скончанья веков
Останется вечно зеленым.

Мне мужа не жалко — его я вину
Исправлю губами и лаской, —
А нежности тратить хоть раз на жену,
Ну, надо без просьбы под маской...

21.11.11 г. А-V-A

Гульнём

Ну вот, от звонка до звонка
Я отбыл отмерянный срок.
Ворота со скрипом, зека
Хлебнул долгожданный глоток

Свободы... и тонкая грань
Стилетом и зла, и добра,
На плечи легла, словно ткань
Из золота и серебра —

Костюм затрещал на плечах,
И выше стал будто бы рост.
Головушке белый кочан,
Лишь с виду наивен и прост.

Гульнем напоследок, авось,
Поднимется кверху зигзаг.
Оставил за стенами злость,
Чекист мне не друг и не враг —

В Германию еду, барон
Знакомый зовет ко столу.
Он раньше поддерживал трон,
Да нынче и сам ко стволу

Привык... слышал я о делах.
Вдвоем, стало быть, веселей...
А в красной России мне крах —
Сгнойт на ветрах лагерей...

24.11.11 г. А-V-A

МАЙЯ ЗЛОТИСТАЯ

г. Москва

Я часть жизни...твоей!..

Честно я отвечаю...«Мне не по сердцу...
печаль!»...

Но я сижу и скрываю... мне по душе...
февраль!..

Зимней скользящей ладонью тронет
меня... судьба...

И я улечу за собою... Не в даль...
но в чужие места!..

Тихо в воде, кругами...тешится злобный
страх...

И ностальгирует с нами...синий,
иззябший монах...

Снегом и звонкой дорогой...нас одаряет...
любовь...

Знаешь?..Еще мне осталось...
благословение вновь...

Утром зеленым...редко.
Сон приходил непростой...
В тайном письме поименно...
Список звучал...густой!..
Не было...имени! Просто...
Светлою, странной рукой...
Было написано вечно...
С БОГОМ ВСЕГДА ТЫ ЖИВОЙ!

Ре:..Я часть жизни...твоей!..

Поменяю я, разменяю...свой остаток
земного сна!..

Я то знаю, давно гадаю...и мне жаль...
твоего огня!..

Обещаю я лунной россыпью...одарить
напоследок...твой сад!..

Пусть поспеет моя малина...И согреет
в твой зимний...ад!..

Светлым облаком я осяду..
Для тебя...озаряя МИР!..
Мне не верится...но я рада...
Я часть жизни...и твой кумир!..

...Это где-то...рай в шалаше!..

Это где-то...рай в шалаше!..

Мне же нужен комфорт...и в душе...

Не найдется ленивых слов...

Для неумных и скучных...снов!..

Разрешу я гнездиться...врагу..

На распутье прощая ему...

Тихий отдых на ветках моих...

Лишь бы был он навечно...вне их!..

Я найду этот рай...в шалаше!..

И рожу я себе и тебе...

Сына...дочку...и все вечера...

БУДУ АНГЕЛОМ ДОБРЫМ...любя!..

ТО любовь!..И какая же блажь!..

Остывает на нас...тихо ражь!..

Мы не боремся с миром...УЖЕ!..

Просто счастливы...мы...ДЮЖЕ!..

...На земле непросто...жить...

Сочетается пьяный вечер...

С напросившейся в дом...бедой!..

И корявый, усталый странник...

На пороге сидит...смурной!..

На нездешней, чужой дороге...

Проложилась моя колея...

И я чувствую...все те ноги...

Пробежавшие здесь до меня!..

Мне неясно...и я неспокойна!..

Мне все слышится...плач до зари,

Обещала я всем понемногу...

Божьей, чистой, земной любви!..

На окраине стыд собрался!..

Веселится колдованный люд!..

Я пришла на поминки...с бедою...

Все хотела себя обмануть!..

*Ре:...на земле непросто...
жить...*

Это грустно...Такое слышать...
Но по разному на Земле...
Жили-были другие люди...
И теперешние вдвойне...
Отстрадают, молясь на рассвете...
Понимая лишь чуткий вздох...
Мы за всех...и за все на свете...
Продолжаем свой нежный ох!..

Не потом, а всегда...сначала!..
Распускается, как туман...
То, что прахом конечным стало...
Но хранится в архивах...там!..
На сердечной струне...сыграет...
Нам Шопен свой последний вальс...
И кто знает...но там...где вера...
Расцветает волшебный шанс!..

Ведь сойдя на пустынный берег...
В душный, пряный ночной мираж...
Мы поверим в себя...И БОГА...
Святой чуя...благой кураж!..

...Мы напишем с тобою... сказку!..

Путру я немного сонно...чую этот
счастливыи мир!..
Путру я всегда неспешно...рассуждаю
про чей то...сыр!..
Но улыбчивый, хитрый ветер...мило
тронет мои волоса...
И услышит душа непременно...
чьи-то нежные голоса!..

Мы напишем с тобою сказку!..
Станных, лунных, любовных грез!..
И нанижет рука беспечно...
Нитку сладких наивных слез!..
Повторится блескучей каплей...
На траве мой последний миф!..
И останется...только правда!..
Правда светлых и честных рифм!..

*...Пусть немного...земного
счастья!..*

И в чудесное мало веря...
Предстоит под волшебный звон...
Разукрасить свои события...
Миражами великих!.. Сон...

Параллельной судьбы...озарений...
Предстоящее видеть в себе..
И немного земного счастья...
Летним вечером...ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ!..

...Все вопросы мои...случайны!..

Все вопросы мои...случайны!..
Я не думаю так...Сгоряча...
Ночь развеяла наши тайны...
И теперь у земного...плеча...

Тихо...БОГ...и уютные мели...
розоватые облака!..
И теперь у моей свирели...ноты
сладкой, непржитой «фа»...
Серебрится мой северный замок...
у подножия древних гор...
Проживает моя планета...
удивительно странный спор!..

...Ре:...алый век...над пропастью...

Под утренний шепот неба...
Я выпью до дна...любовь!..
И пусть мне всегда за это...
Прохладною будет кровь!..

Рифмую я нежно вечность!..
Божественный век...пишу!..
И не заметила...даже...
Что больше я не грешу!..

Что тихо в душе...нездешней...
Волнуется море у ног!..
Я знаю, что незаметно...
Меня понимает народ!..

На жизненный срок нам хватит...
Песчаных...счастливых снов!..
Ведь так...нам никто не скажет...
Про наш...неулыбчивый кров!..

...Алый век...над пропастью...

Опять мне не хочется...страсти...
И верная сердцу рука...
Напишет чужие напасти...
И ветром утрется слеза!..

Найду я слова...святые!..
И в здешний, любовный зной...
Себя обретет наверно...
Мой сладкий и терпкий рой!

Над пропастью...бездной рая...
Распустится алый век!..
И там, на приступочке веры...
Найду я сто спрятанных веж!..

Как подать...как детский мячик...
Лежит на ладони...МИР!..
А слушает мое сердце...
Читаемый БОГОМ...псалтырь..

*...Ре:...мне здесь
не хватает...дождя!...*

Напишет...напишет рука...
Не много...не мало...а столько...
Сколь вдруг захотела она...
И станет светлее...Не только!..

На небе проснется звезда...
Макушкой кудрявого леса...
Коснется меня тишина...
И редкая память поэта!..

На мостике...шатком и чистом...
Я встречу божественный мир...
Я знаю...написано много...
Но все ли придут на мой...пир?..

*...Мне здесь не хватает...
дождя!..*

Мне здесь не хватает дождя!..
Ленивого, светлого бога!..
Мне здесь не хватает тебя!..
Счастливого вечного рода!..

И я бы пришла навсегда...
В тот дом...где тенистой аллеей...
Звенела и пела душа...
Слепой...и наивной жалеей!..

Пусть трепетный вечер молчит...
Свет божеского ученья!..
Мне здесь не хватает дождя...
Дождя и немного мученья!..

*...Над головой моей...
звезда!..*

Над головой моей...звезда!..
Невидимым лукавым светом...
Окрасила все... берега...
Реки моей...божественным приветом!..

И стало мне...так непонятно жить!..
Дневную суету считать за благодать!..
И тихим словом в сердце ворожить...
Безудержное, но людям на радость!..

И по неписанным законам бытия...
Я ускоряю на Земле пространство...
Пусть всем живущим в этом веке нам...
Достанется волшебное тиранство!..

Плен солнечных и дивных песен сна!..
Закат и детские качели-карусели!..
И обязательно написанный трактат...
О КАЖДОМ МИГЕ...ЛУННОЙ КАНИТЕЛИ!..

*Ре:...где-то в бегах...
мое счастье!..*

Где эта роза!.. Любовный дурман?...
Я сладким соком налью...как шаман...
Честной, бродяжей...людской суеты!..
И на продажу...сотку, как ковры...
Солнечной тяжести...спелый гранат...
Пусть всем так просто будет наряд...
Чистых, льняных...тканей розовый цвет!..
И на побывку...нам выпишут след...
Собственной глупости!..Станных утех!..
И всем заблудшим простят этот грех!..
В памяти...крутится лунный волчок!..
Скажет наивно...безумный торчок...
Где эта правда?... Истинный свет?...
Я тут летаю...уже столько лет...
И не похожий на все времена...
Ветер сторожит ЕГО ТЕРЕМА!..
Гостем случайным...по вере и сном...
Здесь ты проходишь...по жизни...с отцом!..

*...Где-то в бегах...
мое счастье!..*

На параллельных наших путях...
Где-то есть лето, а где-то...в бегах...
Счастье неумное!.. Счастье мое...
В сне зашифровано...Только твоё...
Сердце мятежное...может найти...
Мною потерянное — спасти!..
И как расплату...за солнечный миг...
Соединить нас...рисую тот лик...
Северных песен...людской красоты...
И в хороводе...убрать под кресты...
Зябкий, полуночный ветхий туман...
Всяко ответственный за обман!..

...Нега волшебной зимы!..

Мне вдохновенья не надо!..
В здешней вертлявой молве...
Я проживаю как надо...
Только вот где-то во сне...

Светом мудренного глаза...
НЕЧТО стекает к руке...
И я пишу...это чудо!..Собранное
везде!..
Ангелами, как милость!..Странной
людской красоты...
Где-то веками копилась...Нега
волшебной зимы!..

...Может, я так...не решила?..

Может, я согрешила...взяв у судьбы
удила?..
Может, я так не решила...просто
ошиблась со сна?..
Нехотя брали кони...верный,
но странный путь!..
И никогда у закона...я не знавала
суть!..

Это, конечно, все спорно!..
Прихоти или мы!..
Так же, конечно, вздорно!..
Но невзначай у вины...
Больше не стало воли!..
И по сердечной стезе...
Вывезла я из боли...
Вывезла счастье себе!..

Re:...Может, я так...не решила?..

В той...ненаписанной книге...
Есть все слова обо всем!..
Просто их надо услышать!..
Просто понять...там о чем?..

Истины, правды много!..Можно
проспорить всю жизнь!..
И пролететь в небосводе...И озадачено
плыть!..
Сколько живешь ты на свете...прячется
от тебя!..
Вечная сказка времени!..Но на исходе
дня...

Фениксом...в чудо-перьях...
Радостно вздрогнешь душой...
И по волшебной дороге...
В дом возвратишься...родной!..

...Re: одинокое путешествие..

Если бы мне пришлось...
Здесь вдруг оставить вас...
Будет на сердце дрожь...
И беспокойство...фраз!..

Тихого колдовства...Я на Земле нашла...
Только вот как-то так...С совестью
вдруг пришла...
Нежная...но беда...и одинокий лик!..
Мы здесь не навсегда!..Снежный,
звонящий миг!..

ВЕРА ТЕПЛЯКОВА

г. Санкт-Петербург, 4-А класс 652 гимназия

Девочка в блокадном Ленинграде

Снег, сугробы, трамваи замерзшие,
Я сижу у окна одна,
Мама хлеб принесёт мне вечером,
Съем его и засну до утра.
И приснится мне сон — словно сказка,
В нём не падают бомбы во двор,
В нём вернулся мой папа с фронта,
И привёз шоколадный набор!
А потом — летний, солнечный день,
Мы идём всей семьёй в кино,
В руках я несу настоящее
Ленинградское эскимо!
А значит недаром мама
Под обстрелом шинели шьёт.
И не зря сестра моя старшая
В двенадцать пошла на завод.
Разорвём мы кольцо ненавистное
Скоро, скоро — ведь сил уж нет,
Будем праздновать мы победу
Много, много счастливых лет!

ИРИНА НИКОНОВА

г. Санкт-Петербург, 9-А класс 652 гимназия

Молитва

Прошу тебя лишь об одном.
Пускай закончится она!
Она настигла каждый дом.
Она — война, война. Война.

Прошу, чтоб карточка на хлеб
Была у каждого из нас...
Прошу тебя! Ты видишь всех...
Тут умирают каждый час.

Прости... и прекрати налёты,
И я молю тебя, Господь!
Пускай затихнут самолёты,
И будет вновь одна любовь...

Мы не забудем ничего...
И память нас переживёт.
А город, что родней всего,
Вторую жизнь пусть обретёт.

Прошу, пускай пылают вечно
В тон сердца Ленинграда — свечи...
За память тех, кто не дожил,
За память тех, кто с ними был.

Господь! За что нас так гнетут?
И что мы сделали такого,
Что голодом нас всех берут,
И сжали всех в кольцо итогом?

Наш склад сожгли, дома взорвали,
Теперь, вот видишь, мебель жжём.
Ты знаешь сам, как выживаем,
Как в Ленинграде мы живём.

Настанем час! Я верю сердцем...
Настанет день! Мы — доживём.
Кольцо блокады вместе снимем!
И до Берлина мы дойдём!

Прошу тебя! Ты слышишь, точно...
Творитель, снег на крыши сел...
Нам бы прожить вот этой ночью,
А днём... Проснётся — кто успел...

АЛИНА СЕРГЕЕВА

г. Санкт-Петербург, 6-Б класс 124 школа

Дождалась

Маленькая девочка провожала папу,
Маленькая девочка очень горько плакала.
Не хотела девочка папочку терять,
Не хотела девочка его долго ждать.
Вот четыре года мигом пролетели,
Девочка растёт неделя за неделей.
А у всех подружек уж вернулись папы,
Только наша девочка очень горько плакала...
За полночь не спится, как тут можно спать!
Мамочка сказала ей папулю ждать!
Раз, наутро, девочка встала очень рано.
Твой вернулся папа! — мама ей сказала.
Обвивают папину шею дочки руки,
Наконец закончились ожидания муки!
— Что ты там увидел, папа, на войне?
Расскажи, пожалуйста, поскорее мне!
— Били мы фашистов на полях, в окопах.
Много раз вступала в схватку наша рота.
Было на позициях много перемен,
Было окружение, а потом и плен.
А потом концлагерь, холод, грязь и снег,
Свастика на флагах, а потом — побег.
— А скажи-ка, папа, дочке помоги,
Грозные ли были те твои враги?
— Враг достался грозный нашей всей стране,
И, «хлебнуть по-полной» приходилось мне!
Долго возвращался, весь больной от ран,
Кое-как пробрался в лагерь партизан.
Не на жизнь, а на смерть бились мы с врагами,
Множество заданий выполнено нами.
Раз попал в болото — долго там сидел,
Было очень холодно, сильно заболел.
В старом ветхом доме знахарь приютил,
И почти полгода он меня лечил.
А потом Победа! Праздник наш, мой, твой!
Поклонился деду я и пошёл домой ...

Папа! Мама! Люди нашей всей страны!
Пусть теперь не будет никогда войны!

ВАЛЕНТИНА ТЕРПИЛОВА

г. Санкт-Петербург, 5-А класс 124 школа

Люди Ленинграда,
Жертвы злой войны.
Хваткою блокады
На смерть обречены!
Хлеба не хватало
Так же, как тепла.
Сколько бомб упало,
Разрушило дома.
Люди не сдавались,
Из последних сил
С бедами сражались,
Враг их не сломил!

МИХАИЛ СУСЛОВ

г. Санкт-Петербург, 7-Б класс 124 школа

Разорвано кольцо

Отбился Ленинград.
Не сдался он врагу,
Не преклонил колени,
Сражались жители, не зная лени,
Боролись с голодом.
А жизнь была, как ад.

Зимы холодной той не позабыть,
Всех умерших не перечислить,
Всех настоящих ленинградцев мысли —
Мы не сдадимся. Отстоять. Отбить.

Наш Город выжил. Победил.
Была нелёгкой та победа...
А наши бабушки и деды
Трудились на пределе сил.

И будем помнить вечно мы
Тот подвиг ленинградцев.
И хоть мы не хотим войны,
Но если...
Будем мы сражаться!

Ефим Роговер

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

В трагические дни блокады нашего города, когда группе немецко-фашистских армий «Север» во взаимодействии с финляндскими войсками удалось окружить Ленинград, в котором истощались запасы боеприпасов, продовольствия, топлива и промышленного сырья, когда враг обстреливал город тяжелой артиллерией и совершал губительные воздушные налеты, боевой дух тружеников города не был сломлен. Они продолжали борьбу за спасение Ленинграда, за сбережение его великой культуры. И вместе с героическими жителями города, в тесном единении с ними мужественную борьбу вели деятели литературы и искусства. Треть членов писательской организации города ушла в народное ополчение. Один из боевых взводов дивизии Кировского района был укомплектован целиком из писателей. Но те, кто по разным причинам не вошел в ряды армии и в партизанские отряды, нашли для себя другую необходимую форму борьбы.

В витрине «Елисеевского» магазина на Невском проспекте, где вывешивались сводки Информбюро, уже 23 июня 1941 года появился плакат из серии «Окна ТАСС». Эта была работа художника В. Серова, называвшаяся «Били, бьем и будем бить!». К созданию многих последующих «Окон ТАСС» присоединились художники В. Гальба, В. Слыщенко, Б. Лео и сотрудничавшие с ними поэты А. Прокофьев,

В. Саянов, А. Флит. А когда фашистские изверги впервые сбросили на Ленинград вместе с фугасными зажигательные бомбы, вызвавшие многочисленные пожары, появилось очередное «Окно ТАСС», созданное художниками Н. Игнатьевым и Слыщенко в содружестве с Ольгой Берггольц. Она написала для плаката стихотворный текст и сделала героиней листовки и транспарантов «тетю Дашу», давний персонаж поэтессы. Ленинградцы хорошо помнили «Разговор с соседкой» О. Берггольц, где была нарисована «Дарья Власьева, соседка по квартире». Автор прославленного стихотворения вела душевный разговор с такой же героической и стойкой женщиной, как она сама. Участницы диалога вспоминали пережитые блокадные дни и свалившиеся на жителей города безмерные страдания:

О, ночное воющее небо,
дрожа земли, обвал недалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...
Для того, чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист, —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Имя Ольги Берггольц неразрывно слилось с судьбой блокадного города, стало напоминанием о муках, испытаниях и преодолевавших их труде, мужестве и творчестве. Совсем не случайно поэтесса одной из первых в городе получила 3 июня 1943 года воистину необыкновен-

ную медаль «За оборону Ленинграда», о чем она поведала в стихах:

Осада длится, тяжкая осада,
Невиданная ни в одной войне,
Медаль за оборону Ленинграда
Сегодня Родина вручает мне.

Я сказал: «совсем не случайно», потому что этой женщиной, причастной к высокой поэзии, было сделано так много, что ее деяния могли бы составить особую героическую летопись. Это и стихотворение «Первый день», отметившее начало всеобщего сопротивления врагу, и разговоры «от сердца к сердцу», и пламенные обращения к солдатам, и прославленные выступления на радио, куда О. Берггольц добиралась больными ногами. Это и мужественные ухаживания за таявшим от голода мужем, и посещение заводов, морях Балтики, солдат на переднем крае обороны, штаба партизанского движения, и публикации газетных статей («Всегда с нами» и др.), и поэтические письма на Каму, и создание «Ленинградского дневника», и отражение дней блокады в поэме «Февральский дневник», и наброски трагедии «Верность»...

Рядом с Ольгой Берггольц творили некоторое время жившие в Ленинграде А. Ахматова, В. Вишневский, Н. Тихонов, Е. Шварц, Б. Лавренев, М. Зощенко, И. Меттер, Б. Тимофеев, А. Флит, П. Ойфа, Л. Попова, Вера Кетлинская. Вот одна из дневниковых записей О. Берггольц: «Зашла к Ахматовой, она живет у дворника (убитого артснарядом на улице Желябова), в подвале, в темном-темном уголку прихожей, вонючем таком, совершенно Достоевщицком. На досках, находящихся друг на друга, — матрашишко. На краю, затаенная в платок, с ввалившимися глазами — Анна

Ахматова, муза плача, гордость русской поэзии — неповторимый, большой, сияющий поэт. Она почти голодает, больная...»

Но эта голодающая и болеющая Ахматова тоже создает в Ленинграде «Клятву», где мужественно заявляет: «... нас покориться никто не заставит!», «Первый дальноточный в Ленинграде», стихотворение, в котором проследивает страшный полет вражеского снаряда, равнодушно несущего гибель «ребенку моему»; незабываемую миниатюру «Нох», посвященную статуе «Ночь» в Летнем саду, спасаемой ленинградцами.

А совсем рядом с Анной Ахматовой и Ольгой Берггольц в своей нетопленной квартире великий Дмитрий Шостакович создает «Седьмую симфонию», о которой он рассказал по радио, что он «в довольно быстрый срок написал две части» и намерен создать третью и четвертую части этой героической симфонии. Примечательно, что весь блокадный цикл О. Берггольц очень родствен этой Седьмой симфонии Шостаковича. Звучащий в ней трубный голос войны, ее скрежет, визг, похожие на рондо повторы, слышимые стоны жертв — все то, что у Шостаковича передается в «рычащих» звуках и свисте духовых инструментов, а также в пугающем громе барабанов и трагически одиноком, низком голосе фагота, — вся эта трагедия, несомая войной, присутствует и в стихах О. Берггольц. И у композитора, и у поэтессы тема страдания не доминирует, а органически сплетается с вызовом, гневом, предельной яростью. Эти две музыкально-поэтические темы развиваются и у обоих переходят то в величественный реквием (вспомним «Памяти павших»), вызывающий

скорбь и святые слезы, то в нежную колыбельную, трогательную и неожиданно возникающую, то, наконец, в громкую здравницу жизни, которая преодолевает кошмар войны.

Вместе с поэтами, прозаиками и музыкантами своим оружием сражались в блокадную пору живописцы и графики. Ушли добровольцами и призвано в армию было 900 членов Союза советских художников. А те, кто оставался в блокированном городе, сражались своим искусством красок и линий. Это были И. А. Серебряный, В. А. Серов, А. Казанцев, А. П. Остроумова-Лебедева, В. В. Пакулин, В. Н. Кучумов. Они создавали не только «Окна ТАСС», о которых мы упоминали выше, но и графические работы в серии «Боевой карандаш», писали батальные картины, посвященные обороне Ленинграда. Можно упомянуть полотно трех ленинградских художников — В. А. Серова, И. А. Серебряного и А. А. Казанцева «Встреча на Неве» (1943 год). Многофигурная сцена, воссозданная на этой картине, отмечена ощутимой динамикой, пронизана энергией встречного движения воинов на фоне зимнего пейзажа и разрушений. Мы замечаем на полотне пасмурное небо, обгорелые печные трубы, торчащие там, где были жилые дома, трупы фашистов на снегу. Все на картине передает обстановку, сопровождавшую героический прорыв блокады Ленинграда 18 января 1943 года.

Можно упомянуть открывшуюся в январе 1942 года в блокадном городе выставку картин и эскизов, посвященных «Ленинграду в дни Отечественной войны». Нельзя не сказать об автолитографической серии А. Ф. Пахомова «Ленинград в дни блокады», созданной 1942 году. Художник трудился в осажденном го-

роде, начал создавать свой цикл в 1941 году и затем обогащал серию из года в год. Сюита открывается литографией «Проводы народного ополчения на фронт». Она изображает прощание женщин, подростков и детей с суровыми мужчинами, уходящими на войну.

Другая литография — «На Неву за водой» — хотя и посвящена привычной в городе бытовой сцене, но полна запоминающегося драматизма. Изображен закутанный в платок ребенок с чайником в руке, а рядом с ним показана истощенная девушка на ступеньках невиской набережной. Автору этих строк когда-то самому довелось проделывать трудный путь от Апраксина переулка до Невы, и потому повторный просмотр этого и других листов Пахомова воскрешает пережитые драматические будни. Мы перелистываем литографию за литографией и поражаемся достоверности сцен и потрясающей правдивости графических изображений. Перед нами проходят женщины, убирающие снег, подростки, дежурящие на крышах, мужчины, выносящие раненых из развалин, солдаты, ведущие гитлеровцев под конвоем. Во все эти изображения веришь, любишь верностью передачи пережитых сцен и наслаждаешься мастерством графики.

Все чаще запечатлевали подобные сцены прозаики и поэты, все настойчивее переходили от малых жанров, быстро откликавшихся на события блокады, к большим лироэпическим полотнам.

Так, Зинаида Шишова создает поэму «Блокада». Формируя тему своего произведения, она провозглашает:

Наш мир сейчас определен блокадой,
Наш мир сейчас не больше Ленинграда.

Это заявление говорит не об узости художественного пространства, а о конкретности избранного материала. Привлекательной стороной поэмы является пристальное внимание автора к быту закованного блокадой города. Но изображая будни, поэтесса столь же чутка к героическому поведению людей:

Да, Ленинград остыл и обезлюдел,
И высятся пустые этажи,
Но мы умеем жить, хотим и будем,
Мы отстояли это право — жить.

Мотив жизнелюбия устойчив в поэме и передается автором с твердым намерением противопоставить смерти идею жизни, а будням — дыхание самой истории:

А мы с тобой в историю войдем
Так запросто, как люди входят в дом
<..> Войдем в историю, как входят
в дом родной.

Как в милый дом, оставленный врагами,
Как в отчий дом, отбитый у врага!

Мотив дома, здесь звучащий, придает стихам поэмы очень емкое наполнение и широту. В показанных взаимоотношениях человека и истории ощущается воскрешение поэтессой пушкинской темы, значимой и для всей русской поэзии. Не случайно З. Шишова вспоминает светлую Адмиралтейскую иглу, опять-таки актуализируя пушкинский образ.

Другую поэму пишет Вера Инбер, пережившая месяцы блокады. Ее творение называется «Пулковский меридиан» (1941-1943). Хотя по своему жанру это лирический дневник, но, преодолевая свое тяготение к изображению ленинградских будней, автор наполняет поэму мощным философским содержанием. Это отличает произведение Инбер от поэмы З. Шишовой.

В «Пулковском меридиане» много широких раздумий о цивилизации, о культуре, о гуманизме:

Избавить мир, планету от чумы —
Вот гуманизм! И гуманисты — мы.

Пафос поэмы властно захватывает читателя и держит его в напряжении. По воле автора трагедия ленинградской блокады передана не только картинно, но и философски значительно. Здесь акцент сделан на героизме ленинградцев, на их великом подвиге. Инбер прибегает иногда к символическим и аллегорическим образам. Смысл своих стихов она видит в том,

Чтобы очаг отчаяния и зла,
Проклятье гитлеризма — сжечь дотла.

Ей удается внести свой вклад в это великое, святое дело.

По случаю прорыва и снятия блокады в 1943 году вышла художественная открытка «Блокада прорвана!». В ней вновь — на этот раз победно — объединились усилия художника В.М. Соколова и поэта Е. Рывиной. На фоне мощного черного взрыва протянулась светлая полоса с контурами Адмиралтейства и Исакия. Стихи поэтессы торжественно провозглашают: «Эту дату мы не забудем — Восемнадцатое января».

Таково взаимодействие литературы и искусства в суровые годы ленинградской блокады. Пройдут годы, и появятся новые произведения об этой поре, в частности замечательная «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина. На ее страницах вновь и вновь будут показаны проявления великого героизма тех, кто стойко и мужественно одолел ужасы блокадного существования и яростный, губительный смерч войны во имя того, чтобы они никогда не повторялись.

Ева Талая
(Украина, г. Харьков)

ПАМЯТЬ ПУСТЫНИ

От автора:

Эта история навеяна ветрами времени, и каждое слово хранит в себе тайный смысл давно ушедших событий. Подобно сказке, события этой повести, словно по велению сказочного джина, переносят далеко за грань реальности, стирая пределы бытия и фантазии.

Возможно, что эта история была на самом деле, и совпадение с реальными событиями окажется вовсе не выдумкой. И все же, если это покажется невероятным, считайте совпадение имен реально существовавших людей с героями романа только удивительным совпадением и не более.

Кто знает, возможно, каждый человек, придумывая историю, пересказывает случившееся однажды с ним. Или не с ним... В жизни этой, или другой, не важно... Память может поведать нам о далеком и неведомом, пережитом и забытом, порой позабыв указать источник познания.

Закрываю глаза, и чувствую, как много Мир хочет сказать. Нас окружает Великая Память Мира. Почувствуйте... И вы поймете, что все уже однажды было. И в каждой истории любому из нас найдется место не просто как читателю, а полноправному герою событий. Нужно только вспомнить...

Глава первая.

В далекой и прекрасной стране, где за место под солнцем борется ветер и песок, горы и пересыхающие реки, где берега этой многострадальной земли омывают теплые воды морей, а океан сливается с песчаным берегом словно мираж — рождается мудрая сказка. В этой далекой стране живут удивительные люди, храбрые воины, и женщины, которые умеют любить как нигде в другой стороне света. Там ночь приносит долгожданную прохладу, но согревает любовью, а в миг, когда рождается утро и рождается новый день — люди чаще говорят «прощай», нежели «здравствуй». И никто не в силах предугадать, случится ли следующая встреча... В этом удивительном мире нет места скуке и унынию, каждое мгновение наполнено смыслом, и всегда, почти всегда, идет борьба за право прожить еще хоть день, еще хоть одну ночь, еще хоть одну минуту!

Эта земля бережно хранит захватывающие предания, удивительные образы, имена своих героев, и оставляет при себе память прошедших веков, которую дарует и раскрывает только тем, кто сумел постичь мудрость земли и неба, гармонию всех стихий, человеческой сущности, а главное, любви.

Это было давно... Тогда люди, живущие на границе пустыни, имели свой мир, свою мудрость, свою культуру. Их корни, уходящие глубоко в память пустыни, создавая целый мир и формируя сложные отношения, делали их причастными к великим свершениям. Но мир вокруг неумолимо и стремительно менялся, не оставляя выбора тем, кто не желал менять свой образ. Пришли иные времена, настало время новых героев, время новой любви, время для новых свершений, отчаяния и подвигов. Время... которое оста-

вило следы из человеческих судеб, которые сплетаются и рассыпаются во времени и пространстве, рождая новые истории, новые сказания, новые миры.

Фарида с братом, на правах старших детей, присматривали за младшими. Ей было тринадцать лет, а брату исполнилось восемь. Мусса был недоволен выпавшей на его долю участью, и постоянно проявлял все виды недовольства. Дети дразнили его, а он гордо выносил колкости в свой адрес, мстя им всевозможными запретами и пугая страшными историями про ифритов. (Ифрит — это восточный демон, сверхъестественное существо, по мусульманской демонологии берущее начало от Люцифера.) Сегодня брат с сестрой были особенно стоворчивыми, потому как постоянно следили за линией горизонта, всматриваясь вдаль. Где-то, за горизонтом, спешили возвратиться домой их отец и старший брат. Дети давно заметили, как задумчивы стали взрослые, как долго говорят на совете старики, и как часто их отец, глава племени, уезжал в другие племена. Они понимали, что в их мире что-то меняется, что-то происходит и спешили понять все, и поскорее стать взрослыми.

День близился к полудню, понемногу стал подниматься ветер. Девочка смотрела, как песчинки пересыпались, увлекаемые приземистым ветерком, выдувались из песка камешки. Её брат подымал их с земли и бросал вдаль. Другие мальчишки старались покорить дальность его броска, и изо всех сил старались бросить свои камешки еще дальше. Так, играясь с камешками, дети заполняли свой досуг. А ветер словно соперничал с ними, играл с камнями и песчинками, увлекал верхний слой песка и отправлял его в дальний путь. Хамсин дул из Сахары, пустыня начинала «говорить», далекий голос барханов уже отчетливо слышался. (*Хамсин — сухой, изнуряющий, жаркий, местный ветер южных направлений.*) Фарида отправила детей по домам. Ветер постепенно поднимал облако пыли все выше и выше над землей. Девочка посмотрела в небо, оно было еще ясным и чистым, и ничто, казалось, не предвещало бури, но она знала — когда песчинки начинают перекатываться и ветер подымает их с земли и забирает с собой, то очень скоро придет буря.

— Они сегодня уже не придут, — сказал с огорчением ее брат. И дети направились к дому, грустно бросив взгляд в ту сторону, куда двигалась буря.

Солнце стремительно скатывалось за барханы, у самой кромки земли, из-за песчаного облака его уже было не рассмотреть. Все пространство вокруг окрасилось в красный цвет, словно на землю опрокинули огонь. Алая, горящая шапка солнца очень быстро стерлась с небосвода, и последний луч, сверкнув из-за бархана, потух. Сквозь песчаные лапы поднятого ветром песка можно было рассмотреть лоскутки вдруг потемневшего неба и звезды на нем, которые сияли так ярко, словно песок отшлифовал их, как медь.

Люди поспешили в свои жилища, мужчины и женщины молились, дети притихли, наступало время стихии, время молиться за тех, кого буря застала в пути.

Фарида вслушивалась в голос пустыни. Ветер пел в барханах, песок таинственно шептал, ударяясь в стены дома. Она чувствовала себя ничтожной песчинкой, которая не в силах противостоять ветру, но в которой жила вся

пустыня. Она чувствовала пустыню сердцем и молилась, чтобы та была милостивой и отдала отца и брата, которые были сейчас в ее власти.

Удобно устроившись в объятиях матери, они с братом смотрели на огонек керосиновой лампы. Мать пела старинную берберскую песню, на стенах причудливо гуляли тени, и голос матери увлекал их воображение в мир грез. Спев песню, дрожащим голосом мама начала рассказывать истории о берберских воинах и чудесах, которые и поныне порой случаются в пустыне по воле и милости Аллаха. О приключениях, которые случились с Абу Зейдом, Халифом, Диябом, славными и легендарными героями. (*Абу Зейд и Диаб — главные герои арабских рассказов о приключении племени Хилаль. Халиф — герой эпоса о переселении племени Хилаль в Северную Африку.*)

Буря не утихала. Мама ласково гладила по волосам непослушные кудри Муссы и аккуратные косички дочери. Она пересказывала истории, которые когда-то рассказывала ей ее мать, а матери ее мать, и так во все времена. Она знала, что ее дети когда-то расскажут эти истории своим детям.

Фарида затаив дыхание вслушивалась в голос матери и ловила каждое слово, стараясь не упустить самое важное, не прослушать, не забыть, не отвлечься... Её брат тоже слушал мать с закрытыми глазами, он наверняка представлял себя смелым и отважным воином, сражался с врагами, побеждал их и был героем. Муссу не трудно было представить воином. В ее воображении брат предстал на арабском скакуне, голубой тагельмуст (*тагельмуст — мужской тюрбан*) не скрывал его красивые глаза, смело и отважно он смотрел вдаль. Глядя на брата, который мирно посапывал рядом, девочка улыбнулась. Она любила своих братьев, любила свою мудрую маму, и бесконечно любила и уважала отца.

Мама закончила свою историю и замолчала, лампа немного потускнела, Мусса, похоже, уже спал. Ласково и нежно мама поцеловала дочь и пожелала спокойного сна. Комната постепенно погружалась в полумрак, девочка еще немного помолилась за тех, кто в пути, и сон окончательно завладел ею, теперь ангелы охраняли ее в этом замеченном песком мире.

Ей снился сон, в котором она долго всматривалась в пустыню. Казалось, она видит ее лицо... красивое и печальное. Она долго ждала, а песок, словно живые волны, перекатываясь, устремлялся вдаль...

Утром, чуть свет, когда на востоке едва показалось солнце, Мусса открыл глаза. Было тихо, а значит, за бурей пришло утро, и теперь путники сумеют продолжить свой путь. Лучи солнца пробивались сквозь щели в ставнях, словно обретая твердость материи, старались коснуться кого-то или чего-то, заявляя о своей материальности. Чтобы не будить маму, он тихонько стал будить сестру, толкая ее в плечо:

— Проснись Фарида, пойдем, ветер давно молчит! Они должны прийти за бурей.

Фарида тут же проснулась и подчинилась воле брата, который уже тащил ее за руку. Она едва поспевала за ним. Утреннее солнце быстро выкатывалось на небосвод, торопясь накаливать утренний воздух. Девочка невольно прищурилась, глядя на восходящее солнце. Буря принесла много песка, и ноги погрязали в него, было неудобно бежать за братом. Потеряв два раза тапочек, Фарида не специально задерживала Муссу, который стремительно направлялся к вершине ближайшего бархана. Взобравшись

на вершину, дети остановились перевести дыхание. Их взору предстала величественная картина, перед ними простиралась их родная земля, насколько хватало взора, освещенная солнцем, земля их предков. Земля, на которой поколение за поколением восходило и садилось солнце, приходили и уходили люди, и, казалось, ничто не могло нарушить этой идиллии, гармонии и любви... Вдали показались несколько фигур всадников:

— Смотри! — указал Мусса. — Они идут!

Он зорко присматривался, и пока они не исчезли за волной бархана, тревожно не отводил взора:

— Это они! С ними еще кто-то. Пойдем, всем сообщим.

Пока дети вернулись, дозорные уже известили мужчин. И вбежав в дом, дети застали маму за приготовлениями к встрече отца.

Фарида помогала матери приводить дом в идеальный порядок, чтобы достойно встретить гостей и хозяина. Ее отец был важным человеком тигремта (*тигрэмт — жилая крепость*), аглидом (*аглид — глава совета, старший в племени*) среди старейшин.

Мать заметно волновалась, что постепенно передавалось и дочери. Пока всадники доехали до границы тигремта, мать с дочерью были готовы к встрече. Они надели свои лучшие джелабы, Фарида украсила шею бусами, а запястья лучшими браслетами. Мать покрыла голову голубым тасувартом (*тасуварт — женское покрывало*), украшенным вышивкой и бисером.

Жители селения вышли встретить своего вождя, все с нетерпением ждали, когда всадники войдут в главные ворота. У наружных стен слышались голоса и приветственные возгласы воинов. Они встречали вождя и радовались его возвращению.

Всадники въехали в поселение, женщины улюлюкали и кричали приветствия, мужчины стучали и тоже выкрикивали приветствия. Во всем этом гаме и шуме Фарида слышала, как бешено, стучит ее сердце. Как и все женщины, она умела интуитивно чувствовать приближающиеся перемены, которые должны были произойти в ее жизни. Она еще не могла понять, к добру или к несчастью случатся они, но отчетливо ощущала — время перемен настало.

Лица у людей, которые ее окружали, были радостными, они улыбались. Не каждый раз возвращаются воины домой живыми. Не каждый раз, провозжая их, есть надежда на новую встречу.

Мусса радостно побежал навстречу отцу и схватил его лошадь под узды. Справа от отца на прекрасном белом скакуне был старший брат Умар, а слева молодой бербер, которого никто раньше не видел в тигремте. Позади еще два воина, которые сопровождали вождя.

Фарида не видела лица гостя, букар (*букар — мужской тюрбан черного цвета*) почти полностью скрывал его лицо. Она пыталась рассмотреть, и поняла, что не отводит от него взгляда. Они встретились взглядами. Молодой воин опустил край букара и улыбнулся ей. Фарида залилась краской от смущения, но взгляда не отвела.

Он был красив, молод и силен. Его темные глаза словно пленили девочку. Она не могла отвести от него взор. Сердечко стучало, и розовели щечки. Ей были не знакомы доньше такие эмоции, и девочка смущалась своих чувств.

Конь под наездником грациозно гарцевал, будто гордился своим хозяином. Умело соскочив с коня, воин поклонился людям. Его манеры и гордая осанка говорили о его высоком положении, одежда указывала на его принадлежность к кабилским племенам. Гость, так заинтересовавший девочку, чувствуя ее постоянный взгляд на себе, еще раз посмотрел ей в глаза. На этот раз Фарида опустила взгляд, и пожалела, что не надела свой тасуварт. Сейчас ей больше всего хотелось завернуться в покрывало и прикрыть раскрасневшееся от смущения лицо.

Перед приехавшими мужчинами собрались старейшины. Люди понемногу стали расходиться по домам, нужно было еще убирать последствия бушевавшей почти всю ночь стихии. Фарида пыталась расслышать, как представил гостя ее отец, но из-за шума и суеты она ничего не смогла расслышать. Все мужчины направились в главный тамхат (*тамхат* — *главный шатер*), с палантина которого торопясь сметали песок. Мама только теперь подошла к отцу, чтобы приветствовать его, а Фарида осталась ждать.

Люди были возбуждены. Старики остались разговаривать у ворот. Дети, столпившись гурьбой, рассматривали прекрасного вороного коня, не позволяя табунщику его увести. Конь хоть и был уставшим, но позволял детям играть с собой, и показывал себя с удовольствием. Вставал на задние копыта, поднимаясь высоко над землей, и возбужденно, поддаваясь всеобщему настроению, ржал. Фарида, как и мальчишки, залюбовалась прекрасным животным. Конь был достоин своего хозяина!

Мусса выбежал из шатра и, пробираясь сквозь толпу, направился к сестре: — Отец просит тебя помочь матери подавать чай, — сказал он сестре.

Сердце пропустило один удар. Фарида, смущенная взглядом красивых глаз бедуина, при мысли, что сейчас ей нужно идти к нему, чувствовала, как сильно бьется ее сердечко, и волнение охватило ее с новой силой. Она со всех ног бросилась в дом, надела еще одни бусы, еще пару браслетов, и накинула покрывало. Она понимала, что уже не чувствует себя ребенком, и эта мысль придавала ей смелости. Под платье она надела подаренный бабушкой амулет. Красивый медальон на тонком кожаном шнурке, алый камень с серыми прожилками, искусно вставленный в медную чеканную бляшку, где на финикийском языке было написано древнее изречение о любви. И призвав на помощь Всевышнего, смело направилась к шатру.

Мама уже готовила душистый напиток — засыпала в большой металлический чайник достаточно зеленого китайского чая, и залила его кипятком, который тут же слила прочь, чтобы удалить пыль из заварки и избавиться от излишней горечи, потом вновь залила чай кипятком и добавила много листьев мяты и сахар. Чайник снова был поставлен на огонь, и только душистый напиток в нем приготовился кипеть, был снят с огня. Фарида стала готовить стаканы. Мужчины сидели чуть дальше и вели беседу. Обычно чай разливают мужчины, но сейчас все они были увлечены разговором, поэтому разливать чай был призван Мусса. Это было серьезное поручение для мальчишки, и он мог проявить все свое мастерство в разливании этого напитка по стаканам. Его брат Умар был мастером в этом деле, и наливал чай, высоко поднимая чайник над головой, не пролив при этом и капли, таким образом, в чашках с чаем было больше половины душистой пены. Мусса стремился к подобной удали, конечно, поднять чайник выше головы и не пролить чай

он еще не умел, но великолепно справился со своей задачей и разлил чай по стаканам с достаточным проворством, и в стаканах получилось немало пены. Фарида все это время то прихоращивалась, поглядывая на гостя, то, смущаясь, теребила край своей джеллабы, и не поспевала вовремя подставлять стаканы, чтобы Мусса их наполнил. Мама увидела перемены в поведении дочери и, не сказав ни слова, просто улыбалась. Фарида ничего не могла с собой поделать, присутствие молодого воина ее сильно изменило. Это стало заметно и ее брату, Умар подмигнул сестренке и, поклонившись присутствующим мужчинам, направился к ней.

— Здравствуй, сестренка! — сказал он, и обнял ее за плечи. — Не смог дожидаться более удобного момента, хочу вручить тебе подарок.

Он что-то стал искать в своей дорожной фессиянской сумке. (*Город Фес славится своими изделиями из окрашенной в яркие цвета кожи.*)

— Я скучала и молилась за тебя! — сказала сестра в ответ. — Ты вернулся, и это самый большой подарок для меня.

Брат с благодарностью улыбался ей:

— Мы переждали бурю с караваном, который шел в Маракеш, и я купил у торговца для тебя вот это.

Он достал удивительной красоты ленту для волос и моток красных ниток для рукоделия. Фарида радостно стала благодарить брата. И не сдержавшись, поцеловала его в щеку. Поверх сильного плеча брата она увидела, как пристально за ней наблюдает молодой бербер. Брат заметил обращенный к гостю взгляд сестры:

— Да ты у меня уже такая взрослая стала! — смутил сестру Умар. — У нашего гостя тоже есть подарок. Я рассказывал ему о тебе, пока буря держала нас в дороге, и он захотел одарить тебя. Милое чудесное создание, ты уже совсем невестой стала, вот — какая красавица!

Фарида набралась смелости и снова посмотрела гостю в глаза, и тот едва заметно с улыбкой кивнул ей.

Когда Фарида подавала мужчинам чай, ее руки дрожали. Стаканы на подносе позвякивали и выдавали волнение девушки. Фарида с досадой подумала, какой неуклюжей сейчас она выглядит перед ним. Гость поспешил взять свой стакан, пока Фарида не опрокинула на него содержимое подноса, придержал край подноса, ожидая, когда девушка сосредоточится и, прикоснувшись к руке красавицы Фарида, еще раз заглянул в ее прекрасные глаза.

Девочка хоть и была еще совсем юной, но уже теперь было видно, что на свои неполные четырнадцать лет она была завидной невестой. Высокого роста, стройный стан невозможно было скрыть под джеллабой. Милое личико, очаровательные глаза и красивые губы в прекрасной улыбке. Длинные темные волосы, сплетенные в тугие косички покрывал тегельмуст, красивые украшения были вплетены в волосы, искусные бусы из серебра и камней украшали шею и грудь молодой девушки. На тонких кистях надеты изысканной красоты браслеты. Несомненно, эта девочка была воспитана в лучших традициях своего народа и умела подчеркнуть свою красоту и, в скором времени, расцветет прекрасным и дивным цветом. Брат Фарида с укором посмотрел на гостя, уж очень пристально он рассматривал девчонку.

Кериму не было двадцати двух лет, но он уже был воином и лидером. Во внешности молодого бербера читалась сила и удаля, высокий рост, гордая осанка, серьезный взгляд, лишь на губах почти всегда легкая улыбка. Он был молод, красив, карие глаза, почти черные, арабская борода и правильные черты лица говорили о его высокородном происхождении. Его сердце еще не сумела покорить девушка ни одного племени, а вот под пристальным взглядом этой девчонки он чувствовал, что теперь часто будет вспоминать взгляд этой горделивой берберки. Слаще и вкуснее чая в своей жизни ему не приходилось пробовать. Чай из рук милой Фарида был самым необыкновенно вкусным. Мысли разбегались из головы, и каждый раз, когда он смотрел на девушку, ему с трудом удавалось удержаться от желания не отрывать от нее глаз. Он отвлекся, понадобилось некоторое время, чтобы сосредоточиться на теме разговора, который вели мужчины.

В этом племени ему еще не доводилось быть, но по просьбе отца он навещал многие племена, чтобы сплотить разрозненные поселения берберов. Перед лицом опасности колонизации их территорий Испанией и Францией племенам необходимо было прийти к согласию и объединить свои усилия. В этот день мужчины долго-долго вели совет в шатре. Даже Мусса не выходил оттуда, хоть был еще мал для подобного рода разговоров. Но скорее всего взрослые были так увлечены серьезностью разговора, что даже не замечали притаившегося в углу мальчишку. А тот, в свою очередь, чувствовал неимоверную гордость, что присутствует при совете. Он почти ничего не понимал, но вслушивался в каждое слово. Его отец время от времени что-то говорил строгим голосом, и мальчик с замиранием сердца внимал каждому слову и был горд своим отцом, он очень хотел быть на него похожим. Несколько раз слово брал его брат, и мальчик волновался за него, но тот, похоже, знал, о чем говорит, и все были довольны его словами.

Было уже далеко за полдень, солнце устало скатывалось с небосклона, жара понемногу спадала. Мусса прибежал в дом к сестре и взволнованно ей сообщил:

— Сестра, — запыхавшись, почти задыхаясь, сказал мальчик, — я слышал, что Умар уедет в Мелилью. Он поедет учиться науке, а это надолго.

Их разговор слышала мама, она спокойно перенесла такую новость. А быть может, только виду не подала. Ведь всегда нелегко отпускать свое дитя в жизнь. Фарида же огорчилась, утешало только то, что брат будет изучать науки и станет ученым мужем, а не воином.

К вечеру мужчины вернулись в дом, Умар шел с гостем, отец чуть позади. Они застали Фарида за вышиванием. Ей не терпелось успеть вышить брату галабайас (*мужской кафтан*) на память. Ведь пока он будет учиться в Мелилье, они не будут видаться. Керим улыбнулся девушке и подошел к ней. Не говоря ни слова, вручил ей небольшую коробочку. Фарида приняла подарок.

— Это тебе подарок, красавица Фарида! — объяснил молодой воин. — Ну же! Открывай.

Открыв коробочку, Фарида удивилась, в ней был невиданной красоты бисер. Она залюбовалась красотой бусин.

— Тебе нравится? — спросил Керим, явно довольный тем, что сумел угодить своим подарком девочке. Она не отводила глаз от бусин.

— Спасибо, — ответила она, — очень красиво!

Смущаясь и краснея, девочка поспешила уйти восвояси. Ей хотелось бы остаться, но присутствие Керима совсем приводило ее в смятение, она не знала что делать, как смотреть, как дышать и куда деться под его пристальным взглядом. Отец, наблюдая эту картину, улыбался, и посмотрел на Керима каким-то особенным взглядом, словно старался разглядеть в нем что-то скрытое.

— Что я говорил тебе, — подмигнул Умар Кериму, — разве не милое создание моя сестренка Фарида? Красавица, ее вышивание лучшее в нашем селении. Брат взял в руки забытое сестрой рукоделие и показал это гостю. Керим аккуратно потрогал удивительный узор, что покрывал ткань, вышитый умелой рукой девушки.

Кериму нечего было возразить. Он пожелал девочке защиты Творца и всех благ в ее жизни и понимал, что эта девочка с прекрасными глазами еще не один раз будет нарушать ход его мыслей, еще не раз он будет желать взглянуть в эти глаза. Удивительная сила взгляда девушки не могла оставить его равнодушным.

Так прошло два долгих года. Тревожные и беспокойные дни настали с того дня, как Умар и Керим покинули тигремит. Отец все чаще принимал чужих людей. В селении появлялись разного рода люди, взрослые становились все более угрюмыми, дети же заметно повзрослели и перестали играть в веселые игры. В воздухе повисла атмосфера всеобщего уныния и напряжения.

Фарида понимала, что все перемены приходят вместе с чужаками, отец называл это политикой. Она ничего в этом не понимала, но интуитивно ощущала, что мир вокруг нее меняется. В конце концов ей стали ненавистными визиты людей, приносящих плохие новости, которые, к сожалению, были неизбежными.

Девочка повзрослела, ее уму открывались многие понятия. Она была намного смышленнее своих подруг, это замечал отец, который учил ее и Муссу премудростям жизни. Несмотря на то, что Фарида была девушкой, отец понимал, что в меняющемся мире менялись роли, менялись понятия, и жизнь требовала корректив. Он понимал, что его детей ждет нелегкая судьба.

Фарида замечала, как ее отец стал уходить в пески и подолгу там молиться. И там, среди песков и ветров, под небом, на котором даже когда их не видно, есть звезды, он воздавал молитвы небесам. В один из таких дней дочь проследовала за отцом. Отец стоял на коленях и молился. Казалось, весь мир молился с ним. Стараясь не мешать молитве, девушка наблюдала, пока отец окончит молитву. Она прислушалась. Ей чудилась дивная мелодия, а может, это пела ее душа. Или ветер говорил с пустыней. А может, земля пела небу о своей судьбе. В эту минуту сердце девушки вмещало всю вселенную, она чувствовала каждый уголок мира... и безмолвно молилась за мир, за людей, за небо и землю, за горы и реки. Неистовое чувство счастья переполняло сердце девушки и осеняло душу. В глазах были слезы.

Отец молился, полностью растворяясь в молитве. Его раскрытые ладони звали к небу, лицо, обращенное к Мекке, выражало крайнюю степень

участия. Он тоже плакал. Поднимая ладони к небу, то наклоняясь и касаясь руками земли, говоря только ему ведомые слова, Всевышнему, в надежде, что небо внемлет ему. Земля и горы, реки и пустыни, все это сейчас была его Душа, с которой он был един с Миром. Казалось, что ветер вторит эхом его словам и разносит молитву далеко в пространстве. Дочь это слышала, и горы, что виднелись вдали — слушали. И пустыня, что притаилась — вслушивалась. И даже звезды, что незримо присутствовали на небе — слышали.

Молитва была окончена. Отец взглядом позвал дочь. Они присели прямо на песок, и долго молчали, смотря в горизонт. Ветер теребил края их одежды, и словно утратив к ним всякий интерес, спешил поскорее из пустыни добраться до моря. Две родственные души, отец и дочь, взявшись за руки, взирали в души друг другу, доверяя времени свои мысли. Отец, вздохнув, начал говорить:

— Эта земля пропитана потом и кровью наших предков. Долгое время на нашей земле нет покоя. Межплеменные ссоры давно истощили наш народ, то и дело обгаряя песок кровью. Может, именно поэтому солнце, умирая каждый вечер, обгаряет все вокруг и красит наш мир красным цветом. На этой «красной», многострадальной земле вырастают поколения за поколением люди, которые привыкли к такому положению дел. Но пришли иные времена. Солнце, не меняя привычки, багряное на закате. А для нас, людей пустыни, пришло время забыть былое, объединиться против иной силы, иных пророков и иных обычаев, которые пришли к нам с европейцами, и вернуться к истокам. Вернуться к себе и вспомнить все то, ради чего мы пришли сюда, на эту землю, — сказав это, отец умолк.

— Ради чего мы пришли сюда? — несмело спросила дочь.

Отец посмотрел в глаза дочери. В его взгляде было столько любви и нежности к своему ребенку, что она не удержалась порыва и поцеловала отцу руки.

— Вот! Ради этого! — его глаза лучились любовью. — Ради любви! Ради любви, дитя мое!

В пустыне время идет очень медленно. Когда зрение человека привыкает к почти не меняющемуся пейзажу, а душа, привыкая к безмолвию, обретает крылья и устремляется, не ощущая границ, к далям, где живут мечты, где уживается желание и бездействие, то время перестаёт быть ориентиром. Душа стремится к тем мирам, где нет причин привыкать, и нет причин молчать, и говорить тоже нет надобности — там живет гармония чувств, гармония понимания, там живет душа.

Сердце девушки перестало отличать день ото дня, ее жизнь стала похожа на пустыню, на песок, что окружал ее. Иногда казалось — не стань ее на этом свете, никто бы и не заметил отсутствия. И от этого становилось грустно. Неужели во всем этом нет никакого смысла?

Прошло время. Фарида стала взрослой. За последние пять лет жизни она научилась ждать, и уже устала от ожидания. Во все времена женщинам ее народа выпадала именно такая участь — ждать. Женщины пустыни умели это делать с достоинством и смиренностью в течение всей своей жизни. Вглядывались в горизонт, в пустыню и ждали... Лицо самой пустыни было женским. Лицо с печально смотрящими вдаль женскими глазами. Они

ждали своих мужчин из походов. Ожидали хороших вестей. И только получив печальную весть, когда уже некого было ждать, все равно вглядывались вдаль, смотрели в лицо пустыне, но уже иным взглядом. Взглядом без надежды. Потому как пустыня являла собой все, что так долго выманивала и ждала женская душа. Потому что пустыня, так или иначе, вмещала в себе все, чего ждет человек, родившийся в ее лоне. И когда она уже ничего не могла вернуть и дать, оставалось лишь раствориться в ней. Стать ею.

Близкие подруги одна за другой выходили замуж. Еще вчерашние дети, милые и открытые, они отдавались своей судьбе и уходили из отчего дома. Кто со страхом, кто со счастьем, но все реже это самое счастье оставалось в домах. Одну за другой провожая своих подруг, Фарида понимала, что вскоре и ей придется, окончательно повзрослев, выйти замуж. Многие ушли в соседние селения, некоторые остались в родном тигремте. В дом к Фариде тоже приходили мужчины, но не часто, и всегда получали от ворот поворот. Мало кто решался сосватать дочь вождя. А отец и не торопился отдать дочь замуж, он понимал, что в нынешнее время не так легко принимать обычные решения, ибо будущее представлялось призрачным и туманным. Их страну одолевали то ссоры племен, то колониальные намерения европейцев, желающих завладеть их землями. И не ясно, что было лучше — быть вдовой, или незамужней. Вместо этого он обучал свою дочь всему, что умел сам: иностранным языкам, политике, мудрости предков, чтению Корана и пониманию языка мира, интуиции решений и любви к родной земле.

Ее мама корила отца за постоянные отказы в замужестве дочери, но ничего не могла поделать. И Фарида благодарила Всевышнего за то, что отец был мудр и справедлив. Уж если выходить замуж, то только по любви. Она мечтала, как и все девушки, о большом и светлом чувстве, о любви, которой нет равных, о чувстве, что соединит ее с любимым человеком на века, и святыне небеса и горы будут воспевать их любовь.

Украдкой девушка пробиралась в комнату отца и читала письма от Умара. Ее брат рассказывал о новостях и о политической обстановке в Мелилье. Но самое важное он рассказывал о Кериме, о его силе духа, о том, как он умело сплотил вокруг себя студенческие массы. Как восторженно Умар хвалил этого смелого кабийского воина, который, несмотря на опасность, пытался не позволить марокканцам, перед лицом колонистов, забыть о гордости и позволить чужестранцам править на родной земле. Она прижимала письма к груди и старалась унять свое сердечко, которое при мысли о Кериме норовило выскочить из груди. Это был ее герой, это была ее тайна. И пока ее подруги высматривали своих мужей, возвращающихся из походов и опасных вылазок, она ждала любого человека, входящего в ворота, ибо любой из них мог быть вестником и принести письмо от брата.

Набравшись смелости, девушка попросила у своего отца разрешения написать письмо брату. Отец в ответ только улыбнулся и дал согласие. И впервые сам предложил прочесть последнее письмо от Умара. Ему было интересно выслушать мнение дочери, и оно почти полностью совпадало с его собственным мнением. Он возблагодарил небеса за детей своих, и, поцеловав дочь, уединился для совершения намаза.

Фарида в своей комнате тоже молилась. После молитвы, прикрыв глаза, прислушалась к своим ощущениям. Ее сердце было переполнено радостью и одновременно тревогой. Беспричинное чувство счастья охватывало ее, стоило ей подумать о брате, о Кериме, видя добрый взгляд отца, или матери. А тревога наполняла душу от непонятного ощущения угрозы, буквально висевшей в воздухе. Все было прежним, но изменились мысли и глаза людей, менялся мир, невидимые глазу изменения влияли на все, только песок вокруг оставался прежним, и все так же всходило солнце на востоке.

Старательно выводя буквы, она была безмерно счастлива, что отец позволил ей написать письмо брату. Так много хотелось написать в письме, но еще больше спросить. Написав приветствие, Фарида некоторое время сидела перед чистым листом бумаги, пытаясь сконцентрировать свои мысли. Всматриваясь в белое пространство чистого листа, ее воображение рисовало образы. Она представляла, как брат берет в руки ее письмо и читает его с улыбкой. Потом рассказывает о письме своему другу и соратнику Кериму, и они печально смотрят вдаль, огорченные длительной разлукой. Образы рисовали далекий незнакомый город. За городом море, которого она никогда не видела, которое с виду похоже на пустыню, только вместо барханов и песка была вода, и она сверкала на солнечном свете как самоцветы. За морем чужие просторы чужой страны. Воображение, охватившее весь мир и дали, что далеко за горизонтом, уводило от словесных образов, почти незримо растворяясь во Вселенной. Лишало зрительные образы реальности, наполняя мир удивительным ощущением колоссальности человеческой жизни. Фарида усилием воли заставила сосредоточиться, закрыла глаза, и вновь открыв, старательно вывела: «Брат мой...»

Слова, рождаясь в сердце, оседали на бумаге, рассказывая о тоске сердечной в разлуке с братом. Как тяжело им всем без старшего сына и брата. Она писала, как сильно уповает на Всевышнего и молит Его о защите брата и друзей брата. Ей удалось даже написать несколько своих мыслей о политике и о том, что она думает по поводу последних событий, описанных Умаром в его письме к отцу. Рассказала о подругах, которые выходят замуж, о женихах которым отец отказал, и о своих девичьих переживаниях. Расспросила очень тонко о Кериме. И в самом конце, после пожелания здоровья, вновь попросила о Божьем благословении для них, и умоляла Умара уговорить отца не выдавать ее замуж, пока ее сердцем не завладеет любовь.

Следующим утром послание было отправлено с караваном, следовавшим в горы, и оставалось, вновь всматриваясь вдаль, ожидать вестей.

Умар получил письмо от сестры, но не торопился его открывать. Он спрятал его за пазуху, оно словно согревало его. Думая о своей младшей сестренке, он только сейчас понял, как сильно скучает по ней! И только вернувшись в свою комнату, где он жил с несколькими товарищами, сел у окна и распечатал конверт. Его друзья оживленно спорили о чем-то. Не обращая внимания, удивляясь каждой написанной строке, он жадно вчитывался в текст и не верил своим глазам — неужели так могла писать его малышка Фарида? Ясность мысли, мудрость рассуждений, удивительный слог предложений. Его сестра стала взрослой и умной девушкой. Он

гордился сейчас своей сестрой, ему так не хватало ее, ее глаз, ее озорного смеха и веселого нрава.

Сердце щемило от тоски по дому, и письмо сестры только усугубило это ощущение. Оно напомнило о доме, о добром и далеком, давно ушедшем времени. Вдохнув, Умар опустил руки с письмом и задумался.

В дверь постучали, вошел Керим со своим братом и другом. Все замолчали и поднялись со своих мест в знак приветствия и уважения. Керим в ответ прижал ладонь к сердцу и, улыбаясь, поклонился всем присутствующим. Он редко навещал своих единомышленников, все чаще и чаще власти не давали высказываться молодежи, и заставляли подчиниться диктатуре со стороны европейских стран. Возникало много недовольных людей в связи со сложившейся ситуацией, и как следствие — стычки с властями. В столь раннем возрасте Керим сумел заслужить уважение среди населения его страны. Его отец был уважаемым человеком среди политиков, хоть и не угодным для политиков европейских стран. Они с братом во всем поддерживали отца и много сил тратили на восстановление справедливости для народа родной страны. Не торопясь, Керим рассказывал о последних событиях. Умар слушал его невнимательно, всеми мыслями сейчас находясь за несколько десятков километров отсюда. И только серьезные лица друзей, и тревожный голос оратора заставили вернуться его мыслям в эту душную комнату. Потом все стали оживленно обсуждать новости, а Умар так и стоял у окна, молча и безучастно.

— Что, друг мой, ты сегодня молчалив как никогда? — спросил Керим, подойдя к нему, потом добавил: — Плохие вести? — указав на письмо в руке.

— Нет, Абд-Аль-Керим. Плохих вестей, хвала небесам, нет. Вот, получил письмо от сестренки.

— От красавицы Фариды? — поднимая бровь, спросил Керим.

Молодые мужчины искренне улыбались друг другу, было приятно поговорить о чем-то хорошем, ведь душа устает от напряжения мысли, от труда и грусти.

Ночью Умар слышал шум и голоса под окном. Он встал, быстро оделся, и выглянул в окно. Под окном он увидел Керима и еще одного человека. Они держали коней под уздцы, и заглядывали в окно. Плечо и рука незнакомца были в крови. Очевидно, что они попали в передрагу, и Умар поспешил к ним.

— Умар, друг мой, — сказал Керим, — а я как раз за тобой. Пспеши, нужно торопиться.

Не требуя повторять дважды, Умар быстро собрался и тихо, чтобы никого не разбудить, покинул комнату через окно и присоединился к ночным гостям.

— Умар, мне нужно покинуть Мелилью на некоторое время. Я подумал о тебе. Ты не прочь навестить родной тимгрэмт? Мы могли бы вместе, я присоединюсь к тебе. А потом мы можем успеть на муссем в Маракеш. (*«Муссем» — традиционные религиозные церемонии местного значения, проходящие в определенные дни и посвященные определенным событиям. В «муссем» обычно проводятся многочисленные паломничества и фольклорные мероприятия — джигитовки, ярмарки, танцевальные представления и племенные обряды.*) Давно я не приклонял колен у марабута святого потомка Пророка.

— Не спрашивай меня о согласии. С тобой пойду не думая, это честь для меня.

— Твоя сестренка Фарида скучает по тебе, не нужно заставлять красавицу грустить. И мне не терпится увидеть ее озорной взгляд и счастливые глаза при виде любимого брата.

В глазах Керима появились искорки. Видимо, не только для Умара встреча с Фаридой была желанной. В ответ Умар лишь промолчал, зная, что его сестра неимоверно будет счастлива, увидеть не столько его, сколько Керима. Небольшое чувство ревности задело его сердце. Он молча вскочил на коня. Керим тем временем обратился к раненому человеку:

— Саид, скажи всем, что я еще днем уехал на мусем в Маракеш. Пусть все подтвердят это, если что. Умара никто не видел сегодня на площади, он вне подозрения. А ты скажи к Али, он хороший лекарь и залечит твои раны. К моему возвращению хочу видеть тебя как новеньким.

— Иншаллах! — ответил тот, и поклонился, прижав больную руку к сердцу.

Молодые мужчины торопясь покинули город и направились в ночь к заветной цели. Убегая от тени событий, что сумрачно гнала их прочь из города, места их надежд и больших свершений. Революционное настроение все чаще захлестывало группы молодежи. Все чаще происходили стычки с властями. И все чаще необходимо было приспосабливаться к стремительно меняющимся условиям жизни, изменяя свое сознание.

Долгое время путники следовали молча, сосредоточенно оглядываясь назад. Когда зарделся рассвет, Керим немного успокоился. Теперь он задумчиво смотрел вперед. И только Всевышнему были известны его беспокойные мысли.

Керим гордо и уверенно держался в седле. Казалось, он был единым целым с конем. Прекрасный наездник. Конь слушался его безукоризненно. Умар украдкой наблюдал за своим спутником, стараясь понять этого человека. Тот, в свою очередь, не торопился открываться. Так в полной тишине, слушая лишь ветер и сопение лошадей, мужчины преодолели немалое расстояние. Лошади заметно устали, попустив поводья, они дали своим коням немного отдохнуть. Лошади брели тяжелым шагом. Горная гряда осталась позади, равнина Таза почти пройдена, они приближались к границе кабилских племен. Путники устали, до оазиса еще далеко, чтобы немного отвлечься, Керим начал рассказывать:

— Я родился в горах, — задумчивым голосом, словно видя перед собой свою родину, сказал Керим, — но меня всегда притягивали пески пустынь. Мы с отцом любили охотиться в окрестностях города, иногда достигали границ гор, и еще реже бывали с ним на охоте в пустыне. Когда мы с братом повзрослели, я очень любил с ним уходить далеко. Мы заходили в пустыню с соколами, и наслаждались охотой и молчаливым присутствием мудрости Мира возле нас. Я многому научился у пустыни.

Умар внимательно слушал и наблюдал. Манера говорить, жесты и эмоции располагали, Керим был великолепным рассказчиком. Недаром молодые люди избрали его своим лидером. В нем было что-то необъяснимо притягательное. Он казался сильным и мужественным человеком, воином и предводителем, который не боится трудностей в жизни и уверен в своих

жизненных принципах. Умар был рад, что сейчас рядом с ним этот человек.

— Теперь я могу точно сказать, — продолжал Керим, — где бы ты ни был, невозможно уйти от себя самого. Ты всюду являешься самым собой, и невозможно избежать встречи с собой. Поэтому всюду важно понимать кто ты, и зачем ты здесь. Наивно полагать, что в ином месте ты все начнешь сначала и по-другому, всегда на новом месте будет твой старый опыт, и ты. Мой отец говорил, что можно все легко изменить — позволив изменить себе, или изменить себя. В первом случае пассивное повиновение, во втором — активное продвижение вперед. Важно только правильно выбрать ориентиры. Мы всегда обречены на выбор. Все народы и племена живут по своим законам, но жизнь предлагает постоянный выбор — изменить себе или изменять себя. Иногда ни то, ни иное не бывает абсолютным благом, тогда нужно искать гармоничное соотношение этих двух условий, а это нелегко.

По мере продвижения путников менялся пейзаж, недалеко от оазиса они встретили пастухов. Их козы, безропотно взобравшиеся на кроны аргановых деревьев, мирно пережевывали редкую зелень, ничуть не отвлекаясь на путников.

— Удивительным образом природа приспособилась к выживанию. Смотри, чудные животные, думаешь, они рождены для лазания по деревьям? Нет, но они изменили себя, чтобы выжить, — заметил Керим, улыбаясь пастухам.

— Да, в детстве я любил наблюдать, как они это делают. Нас заставляли собирать орехи. И эти рогатые бестии были проворнее нас.

В оазисе, у водопоя, лошади жадно пили воду, Керим общался со старейшиной, а Умар наблюдал за полетом сокола над головами. Крылья птицы рассекали голубое небо, красиво и грациозно сокол спикировал в заросли, очевидно, его зоркий взгляд узрел добычу. Красивая птица некоторое время не возвращалась в небо, потом взлетела с добычей в когтях и полетела к шатрам у края поселения. Внимание молодого человека привлекли несколько девушек, пришедших к колодцу по воду. Они украдкой старались рассмотреть его, хихикали между собой, и явно не торопились наполнить кувшины.

— Не будем задерживаться здесь, — улыбаясь, сказал Керим.

Умар прищурился, глядя на товарища, стоящего против солнца. За его спиной звонко смеялись девушки.

— Если не торопясь выйдем сейчас, то к ночи будем на месте стоянки.

Напоив и накормив лошадей, они снова двинулись в путь. К месту стоянки они добирались уже под сияние Луны. Их встретили караульные. В нескольких палатках еще горели лампы. У них отобрали оружие и провели к свободным местам для ночлега, а лошадей отвели к табунщикам.

Тяжелый был день, тела устали, и было приятно забыться на твердом ложе в пестрой палатке у самого края поселения. Через открытый полог шатра Умар наблюдал, как лунный свет рисовал на барханах причудливые узоры, старый сторожевой пес устало почесывал лапой за ухом, потрескивал огонь в костре охранников, и чудные, почти живые, искорки взмывали к небу, тихо угасали. Сон завладел уставшим телом, и теперь ангелы охраняли его.

Ему снилась мама, ее ласковый голос повествовал удивительную сказочную историю. Историю о людях и чудесах, о том времени, когда на земле жила магия и удивительный мир сказок.

Едва взошло солнце, Керим тронул за плечо спящего Умара и легонько потормошил.

— Вставай, брат, пора в путь.

Не нужно было повторять дважды, Умар поспешно собрался и, помолвившись, они тронулись в дорогу. У развилки дорог они встретили караван, но свернули с прямого пути, ведущего в Фес, и направились в сторону пустынь. Уже совсем скоро они должны будут выйти на путь к родному тигремту.

— Жаль, мы не дождались встречи с караваном, — сожалел Керим. — Не плохо бы узнать новости. Может, они держат путь из Маракеша?

— Интересно, кто приглашен на муссем в этом году? — поддержал друга Умар.

— Повидаем твоих, и отправимся в Маракеш! Там и узнаем, брат, все новости.

Керим подхлестнул коня и перешел в галоп. Из-под копыт красавца коня полетел песок:

— Давно я не посещал марабута в Маракеше и не просил благословения, — на ходу добавил Керим. — В таких местах всегда получаешь ответы, на вопросы, на которые никто не в состоянии ответить кроме тебя самого.

— Наш отец учил нас мудрости, — догоняя товарища, сказал Умар. — Но он всегда говорил, что мудрый старец всегда может научиться важному у ребенка. Поэтому прислушивайся к себе и к своему сердцу, ибо в нас до старости жив ребенок. Особенно прозрение наступает в святых местах, в местах, которых касался Пророк.

— Мудрость всегда с нами и вокруг нас. Невозможно постичь ее бездействуя, лишь созерцая. Необходимо прибывать в действии и в то же время с замиранием сердца и мысли следить за миром, в котором ты рожден для постижения смысла жизни. И поверь мне, — ответил Керим, — смысл жизни — в самой жизни!

— Тогда зачем все это? Зачем ты сопротивляешься изменению мира, борешься?

— А затем, мой верный друг, чтобы тому, кто внушил себе, будто смысл его жизни — вмешиваться в чужую жизнь, дать понять, как сильно он ошибается. Никто не может определить, что есть благо для другого, коль сам себя, во благо, оправдывает в своем эгоизме и экстремизме!

Молодые воины помчались по пустыне. Два всадника красиво и грациозно домчались до края дюны, и осадили лошадей, пожалев гнать их по сыпучему песку.

Вечером того же дня стены и верхушка главного шатра родного тигремта показались вдали. Уставшие лошади учуяли поселение, сами прибавили шаг, фыркали и шевелили ушами. Животные устали. И люди едва держались в седлах, но было приятно думать, что совсем скоро они смогут отдохнуть в уютных домах в кругу родных людей.

Фарида зажгла светильник. Сквозь тонкую красную кожу светильника проявился искусно выкованный каркас, и рисунок хной на коже абажура словно ожил. Витиеватые узоры и завитушки, цветы и символы, которые

когда-то она нарисовала, погруженная в мир своих грез. И, вопреки правилам, ее рукой были нарисованы символы двух фигур, мужчины и женщины, бредущих по пустыне под звездным небом и полумесяцем луны. Светильник накинуд удивительные тени на стены комнаты. Огонек свечи дрожал и танцевал. В окно заглядывала луна. Девушка закуталась в покрывало и подошла к окну. В загоне блеяли козы, в стойле фырчали кони, мир тихо погружался в дремоту. А у главных ворот было непривычное оживление, показались два всадника, и караульные поспешили их встретить. Не нужно было яркого солнца, чтобы узнать и увидеть лицо брата, и под тусклым светом луны сестра сразу же узнала родного человека. Кто-то зажег еще факелы, и Фарида узнала второго всадника и почувствовала слабость в ногах. В груди все онемело, и сердце гулко колотилось в грудной клетке. Неожиданное появление человека ее грез было словно гром среди ясного неба. После минутного замешательства девушка приняла единственно правильное решение — бежать навстречу брату!

Умар при виде сестры не сдержался, чтобы не обнять ее. Она бросилась в его объятия, но он все же успел заметить, какой она стала красавицей. Он прижимал ее к своей груди и смущался. Все же долгая разлука увеличивает отчужденность между людьми. На глазах девушки были слезы радости. Керим, не скрывая зависть, смотрел на друга обнимающего свою сестру, и жалел, что не он на его месте. Фарида, умерив пыл радости встречи с братом, взяла его за руку, и смело посмотрела в глаза гостю и поприветствовала его. Керим ответил лишь кивком головы, явно потерявший дар речи под пристальным взглядом прекрасных глаз берберки. Эти взгляды не остались незамеченными отцом, наблюдавшим сцену встречи своих детей.

Радости отца не было предела. Он даже позволил дочери присутствовать на приеме distinguished гостя. В доме еще долго горели свечи, и большая семья, собравшись у самовара, пили чай и говорили, говорили, говорили. Но красноречивее всего молвили две пары глаз, обретавших друг друга, и обреченных друг на друга. И весь мир, вместились на ладони, становился удивительным сокровищем, которое, согрев своим теплом, можно было даровать любимому. Истинный мир, мир души, познающей любовь, озяря пространство, словно солнце на восходе, и ничто не могло утаить этот свет. Над ними даже воздух обретал осязаемость, и поверх крыши дома, в котором рождалась любовь, пели ангелы, под россыпями алмазных звезд рождались искры, магические искры, что в свете мудрой луны складывали удивительный узор судьбы этой любви. И по воле Творца действие это обрело благословение.

Едва восход солнца обогрел горизонт, Фарида тихо пробралась к Муссе, он еще спал, и потормошила его за плечо. Младший брат сонными глазами удивленно смотрел на нее. Сестра прикрыла ладошкой ему рот, чтобы он не смог никого разбудить, и прошептала:

— Я возьму твой тегельмуст и накидку. Не спрашивай зачем, и не пытайся меня удержать.

— Сестра, ты что! Отец не простит тебя! Он мудрый, иди к нему.

Конечно, Мусса сразу понял, что удумала сестра. На рассвете Умар и Керим уходят в Маракеш, и сестренка не сможет еще так долго ждать. И решилась на дерзкий шаг — уйти с ними.

Фарида быстро собрала нужные ей вещи, но Мусса преградил ей дорогу:

— Нет, я не пущу тебя! — он был непреклонен.

— Умоляю, братец!

— Пойдем к отцу, — настаивал брат.

Он ласково взял за руку готовую разрыдаться сестру и повел ее к отцу.

Глава семейства молился. Только что, проводив сына в дальний путь, он молился о его благополучии. Молитва была прервана, отец нахмурился, но увидев в руках Фарида покрывало и накидку Муссы и обеспокоенный взгляд младшего своего сына, понял, что причина уважительная.

— Отец,пусти ее с Умаром в Маракеш, — попросил за сестру брат. — Умар сможет позаботиться о ней, ты не удержишь ее.

Отец молчал. Фарида со страху, казалось, даже не дышала. Слово отца для нее было законом, да разве поймет он терзания ее души, желание разделить мир с человеком который каждую минуту сейчас удалялся от нее.

— Удивительно! — начал отец. — Сегодня прилетел мой сокол, и просил отпустить его, потом я отпустил сына, теперь и дочь моя просит отпустить ее.

Дети молчали, Мусса взволнованно держал сестру за руку, словно боялся, что она вырвется и убежит, а Фарида с умоляющим взглядом покорно ждала ответа.

— Я знаю, что мой сокол вернется, и сын мой нашел свой путь, и ты вернешься, дочь моя. Удержать тебя я не сумею. Но ты не того человека избрала для себя. Я могу доверить тебе даже честь свою. Но прошу, подумай над своей судьбой. Керим сильный воин, он достойный муж, но... у него иное предназначение. Его путь не будет проходить рядом с твоим.

— Отец! Прости меня. Я не вижу иного пути. Мне нужно всего несколько дней, и тогда я смогу сделать так, что в результате всех скитаний он вернется ко мне, а я смогу ждать его вечность.

— Я не желаю тебе такой судьбы!

— Отец! — взмолилась Фарида.

Вошла мать. Она слышала, о чем говорили, и не смогла стоять и просто слушать в стороне:

— Что скажут люди? Как мы тогда найдем тебе мужа?

— Люди всегда осуждают то, чего сами боятся! — вдруг сказал отец. — Людям все равно, если рушится чей-то мир.

Теперь все стояли молча. Все зависело от слов отца. У Фарида в глазах, словно драгоценные камни, сверкали слезы.

— Мусса, скажи, пусть оседлают моего коня, и сам собирайся, пока мы еще сможем догнать их, — решил отец, — а ты, дочка, обещай мне, что недостойным поведением не осквернишь моего доверия.

— Обещаю! — поспешила сказать она. — Я не посмею очернить честь семьи, и если судьба будет не милостива, приму все как должно.

— Хорошо. Ты ведь не была еще нигде за пределами наших земель. Вот, посмотришь, как поживают в большом городе, и вернешься, чтобы принять свою судьбу.

Дочь с благодарностью целовала руки отца.

Мать, пока седлали коней, нанесла на лицо дочери традиционные знаки и узоры, покрывала ее голову покрывалом, потом накидкой. Теперь Фарида

была похожа на молодого бедуина. Надела на нее свой амулет. И молилась за нее.

Всадники выехали из ворот поселения и направились по следам, недавно оставленным двумя всадниками. Солнце вышло из-за дюн, начинался новый день. Вслед седокам звучала молитва, мать читала святую книгу, по ее лицу катились крупные слезы, а в окно влетел сокол и сел на жердь. Он вернулся, это хорошая примета, значит, все будет по воле Творца!

Муса, отец, Фарида и еще двое сопровождающих их воинов нагнали двоих всадников, когда солнце уже прошло четверть небосклона. Первыми их заметил Мусса, и с возгласом подзадорил своего коня. Фарида засмеялась, глядя на своего брата, и только лишь взглядом попросила отца разрешить ей догнать самоуверенного братца. Отец, улыбаясь, дал согласие и наблюдал, как смело и грациозно его дочь, поставив коня на дыбы, подгоняя его, устремилась вслед младшему брату. Ее конь был сильнее и опытнее, девушка с легкостью опередила брата, но не остановилась, впереди ее ждали два наездника, которым было интересно, кто мог с такой легкостью и грациозностью управляя конем, спешить к ним. Умар узнал свою сестру по осанке и возгласам, которыми она подзадоривала великолепного скакуна. Его мысли путались, он не понимал, почему его сестра сейчас здесь, и за ней следовали еще люди. С расстояния нескольких метров Фарида наконец-то узнал и Керим, он с восхищением, удивлением и любопытством рассматривал красавицу. Она с проворной легкостью объехала удивленных всадников полукругом и остановила коня. Конь фыркал и бил копытом, пытался встать на дыбы, но Фарида поглаживала его по загривку, успокаивала, и животное подчинилось требованию опытной наездницы, спокойно стало. Фарида молчала, она смотрела то на Керима, то на брата, ее улыбка и возбужденный от погони вид придавали ей невероятную красоту. Конечно, Умар догадался, почему сейчас сестра перед ним, и почему она, смущаясь, не отводит глаз от его товарища.

— Фарида, ты прекраснее принцессы! — крикнул брат. — Я не знаю, что заставило тебя следовать за нами, но я счастлив увидеть тебя, моя дорогая сестренка.

Керим молчал, в его мыслях, возможно, проносились все молитвы благодарности Аллаху за эту прекрасную встречу. Он видел девушку на коне и не мог отвести от нее взгляда.

Когда отец и все остальные подросли, мужчины поздоровались и спешились. Отец передал вожжи Муссе, попросил его остаться в стороне вместе с сопровождающими их воинами и подошел к Умару и его товарищу.

Фарида осталась наблюдать за всем, не сойдя с коня, и направились к Муссе, чтобы похвастаться тем, как легко она его обошла.

Отец обратился сначала к сыну:

— Умар, я хочу доверить тебе твою сестру, пусть по воле Всевышнего она последует с тобой и с твоим товарищем к великому марабуту Маракеша. Ее первое в жизни паломничество, я вручаю ее вам — он теперь уже обращался к обоим молодым мужчинам, — я знаю, что вы с честью и отвагой защитите ее в пути и будете оберегать от всех неприятностей. Будьте достойны моего доверия и выполните мою просьбу, вернитесь все вместе в тигремт. Да будет на то воля Аллаха!

— Иншаллах! Отец, будь спокоен, я обещаю, что Фарида вернется целой и невредимой.

— Большая честь для меня сопровождать вашу дочь в Маракеш. Даю вам клятву защищать и оберегать ее до последней капли крови, и никоим образом не осквернить вашего доверия.

Отец долго и пристально смотрел в глаза Кериму, он не мог найти правильных слов, лишь добавил:

— Береги ее.

Керим, прижимая руку к сердцу, с уважительным поклоном дал понять, что все понял.

Отец подождал Фариду, она без помощи Муссы спрыгнула с коня и подошла к мужчинам. Отец взял ее руку и передал ее Умару. В этот момент не нужны были слова и разъяснения. Керим понимал всю сложность ситуации, ибо в этом племени женщины выбирали себе мужей, а не наоборот. Ему было понятно, что Фарида выбрала его. В его душе радость чередовалась с замешательством, он даже не надеялся на такой щедрый дар, и в то же время понимал, что в нынешней ситуации ему очень сложно будет оставить свое сердце с этой прекрасной девушкой находиться в ином месте. Хотя теперь все принимало смысл, ради этой девушки, которая рискнула своей честью, чтобы заявить о своих чувствах, он готов на все на свете, готов свергнуть горы и осушить океаны. Только любя жизнь наполняется смыслом, только в любви смысл наполняет каждое действие, только любовью определяется смысл смерти.

Две группы людей разделились и направились в противоположных направлениях, четверо из них направлялись домой, а трое следовали своим путем, навстречу неизвестному будущему, которое готовило для них много испытаний, побед и поражений.

Потом, когда время не сбавляя хода, пронесется мимо, Фарида часто будет вспоминать, несколько дней своей жизни, которые не смогут утратиться в воспоминаниях. Они будут самыми незабываемыми и дорогими в ее памяти. Наверное, целые века не в силах будут заставить ее забыть. Минуты счастья рядом с человеком, присутствие которого делало ее невероятно счастливой, казалось, никогда не закончатся. Время словно остановилось, словно весь мир исчез, были только они... во всей вселенной. Потом, много лет спустя, станет понятно, что это был скупой подарок судьбы... потому как все величие любви можно измерить в одной секунде, в одном взгляде, в одном прикосновении... и потом быть не в силах забыть это. Бесценный дар, достойный всей жизни, несколько настоящих мгновений любви, которые творят чудеса и создают звезды.

Немного задержавшись, путники в самую жару поднялись наверх песчаной дюны. Зной и изнуряющий жаркий ветер не давали расслабиться ни на минуту. Фарида смотрела на своих провожатых и видела только лишь одни глаза. Синий тегель-муст Умара прикрывал его лицо почти полностью, он ехал чуть впереди, чтобы позволить сестре и Кериму вместе следовать за ним. Букар Керима тоже не позволял видеть лицо, только глаза. Лицо красавицы Фарида было укутано покрывалом, иначе было не-

возможно, как и у мужчин, у нее были видны только глаза. Но двум влюбленным этого казалось больше чем достаточно. Когда говорят глаза, слова не нужны и сердца наполняются любовью. Глядя на своих попутчиков, Умар почти физически ощущал удивительную энергию, исходящую от них. Пространство около них преображалось и словно светилось, это было похоже на удивительный танец, зной размывал очертания двух всадников, которые сливались в единое пятно, и вокруг светилось марево, как будто мираж, который вот-вот растает. О чем бы сейчас не разговаривали влюбленные, думал Умар, их слышит весь мир, их слышит великий Аллах, ибо все вершится по воле Его, и в такие минуты искренние слова обретают бессмертие. И слова их признаний запишет время, запомнит пустыня, и под звездным небом свободные ветра расскажут эту историю тем, кто сможет слышать голос Мира, голос Любви, голос веков.

К вечеру миновав огромное пространство высоких дюн, изнеможенные и усталые путники сделали первую остановку. Пока садилось солнце, они успели развести костер и приготовить еду. Все сильно проголодались, это был первый прием пищи за весь день. Ели молча, наблюдая, как вокруг сгущается темнота и над головами, совсем близко-близко, распахивается небо огромными скоплениями звезд и туманностей. Фарида и Керим беспрестанно обменивались многозначительными взглядами, улыбались. Их глаза светились как звезды, Умар залюбовался ими.

— Ладно, дорогие мои, я буду спать, — сообщил Умар, и повернулся к ним спиной. Прикрылся краем своего бернуза (*бернуз — длинная шерстяная одежда*) и потом добавил, — Керим, разбуди меня, как только поймешь, что сил нет больше смотреть на мою сестру, и я покараулю ваши сладкие сны. Доверяю тебе, брат — оглядываясь, подытожил Умар.

— Тогда, брат, ты будешь спать до самого восхода, мне никогда не надоест смотреть на вселенную в лице твоей сестры.

— Не забывайте, завтра долгий путь, нужно выспаться.

Фарида смущенно улыбалась после слов Керима, чтобы как-то разрядить обстановку, она встала и стала наливать чай. Не предлагая чай пытающемуся уснуть Умару, она подала стакан Кериму, их руки соприкоснулись. Она даже не чувствовала как обжигает чай ее руки, прикосновение было таким легким, но таким значительным, что по телу прошла дрожь. Что-то подобное, — она была уверена в этом, — испытывал и Керим. Девушка присела на покрывало на расстоянии вытянутой руки возле Керима. Костер слабо потрескивал, искры, угасая, меркли в темноте, пламя гасло, угли начинали чернеть... «Неужели и наша любовь когда-нибудь так же померкнет?» — думала девушка. Она обняла стакан чая ладонями и растерянно уставилась на потухающий костер. Сняла обувь и тихонько погрузила ступни в песок. Под верхним остывшим слоем песка еще чувствовалось тепло. Ночь приносила прохладу, и песок так же быстро остывал, как и успевал раскалиться днем. Но стоило погрузиться чуть-чуть вглубь — чувствовалось тепло, а днем — прохлада.

Над головой шатром раскинулось бескрайнее темное небо, и словно сквозь маленькие дырочки миллионы звезд подсматривали за влюбленными. Много позже память об этом дне будет давать силу и отвагу влюбленным сердцам, и ради этого дня, и во имя него, преодолевая трудно-

сти и перипетии жизни, эти два человека найдут свою дорогу, каждый по своему, каждый для себя.

Бывает так, что в жизнь дарует один единственный значимый день. А потом, днём этим, жизнь наполняется смыслом, и появляется суть и предназначение, стимул и мотивация, возникают желания и стремления. Вот таким был и этот, казалось, ничем неприметный, день. Но для Фарида и Керима это было подобно соприкосновению миров, которые соединились в великую вселенную, и только теперь их миры стали полными, обретая друг друга.

Умар долго не мог уснуть, прислушивался к звукам ночной пустыни, слушал голос друга, рассказывающий красивые легенды его сестре, красивый смех своей счастливой сестры, и в мире не было такой силы, что могла нарушить эту идиллию, по крайней мере, так ему казалось. Только лишь казалось...

Когда прохлада ночи обняла путников крепкими объятиями, Керим расстелил своё шерстяное покрывало и предложил Фариде укутаться в него. Девушка послушно укуталась, Керим подсел к ней ближе, и нежно, едва дотрагиваясь, обнял девушку за плечи, чтобы заслонить собой от холода ночи. Фарида боялась шелохнуться, впрочем, как и Керим, казалось, она слышит биение его сердца. А любимый человек был так близко, совсем рядом, и счастьем не было предела. Сильное плечо прекрасного воина, и она рядом, в объятиях его рук, о чем еще может мечтать девушка?!

Фарида уснула крепким сном, сказывалась усталость. Керим слушал ровное дыхание спутницы, видел макушку ее головы, вдыхал аромат ее волос, сожалел, что не может сейчас полностью видеть ее лицо. Он украдкой смотрел, как вздымается в такт дыханию девичья грудь. Разглядывал кисть руки девушки, которая лежала у нее на бедре. Даже прикрытые покрывалом девичьи изгибы тела невозможно было утаить.

Почти на рассвете проснулся Умар, Керим все еще не спал. Друзья, не говоря ни слова, обменявшись только взглядами, поприветствовали друг друга. И Умар дал знак приятелю, что он может спать, пока солнце еще не взошло. И уже через пару минут сон овладел Керимом, и ангелы спустились, чтобы охранять чуткий сон влюбленного воина.

Как и все в этой жизни заканчивается, так и эта волшебная ночь, закончившись, уступила место новому дню. Трое всадников направились к уже видневшимся вдалеке снежным вершинам Атласских гор. Местность удивительно быстро менялась, огромные барханы уступили место каменистой почве подножия гор, появлялась растительность. Фарида с удивлением смотрела вокруг, ведь никогда раньше она не видела ничего подобного, и не бывала вдали от своего дома. Они прошли мимо нескольких маленьких поселений с глиняными домами, окруженными финиковыми рощами. Прошли вдоль мелкой, почти иссохшей речушки, которая выбивалась с гор и словно таяла в песках. И к середине дня попали в предгорные районы. Камни врезались в песок, образовывали стены и террасы, дорога вела по ним вверх, немного петляя и запутываясь. Лошади устали, всадники спешили, и некоторое время шли пешком. Керим держал Фарида за руку, помогая ей идти. Его сильные руки и теплые ладони крепко сжимали ей пальцы, она при каждом прикосновении смущалась и краснела, но старалась не пока-

зывать своей усталости. Она готова была идти так, рука в руке, хоть за край света.

Внезапно перед ними за скалистым уступом открылась картина неимоверной красоты. Это был водопад. Со скалы вниз срывался поток воды, шумел и сверкал, отражая свет миллионами бликов. Ударяясь в камни, поток плавно растекался в небольшое озерцо, обрамленное растительностью и кустарником, которые прятались от палящего солнца под листвой столетних финиковых пальм. Это было сказочно!

Прямо возле воды, наклонившись, росло покореженное апельсиновое дерево. За ним лежал большой камень, одним боком утопающий в воде. Над водопадом раскинулась радуга, и сияла всеми цветами. Видеть это — такая редкость для жителей знойной пустыни. Фарида застыла как завороченная, не в силах оторвать взгляда от этого великолепия. Ничего подобного в своей жизни ей не приходилось видеть. Девушка умиленно смотрела во все глаза на это чудо и не могла поверить, что такое количество драгоценной воды просто так выливалось на благодатную землю.

Чуть не плача, она едва вымолвила:

— Аллах всемилостивый, как красиво! Великому угодно было забрать всю воду из пустыни и пролить ее в одном месте...

Немного опомнившись, она бросилась к краю воды, чтобы поскорее окунуть в прохладную воду уставшие ноги. Присев на край камня, она сначала трогала воду руками, а потом осторожно опустила в воду ноги. Не удержавшись от желания обрызгать водой своих спутников, Фарида зачерпнула ладонями как можно больше воды и стала плескать ею на стоящих по близости мужчин. Они улыбались ее ребячеству и, привязав лошадей, с удовольствием присоединились к игре. Фарида смеялась, игриво плескалась, брызгала водой — она была счастлива. Еще ни разу в жизни Фарида не приходилось окунаться всем телом в воду. И Умар предложил ей совершить это безумство. Войти в холодную воду — от одной мысли кружилась голова, но сдержаться от этого поступка уже было невозможно. Она сняла верхнюю одежду и вошла в воду в нижнем белье. Вода смывала усталость и творила чудеса. Холодная горная вода водопада, еще не успевшая нагреться, неожиданно быстро остудила тело до легкой дрожи. Мокрая ткань одежды приятно прилипала к телу, необычные, неведомые ощущения, Фарида наслаждалась этим.

Пока она в тихой заводи купалась, Умар и Керим стояли на берегу к ней спиной, чтобы не смотреть и не смущать её. Улыбаясь, боясь проронить слово, чтобы не нарушить удивительный момент и радость, каждый думал об этой озорной девчонке. Один по братски, второй — как влюбленный мужчина. Его восхищал ее озорной нрав, а блистательная красота глаз сводили его с ума. Так хотелось оглянуться, полюбоваться, быть в этот момент рядом, прикоснуться к ней. Но — это было немыслимо! Он безмерно уважал эту девушку и ее брата, и он дал слово ее отцу.

Вода была настолько холодной, что Фарида довольно скоро стояла за старым апельсиновым деревом и дрожала от холода. Ей пришлось полностью снять с себя одежду, чтобы выкрутить ее от лишней влаги. Капли воды на ее теле сверкали словно россыпь бриллиантов. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую крону дерева, быстро согревали кожу. Фарида, подобно

Фее джиннов, красивая и полностью обнаженная придавала всему этому месту нереальности. Одевшись, она позволила своим спутникам последовать своему примеру и искупаться. Фарида держала поводья своего коня и украдкой из-за него наблюдала за мужчинами. Ей было стыдно, что она подсматривает за ними, но не могла удержаться. Раздетые до пояса, мужчины, ударяя по воде руками, обрызгивали друг друга водой и смеялись. Молодые сильные тела мужчин были прекрасны. Фарида покраснела до корней волос... и отвернулась.

Оставаться у водопада надолго было неудержимым желанием, но необходимо было следовать дальше. Сюрпризы путешествия на этом не оканчивались.

Дорога приносила много сюрпризов, Фарида искренне удивлялась и радовалась всему, как дитя. Умар и Керим рассказывали ей всякие истории и небылицы, показывали чудеса окрестных мест.

По дороге к Маракешу они провели ночь в горном селении. Люди этого племени были мельниками и с незапамятных времен на своей мельнице, которая находилась в скале, перемалывали всей окрестности пшеницу в муку. Маленькие и сильные лошадки крутили жернова почти в полумраке, от этого эти маленькие труженики были полуслепыми, и Фариде было жаль этих маленьких созданий. Но такова была их участь, ибо иной жизни, по воле хозяев, им не дано было узнать. Неужели каждый рождается, чтобы исполнить только свое предназначение, и не в силах что либо изменить?

Ближе к Маракешу встречалось все больше людей, которые ехали и шли в город на праздник. Дорога вела мимо покинутого города. Странное и удивительное место. Фарида чувствовала непонятную тревогу и волнение, глядя на красные стены давно покинутых домов. Никто не знает, когда и почему люди ушли из этого города, оставив свои жилища ветрам и животным. Зияющей пустотой окон эти дома наводили печаль. «Место обитание ифритов, не иначе», — думала Фарида, и ближе прижималась к своим попутчикам, словно ища защиту. Люди обходили это место стороной и проходили мимо особенно молчаливыми.

На пути встречались повозки, загруженные разными товарами и поклажей. Торговцы и ремесленники со всех округ съезжались к Маракешу. Люди выглядели уставшими и изнеможенными, но во взгляде всех этих людей читалась радость, они радовались, что почти достигли цели своего пути. Многие из них имели большие надежды на этот муссем, потому как от того, как им повезет, здесь зависела жизнь их семьи. Умар поздоровался с пожилым арабом, и Фарида его узнала, этот человек бывал в их тигремте, из года в год он приходил к ним, чтобы продать шафран. Его семья выращивала и собирала эту драгоценную специю, и ему приходилось следовать с караванами, а иногда и одному, чтобы выгодно продать свой уникальный товар. И этот муссем был неплохим поводом распродать товар и вернуться домой с подарками.

Фарида полностью закрыла лицо покрывалом, были видны только ее глаза. Как только они грустили, Керим чувствовал настроение девушки и старался ее утешить. Срывал ей финики с деревьев, иногда удавалось сорвать цветок. Он дарил цветы без слов своей прекрасной попутнице и был счастлив, и счастьем светились глаза его спутницы. Так они добрались

до шумного Маракеша и, пристроив коней в конюшнях, направились в первому марабуту, чтобы поклониться и прочесть вечернюю молитву. Но трудность заключалась в том, что им нельзя было оставлять Фариду одну, и не во все места она могла идти вслед за ними. Было решено, что Умар пойдёт молиться, а они будут ждать его на торговой площади, там, где вот-вот должны начать представление марокканские музыканты.

Керим крепко держал Фариду за руку. Они пробирались сквозь толпу, к центру площади. Слева, возвышались высокие красные стены крепости-города. Из-за стены и через широко открытые главные ворота доносились голоса муэдзинов, призывающих к вечерней молитве. Слова азана многих людей заставили бросить все дела и приступить к молитве. Толча немного уменьшилась, люди, все, кто торопился, уже были на местах, а те, кто не успевал к молитве, молились прямо на месте, некоторые же и во все не собирались приступать к намазу. В неудобных условиях оказались и Фарида с Керимом, пришлось просто продолжать следовать к центру площади.

А там уже ремесленники раскладывали плоды своих ремесел: глиняные изделия и посуду, ковры и утварь, ткани и металлические изделия, кинжалы и атрибуты воинов. Внимание девушки привлекла лавка серебряных дел мастера. Его украшения были разложены на огромном ковре прямо на земле. Удивительной красоты бусы и браслеты, серьги и подвески, броши и пуговицы. Фарида остановилась, и Керим невольно дернул ее за руку, не успев понять, что девушка не на шутку увлеклась разложенным на ковре товаром. Глядя в глаза девушки, он видел ее восторг. Ее глаза не могли оторваться от украшений, не зная, на каком остановиться, Фарида растерянно разглядывала все великолепии. Керим терпеливо ожидал, пока у нее пройдет волна восторга, и улыбался. Ну конечно, она есть и остается прежде всего озорной девчонкой, и такое изобилие украшений ввергало ее в восторг и растерянность. Каждый раз, когда женщине нужно выбрать что-то одно из множества, это приводит к огорчению, ведь так сложно определиться в чем-то одном эмоциональным и чувственным натурам. Вскоре взгляд девушки остановился на одном изделии — серебряные резные бусины чередовались с бирюзовыми камешками, красивая массивная серебряная бляшка, полностью инкрустированная камнями, и несколько ниток бус прикреплялись к ней с помощью маленьких серебряных колокольчиков. Такие же колокольчики свисали по краю бляшки, каждый из них помимо искусного узора был украшен бирюзовыми камешками, и малюсенькими подвесочками в виде звездочек, полумесяцев и хмиссами.

(Хмисса или хамса — украшение, или защитный амулет в форме ладони. Другое название «рука бога». Ее широко используют иудеи и мусульмане. Но она существовала задолго до возникновения этих религий и была связана с богиней Танит, лунной богиней финикийцев, покровительницей города Карфаген. В исламе хамсу также называют «Рукой Фатимы» по имени единственной дочери пророка Мухаммеда, которую также связывают с многими чудесами, например, с вызыванием дождя. Говорят, что однажды Фатима помещивала еду на огне, а её муж Али вошёл в дом с девушкой, на которой он только что женился (мусульманину разрешается иметь до четырёх жен). Фатима, пораженная горем, уронила ложку

и продолжила помещивать еду рукой, не обращая внимания на боль. С тех пор её рука стала символом терпения и веры. Хамса также считается символом пяти столпов ислама.)

— Сколько стоит это ожерелье? — спросил Керим у продавца.

Фарида смущенно опустила глаза, ругая себя за несдержанность. Узнав цену бусам, Керим, не торгуясь, предложил продавцу нужную сумму, и с радостью вручил ожерелье счастливой Фариде. Она, поддаваясь сиюминутному соблазну, тут же надела их, наградив Керима самой красивой улыбкой и сиянием своих глаз! Это ожерелье очень подходило новой его обладательнице. Так же держась за руки, пара отправилась, проталкиваясь через толпу, дальше. Уже послышалась музыка, но они были еще не близко к музыкантам, прибавили шаг, почти бежали. Фарида ловко попевала за сильным и проворным спутником. На шее и груди приятно ощущался вес нового ожерелья, оно было довольно массивное и при быстрой ходьбе немного мешало, девушка прижала к груди тяжелую бляшку ожерелья и старалась не сбавлять шаг, глядя в спину своего поводыря, улыбаясь, благодарила Бога за эти счастливые минуты. Звуки вокруг смешались: голоса людей, звуки дудочек заклинателей змей, зазывающие возгласы торговцев, ребячий плачь, голоса ругающихся женщин, бой барабанов, и музыка все это смешалось в непрерывный шум. Девушка была счастлива находиться здесь и сейчас в этом месте, держать за руку любимого человека и спешить за ним. «Хоть на край света, — думала Фарида, — пойду за тобой. Только позови».

В самом центре площади люди сбились плотной толпой и наблюдали за действием. Водоносы в очень ярких одеяниях пританцовывая и припевая предлагали людям воду. На них были надеты огромные широкополые шляпы, с которых свисали разноцветные кисти и бубоны. В костюмах преобладал красный цвет, и на фоне заходящего солнца и красных стен города это приобретало феерический эффект. Вокруг зажигали факелы, и огни отражались в начищенных до зеркального блеска медных чашах и стаканах которые они прикрепляли к своим костюмам. Все эти блестящие предметы позвякивали при танце, и вообще придавали неестественный вид всему одеянию. Но и музыканты знали свое дело, и заводили публику своим искусством. В конце концов, быть музыкантом — это тоже важная работа. Кто кует металл, кто творит украшения, кто сеет и жнет, а кто поет и танцует, чтобы, вот как сейчас, всем, кто долго трудился, выдалось время насладиться музыкой и всеобщим веселием. Музыканты тоже надели свои лучшие костюмы, в той же красной гамме, что и водоносы, и взяли в руки свои инструменты — уд, ребаб, канун, най, кеманч, флейта и барабан-тамбур. Звучали звуки чааби. (Чааби — популярная марокканская музыка, ранее исполнялась на рынках, а в настоящее время без нее не обходится ни один праздник или встреча.) Воздух был буквально пропитан энергией радости и веселия, люди дарили свои эмоции и радовались все вместе. Многие пели вместе с музыкантами, и даже пытались пританцовывать вместе с ними. Фарида была полностью поглощена созерцанием этого представления. А Керим то и дело смотрел на нее, а не на музыкантов, и всячески старался оградить ее от толчеи, преграждая путь зевакам которые толкались, и, не глядя под ноги, натыкались на всех и могли сбить с ног особенно зазевавшихся наблюдателей.

Через некоторое время, пробираясь сквозь толпу, к ним присоединился Умар, друзья повеселели, теперь Кериму стало легче ограждать Фарида от толпы, они с Умаром оградили ее от всех.

В центр площади, где был разведен большой костер, вышла группа людей, которые приготовились к танцу. Это были жители высоких горных селений. Женщины создали большой круг и застыли в неподвижных позах, внутрь круга вошли мужчины, которые сели возле огня. У каждого из мужчин в руках был бендир, представляющий собой древесину цилиндрической формы с натянутой на неё шкурой. Это приспособление наподобие барабана. Танец начался с пронзительного крика, после чего мужчины начали бить в барабаны, а женщины медленно раскачивались из стороны в сторону. Ритм барабанов и скорость раскачивания женщин постепенно нарастают. Танец сопровождался старинной восточной музыкой, которая исполняется посредством множества трехструнных черепашковых мандолин и скрипки. Параллельно звучал ритм, поддерживаемый железным ударным инструментом. Энергетика танца будоражила. Танцовщицы одеты в красочные кафтаны, пояса из шелка и красочные ленты, которыми обвили свои головы. Танец сам по себе незамысловатый, но чередующиеся движения в унисон звучащему ритму создавали завораживающее впечатление.

После этой группы в центр вышли воины, одетые в белые одежды. Мужчины, взявшись за руки, начали скандировать слова песни, двигаясь то вперёд, то назад, создавая впечатление единого целого. Люди вокруг перестали шуметь и умолкли.

К танцующим у костра воинам постепенно стали присоединяться все желающие. Следующим был танец Ха Ха. Фантастическое зрелище — мужчины, исполняющие этот танец! В этом танце под звук только одного музыкального инструмента — флейты с семью отверстиями, хлопаньем рук и топаньем ног зрители были погружены почти в гипнотическое состояние. А сами танцующие при этом оставались предельно собранными и точными.

Ничего более потрясающего Фарида до этого дня не приходилось видеть. Эмоции запредельно высоки. Девушка чувствовала себя невероятно счастливой в эти мгновения и мысленно воздавала небесам молитву...

Прогуляв всю ночь напролет, веселясь и беззаботно развлекаясь, они ненадолго разлучились только утром, перед мечетью. На утреннюю молитву Фарида пошла в женскую ее часть, а мужчины присоединились к основной массе мужчин. Огромное здание мечети произвело на Фарида потрясающее впечатление, внутреннее убранство мечети было настолько красивым, что Фарида долго не могла насмотреться на мозаичные проемы окон, и старалась прочесть все надписи из Корана на стенах, так искусно выложенных мозаикой великими мастерами. После, вновь воссоединившись с Керимом и Умаром, она не могла произнести и слова, настолько сильными были эмоции. Немного отдохнув в полдень, пополнив запасы воды и еды и купив подарков для тех, кто их ждал дома, друзья отправились в обратный путь.

Возвращаться всегда грустно. Но удивительная человеческая память еще долго будет согревать воспоминаниями и дарить минуты счастья снова и снова. Порой мы так далеко заходим в свою память, что уже не в пол-

ной мере понимаем, что с нами происходит в настоящий момент. Фариде не хотелось возвращаться, но как продлить эти минуты в вечности? Она знала, что ни взять с собой, ни продлить эти мгновения ей не дано, и грустила. Даже не подозревая о том, что жизнь ей уготовила еще не раз, снова и снова, возвращаться в памяти к этим мгновениям, и время таким образом перестанет существовать. И каждый раз ее будет вести один лишь ориентир — любовь.

В родном тигремте их встретили радостно, лишь некоторые осудительно качали головой и шептались за спинами тех, кто не осуждал Фариду за столь смелое путешествие. Какой-то человек уже ожидал Керима, и мужчины сразу отправились в шатер. А Фарида бросилась в объятия своей матери. Мудрая мама ни о чем не спрашивала, видя счастливые глаза дочери, не трудно было догадаться, что ее дочь влюблена и счастлива. И конечно все вопросы, что так и сыпались из уст Муссы, невозможно было оставить без ответа. Фариде пришлось сразу рассказать младшему брату о всех приключениях, о виданных чудесах, о водопаде, звездном небе, удивительном Маракеше, и ни слова о Кериме. Но мама, улыбаясь, следила за рассказом, и тайком от Муссы, переглядываясь с дочерью, без слов понимала то, что словами и не высказать. Потом они втроем рассматривали подарок, ожерелье Фарида. Умар принес подарки из Маракеша для матери и брата. И пока они радостно все рассматривали и примеряли, шепотом сказал сестре:

— Кериму нужно срочно возвращаться. Он даже не проведет здесь ночь. Пойди, проводи его, он у ворот ждет тебя с отцом.

— Неужели ему снова без отдыха нужно уходить?

— На то воля Аллаха. Не в нашей власти пререкаться с Его волей.

Фарида поспешила проститься с милым другом.

Две лошади стояли у ворот оседланными, рядом три фигуры мужчин. Отец, Керим и еще один человек стояли вместе и о чем-то разговаривали. Потом незнакомец отошел, и Фарида, притаившись в неосвещенном месте, услышала отрывки фраз:

— Берегите её для меня. Вы воспитали прекрасную дочь, бесценную жемчужину, радость для глаз и души. Как только решится наше дело победой, я вернусь за ней.

— На все воля Всевышнего, мы не можем знать, как и где встретим новый день. И если любовь твоя сильна и чиста, ты сумеешь обрести счастье с любимой. Но ты избрал путь воина. Как можешь ты надеяться на тихую и счастливую жизнь с женщиной?

Отец явно не разделял его мнения. И Фарида насторожилась, боясь, что он откажет Кериму. А она так обрадовалась, услышав просьбу любимого.

— Вы правы, уважаемый! — Керим, прижав ладонь к груди, поклонился ее отцу. — Но сердце мое не ведает иного, я не могу заставить его забыть и представить свою жизнь без любимой.

Отец, положил руку на плечо Кериму:

— Ступай, да хранит тебя Аллах. Пусть путь твой будет успешным, а сердце чистым. Любовь будет вести тебя. Я ничего не могу обещать тебе, так же как и ты не вправе давать никаких обещаний. Теперь ни в чем нельзя быть уверенным, ибо время стало неподвластно нам, и не подвластны-

ми стали наши желания. Мир меняется, под этими святыми небесами уже нет места клятвам и зарокам, и будущего может и не быть, коль мы в настоящем не умеем доказать свое право на жизнь.

Фарида сделала несколько шагов и вышла на свет из своего укрытия. Мужчины сразу заметили ее:

— Отец, позволь проститься, — обратилась она.

— Не задерживай гостя, у него еще дальняя дорога.

Отец взял за руки свою дочь и Керима, и соединил их руки. Молча, не сказав и слова, лишь посмотрев серьезно в глаза молодому воину, отошел к ожидающему в стороне попутчику Керима.

— Я приду за тобой, моя Фарида, — глядя с любовью в глазах, сказал Керим. — Ты только дождись меня, и я приду. На закате и на рассвете мои мысли будут стремиться к тебе, приближая час нашей встречи. Ты только жди.

— Я буду ждать тебя всегда, хоть целую вечность!

Влюбленные благословили друг друга и расстались, разомкнув свои руки. Когда силуэты всадников растаяли во мгле ночи, провожающие их отец и дочь молча пошли в дом. Отец не нашелся что сказать и как утешить свою дочь, а дочь не сумела выразить словами чувств, раздирающих ее душу. Вновь разлука, вновь ожидание, а казалось, только что обретен смысл жизни.

(Продолжение следует)

Елена Жалеева
(г. Ульяновск)

ЯСТРЕБЫ И ЛАСТОЧКИ

1.

Он был детдомовским. Она это поняла сразу. И хотя на вид, — а был он высокий, крепкий, да еще выправка и форма военная делали его стройнее и заметнее на танцплощадке, — сиротой он явно не казался, но какая-то резкость суждений и понятий наталкивали ее на эту мысль. Вообще-то думать о нем ей не полагалось. Аленка заканчивала институт, они с ее парнем-однокурсником собирались пожениться, чтобы не мыкаться в захолустье по распределению.

Но ведь сердцу не прикажешь. Его звали Сашей, так звучало мягче, хотя, он представился Александром. Он был другом Игоря, старшего брата Маринки, ее самой близкой подружки. Маринка с четвертого класса за ней каждое утро в школу заходила. Но по окончании школы пути их разошлись: Маринка в мединститут поступила в другом городе, а она — домашняя девочка, боявшаяся потеряться среди чужих людей, осталась здесь и поступила на художника. Честно говоря, художником она себя не считала, но преподавать уроки рисования в местной школе ей понравилось, и умения ее хватало, да и детей любила. Родители: и ее, и мать Виктора, уже готовились к свадьбе как к чему-то предрешенному. Но этот молчаливый парень запал в душу.

И не ей одной — Маринка, приехавшая на каникулы, тоже глядела на загадочного Александра с блеском в серых, но улыбчивых глазах. Он и танцевать их приглашал по очереди, хотя Виктор отпускал Аленку неохотно, чувствовал соперника каким-то мужским чутьем. Лучше бы не приезжал он в гости к другу, думала Аленка ночью, не знала бы его, и сердцу было бы спокойно. А Саша и Игорь, получив распределение, догуливали последние деньки своего отпуска. У них уже и требования оформлены на туркменскую границу.

Аленка мечтала украдкой: вот, если бы он задержался у них в городе, они бы друг друга получше узнали, то возможно и отпустила бы ее мама от себя, поверив в надежность Александра. Ну, вообще-то он и не предлагал ей ничего, это она так просто замок на песке строила. Ей очень хотелось узнать, что он про нее думает и думает ли вообще.

К двадцати двум годам Санька прошел настоящую мужскую школу. Он глядел на этих молодых девушек и парней не то чтобы свысока, но как смотрят выпускники на первоклашек.

Парень видел их волнение, но оно, казалось ему таким детским, несмотря на их возраст — они были почти ровесниками. То, что переживали они сейчас, у него осталось далеко позади, как будто с тех пор прошло не семь лет, а целая жизнь.

Ему и другу его Сереге было по четырнадцать, Верочке на год меньше, когда они влюбились в нее. Никто бы не поверил, что оба они — одного

поля ягоды, не боявшиеся чужих кулаков, робели при ней. И сирень ей из соседских палисадников рвали, и яблоки потаскивали, а больше чем за руку подержать не сподобились. Цвело что-то нежное в груди, но потом прихватило морозцем, он уехал поступать, а Серегу в армию забрали. Верочка клялась, что дождется, но через год вышла замуж. Нет, застрелиться Саньке не хотелось, к тому времени его научили жить без эмоций: жизнь стоит столько, сколько она стоит — ничего.

Его учили убивать: ни жалости, ни любви к кому бы то ни было, просто убей до того, как убьют тебя, но не доставь противнику такую радость. Из сорока кандидатов зачет сдавали двое-трое, а из них отбирался один.

Но сейчас, глядя на Аленку, он вспомнил тепло и мягкую осторожность рук своей первой любви, хотя простить первого в его жизни предательства не смог.

2.

Плестись до Туркмении на поезде было тошно. Только поезд замедлял ход, как превращался в душегубку. Вентиляция не работала, а за окном, несмотря на начало сентября, было плюс тридцать восемь. Они с Игорем выходили на перрон, и если в пределах видимости была колонка, мылись ржавой водой. Но колонки попадались редко, на гимнастерках появились белые круги от соли, хотя одевали они их не часто, все больше в майках валялись или сидели, чтобы не липнуть к стенкам перегородок. Санька молча глядел в окно, не видя суетливых местных крестьян, предлагавших дыни, арбузы и еще какие-то ягоды и фрукты. Он вспоминал ночь перед отъездом, отчего кровь прилиwała к паху.

Эта девчонка все-таки напросилась на приключения. Жених ее благополучно отправился отдыхать с матерью в Сочи, звал и Алену, но она сказала, что поедет со своими родителями в октябре. А на следующий день после его отъезда пригласила Игоря с сестрой и его к себе на дачу. Он думал, что такие дачи бывают только у писателей или космонавтов, оказывается, у местных царьков в каждой области есть отдельно построенный коммунизм, для себя любимых. Но об этом Санька узнает чуть позже. Утром к условленным семи часам ни Игорь, ни Марина не пришли. То ли друг постарался для него, то ли и впрямь мать его попросила к бабке в деревню съездить, забор поправить, да еще что-то по хозяйству сделать, тот согласился, а его, Саньку не взял, сказав:

— Иди, неудобно такой девчонке отказывать.

Так что утром он один ждал Аленку на остановке. Она расстроилась, что подружка не пришла, бегала к телефону-автомату, звонила, выпрашивала. Только Марина отказалась, сославшись на поездку к бабушке.

— Может, не поедem, — сказал тогда Санька.

— А как же шашлыки, я ведь Михалыча попросила мясо замариновать, — жалобно проговорила девушка.

Видя, что ей очень хочется оказаться с ним за пределами города, он ответил:

— Ну, раз Михалыч старался, то надо ехать, — хотя не имел представления, кто такой этот Михалыч.

Им оказался отставной военный, который подрядился охранять обкомовские особняки. Дачный поселок был обнесен высоким забором, шлаг-

баум, как на переезде, закрывал проезд и проход в него. Всех владельцев дач и их отпрысков сторож знал хорошо. Не один год он сидел в уютной будке, наблюдая за грехопадением то одного, до другого члена августейших особ и при случае мог бы рассказать много интересных подробностей, но тогда бы ему пришлось распрощаться с хорошей прибавкой к пенсии и работой, которая была лучше отдыха. Вот и сейчас он видел, как испуганно бегают глаза у Аленки, приехавшей на спецавтобусе, а парень-то нездешний. Михалыч вышел из будки, буравя Саньку взглядом, но того не то что взглядом, кулаком не смутишь, потому бывший подполковник сам протянул руку:

— Здорово, служивый. Из каких краев будешь?

Здравствуйте, — Санька, не моргнув глазом, ответил, — да местный я. Вот решили с Аленой отдохнуть от города, — пусть старый штабник порогается в своих архивах.

— Алена, позвонишь мне, когда шашлыки подавать или сами жарить будете?

— Мы сами, — ответил за нее Санька, — и возьмем их прямо сейчас. — Ему не хотелось, чтобы эта жирная рожа лишний раз светилась перед его глазами и вынюхивала, чем они там занимаются.

Михалыч сходил в дом за будкой и принес эмалированный бидон с мясом.

— Спасибо, — поблагодарила его Аленка, — папа рассчитается с вами.

Санька взял холодный бидон и пошел впереди девушки, хотя не знал, который из этих домов ее. Она догнала его и молча засеменила рядом. Зная, что сторож смотрит им в спины, он спросил, куда сворачивать.

— Сейчас налево, наш дом ближе к озеру, — почему-то виновато проговорила Алена.

«Вот он, коммунизм, — подумал тогда лейтенант, — и воевать за него не надо: за дачей ухаживает садовник, шашлыки готовит бывший подполковник, а продукты в холодильнике, наверное, сами появляются». Она каким-то образом почувствовала его мысли, потому что стала сбивчиво объяснять, что ее папа почти не бывает здесь, а дачи положены всем обкомовским работникам. Санька, зайдя в дом, даже в зеркало взглянул, неужели у него мысли на лице написаны, но нет, оно как всегда было бесстрастным.

А Аленка глядела на него, не скрывая своих чувств, восхищалась его умением разжечь дрова для шашлыка, успеть искупаться в пруду, вовремя перевернуть шампуры, чтобы мясо подрумянилось ровно, рассмотреть, не задерживая взгляда, фигурку этой неумелой соблазнительницы — ну, этим она не восхищалась вслух.

А посмотреть было на что, наверное, Верочка бы тоже стала такой в двадцать: грудки подпрыгивали каждый раз, когда она, забыв что-то в доме, вскакивала и бежала, стараясь угодить ему, а ноги были тренированными, он спросил:

— Танцами занимаешься?

— Нет, я художественной гимнастикой занималась, но в четырнадцать лет проблемы с коленом начались, и папа запретил мне ходить на тренировки, а ты каким спортом увлекаешься?

— Да всеми понемножку, — уклончиво ответил Санька.

Они пили вино сухое, но девчонке хватило и его. Глаза ее при взгляде на Сашку отсвечивали перламутровой пленкой, он еще тогда подумал, — наверное, это и есть поволока. И хотя он не собирался связывать себя с ней, но и в евнухи не записывался. Они ели, сидя на одеяле, которое Аленка принесла из дома, и то и дело касались плечами или бедрами друг друга. Она действовала на него возбуждающе, хотя, кажется, не понимала этого или умело играла с ним. Тогда он посчитал, что, скорее всего, второе. Санька жевал, запивая вином отлично приготовленный шашлык. Но как бы, ни были вкусны в меру острые кусочки мяса, наступает насыщение, наверное, когда-нибудь он будет жалеть, что отказался от следующей порции.

Но отказываться от девчонки, предлагавшей себя на сладкое, не собирался.

Аленка пыталась вызвать Саньку на разговор, но он отвечал уклончиво, она разгадывала его ответы, как головоломку, пытаясь понять, почему он так отвечает: потому что считает ее глупой гусыней или она совсем не в его вкусе. Расстроившись, девушка позвала его искупаться, потому что не знала, что делать дальше, он не говорил ей комплиментов, не флиртовал, как другие, не пытался поразить ее воображение рассказами о своих победах над другими девочками. Алена решила искупаться, чтобы не так жарко было ехать обратно, но все пошло не так.

Расстроенная, она забыла взять полотенце, а, окунувшись в воду и проплыв немного, вышла, покрывшись крупными, как пшено, пупырышками. Только Санька видел не гусиную кожу, а торчавшие из-под ткани бюстгалтера соски. Если девчонка хочет, что же, он не против, тем более, что неизвестно когда еще представится такая возможность.

3.

Игорь молчал, видя, что друг о чем-то задумался. Скажет, если совет нужен будет. А не скажет, значит, так надо. После училища, где на болтовню не было времени, они научились понимать друг друга без слов. Отпуск ослабил его, но и утомил трескотней парней и девчонок, с которыми рос. Столько порожнего гонят, что иной вечер, сидя рядом на дворовой скамейке, он уходил мыслями в свое, не забывая во время улыбнуться, чтобы не выглядеть бирюком. Они прошли с Санькой много такого, отчего взрослые, здоровые мужики плачут. И это только подготовка, какие же ягодки им предстоит собирать?

Танюшка, наверное, думает, что не любит он ее, она надеялась на то, что распишутся после окончания. Только они с Санькой решили не связывать ни себя, ни девушек обещаниями. Можно сколько угодно делать вид, что их готовят, как и всех военных, только кому врать? Себе. Хуже всего, что они до последнего мгновения остаются в неведении. Где и когда их поднимут по тревоге. Конечно, каждый надеялся вернуться живым, вроде бы время-то не военное. А вдруг? Незамужняя поплачет, да и забудет, а вдова, да с ребенком ей-то какого будет. Бегали они с Санькой в училище к таким вдовам да разведенкам, собирают женщины облюбочки. Не хотел он этого счастья Татьяне и не согласился на ее уговоры, мол, все равно она его дождет. Ведь сколько ждала, да в какие годы, самые жадные до любви. А, может, и зря? Случись чего с ним, хоть ребенок останется, а так, вроде

и не жил на этом свете. Чтобы отделаться от глупых мыслей, Игорь вылез по грудь в окно: сухой и жаркий ветер хлестал по щекам, заставляя прищурить глаза.

А Санька задремал. Ему снилось, что Аленка назначила ему свидание в укрытии, которое было замаскировано по всем правилам военной разведки. Где-то среди тянувшихся гор ему нужно отыскать вырубленный в скале проход, и он, как учили его, проходил бесконечную спираль, цепляясь за острые края камней, обливаясь потом, обезвреживал мины, но то и дело находил едва заметные приметы новых. Радуюсь, что уже почти добрался до заветного входа, Санька даже видел полог, закрывающий его, он был замаскирован под гранит, но камень под ногой закачался и он, ударившись головой о скалу, полетел вниз.

— Проснись, — Игорь стоял возле его полки.

— Черт, приснится же, — хрипло проговорил Санька, и вправду крепко приложившийся головой о стенку, поезд на стрелке сильно трянуло. Сердце билось часто, духота стояла невероятная, — дай фляжку.

Попив теплой воды, снова откинулся на смятую плоскую подушку.

Глупость все это. Хотя разведчик из него никакой — не смог отличить влюбленную дурочку от искательницы приключений. Тогда, после купания в озере, Аленка — чистоплюйка предложила ему принять душ, он вымылся, хотя и так чувствовал себя освеженным прохладной водой пруда, и обмотался полотенцем, рассматривая, в ожидании, когда высохнут плавки, картины на стенах. А она вышла из душа в коротенькой шелковой комбинации и поглядела на него испуганно и виновато. Он сел на шелковое покрывало родительской, как потом окажется, кровати и, раскрыв руки, поманил ее. Девчонка закрыла глаза и слепо пошла к нему. Не было у него еще таких, если только Верочка, но с ней до этого не дошло. Шелк кожи под шелком сорочки. Он нашел соски, которые дразнили его еще на озере, и прикусил их через тонкую ткань, Аленка застонала и тогда, сминая ее губы своими, он опрокинул ее на кровать. Комбинация задралась, обнажив плоский живот и загоревшие бедра. Санька провел языком по демаркационной линии загара, бедра девушки выгнулись ему навстречу, он сорвал с себя полотенце. Аленка обхватила его за плечи, впиваясь ногтями, приподнялась, помогая снять трусики, он выбросил шелковый комочек и рванулся в нее. Девчонка вскрикнула, он понял, в чем дело, но поздно. Уже потом, повернувшись на спину и заложив руки за голову, он спросил:

— Почему ты не сказала?

— Я ... я не знаю, я думала, что ты взрослый, ты сам все понимаешь.

— Ты ошиблась, я совсем из другой сказки.

Он сидел в саду, а она застирывала простынь с родительской кровати.

Санька крепко зажмурил глаза. Поезд сильно раскачивало.

4.

Жизнь на базе горной подготовки превратилась в один длинный день, когда каждая жилка, каждая клеточка просит отдыха. И если первые дни подъемы в горы были налегке, учились ходить, цепляясь за малейший выступ, ставить ногу, выбирая надежный камень, прислушивались к шепоту горной осыпи, которая в любой момент могла превратиться в камнепад, то через неделю это занятие уже казалось легким. Теперь с минимумом

груза карабкались почти по отвесным скалам. В связке парами любой камень, сорвавшись из-под ноги впереди идущего, мог серьезно ранить второго. И они учились сторониться, выбирали склоны для подъемов, учитывая длительность освещения их солнцем, пробовали почву, если не на зуб, то запоминали ощущения непрочности или коварства влажной от росы травы, клинопись мелкой гальки, заставлявшей поднимать глаза вверх и рассчитывать траекторию следующего камнепада. А потом отрабатывали удары ножом в условиях, когда сам стоишь на тропе, боясь сорваться вниз, а тут еще надо поразить противника. И вязали на ощупь вечерами узлы, поняв, насколько верно выражение — жизнь висит на волоске.

Их было шестеро в группе. Игорь научился уживаться со всеми, Санька не принял одного, хотя и с другими не притесствовал. Олег, с лицом работаватым, черноволосый, мужик деревенской закваски, делавший все основательно, как будто он здесь собирался жить всю оставшуюся жизнь, рыжий Леха, всегда улыбающийся, низкорослый, с большими добрыми глазами и рыжими ресницами. Все были довольны, когда он оставался дневальным: на ужин было горячее и непременно с мясом и, хотя припахивало оно странно, считали, что подпортилось от жары. Никто не видел, когда доставлялись продукты. Командовал отделением Полкан, он сам так представился, заслуженно получивший это прозвище. Гораздо позднее они будут произносить его с уважением, когда поймут, что его жесткость, граничащая с жестокостью, подготовила их ко многим неожиданностям, а главное, научила выживать в самых безвыходных ситуациях. Шестым был Руст или Рустам, который выеживался перед ними. К чему было рисоваться, если каждый из них попал сюда неслучайно, но ему обязательно надо было поймать тот момент, когда кто-то из них, расслабившись после тренировок, подавая по его просьбе веревку ли, нож ли, вдруг попадался на внезапно примененный им прием рукопашного боя. Полкан молчал и другие тоже, но научились даже в лагере жить настороже. А однажды он при всех отрезал голову неизвестно как попавшей к ним бродячей собаки и, слив хлещущую из горла кровь в кружку, выпил ее. Ночью инструктор устроил новое испытание. При свете фонаря они должны были обыскать смертельно раненого противника и найти картонную карту с кодом, которая была у него в нагрудном кармане. Все понимали, что не может здесь быть никакого противника, все подходы заминированы и это скорее всего чучело, но когда рука Руста провалилась вместо кармана в окровавленные внутренности, он отдернул ее, а Санька, сжав зубы, рылся пока не нашел. Наутро Рустам, чтобы не цепляли его за этот момент слабости, огорошил всех, сказав, что Леха давно промышляет либо бездомными псами, либо лягушками, которые прячутся от дневной жары в пещере, а они хвалят его за ужины из них. И опять все промолчали, отчего желание Руста найти в Рыжем козла отпущения не исполнилось. А Полкан каждого из них проверил на убийстве невинной твари, потому, что на войне иногда приходится уничтожать не вовремя высунувшихся гражданских. Пожалеешь — доложит своим, и накроется вся группа. И все прошли это испытание, и продолжали есть приготовленные Лехой обеды.

5.

А потом их перебросили в другой лагерь. И снова далеко не пионерский. Здесь не надо было, ломая ногти, лезть в горы, но назвать минирование

легким делом язык не поворачивался. Ежедневные занятия в учебном классе землянки после двух месяцев в горах требовали выхода накопившейся энергии. И парни по собственной инициативе устраивали по вечерам тренировки по рукопашному бою. А ночью видели переплетение проводов, ведущих к взрывателю, и не один просыпался в холодном поту от того, что взлетал во сне, отсоединив не тот, который нужно. Практика на полигоне впечатлила надолго.

В последние дни пришло новое вооружение — гранатомет «Муха», игрушка, которая пришлась по душе всем. Освоили быстро и сами удивлялись потом, как без нее раньше обходились.

Четырнадцатого декабря их подняли по тревоге, на УАЗике доставили к Амударье, по которой строилась понтонная переправа. При внешнем спокойствии все были напряжены до предела, и только Леха подшучивал:

— Не волнуйтесь, братки, я еще не нашел замену устрицам. Но обязательно изобрету.

— Ты случаем местные горы с Куршавелем не перепутал, — поддел его Санька.

— А что это такое и с чем его едят, — заинтересовался Леха.

— Курорт это во Франции, — пояснил Игорь, они вместе с другом читали в «Огоньке» про горнолыжный курорт, — только там на лыжах ходят, а ты все на заднице норовишь скатиться.

Они пытались отвлекаться, ожидая, когда же их пересадят в бронемашину. Но суета, начавшаяся вдруг возле черной «Волги», дошла до них:

— Отбой, — капитан подошел к водителю и велел ему отвезти бойцов на вертолетную площадку. Их снова перебросили, но в этот раз вертолет взлетал и опускался несколько раз. В итоге на базе оказалось двадцать четыре человека, и не было ни одного, который бы выглядел испуганным салагой. Мероприятие готовилось серьезное, но насколько, парни узнали только спустя две недели, хотя каждый теперь знал поставленную перед группой задачу. Шестерке Полкана предстояло взорвать центральный коллектор связи в городе по ту сторону Амударьи — в Кабуле.

— Телеграф, телефон, почта, как по Ленину, — пошутил Санька, хотя дело было совсем нешуточное. Он понимал, что именно они импортируют в чужую страну революцию, а нужна она афганцам или нет, думать не ему. Взрыв, устроенный ими, как выстрел «Авроры», должен был послужить сигналом к началу штурма дворца. Их переправили в Кабул.

По полученным разведанным коллектор располагался на одной из центральных площадей Кабула, под землей. Рядом с зданием телеграфа и Госбанка, которые охранялись усиленными нарядами милиции. На этой же площади находился кинотеатр и ресторан — место многолюдное. Совершить подрыв оставаясь незамеченными было крайне сложно. Да что там, разведку провести и то было трудно. Приподнять крышку чугунного люка, весившего сто двадцать килограммов, чтобы заглянуть, что в нем, когда по площади регулярно снует парный патруль афганской милиции, можно было, только расстреляв этот самый патруль.

Но они нашли выход: точно такой же «симоновский» коллектор на окраине Кабула никем не охранялся и они изучили его. Комната пять на пять, высотой в три с половиной метра, сверху бетонное перекрытие в метр тол-

щиной. Чтобы снять крышку с люка, нужны были специальные клещи. Молчаливый Олег сумел выковать их, вот они, русские умельцы, попробовали — получилось здорово.

Санька с Полканом занялись расчетом мощности заряда, рассчитав ее по базальту, добавили на немецкое качество, и получилось почти три пуда тротила. Они достанут армейскую взрывчатку. Взрывать которую решили неконтактным сосредоточенным зарядом, для верности установили два взрывателя. Олег колдовал над ними, проверяя в банке с водой, — срываются. Операцию решили проводить из здания, где жили дипработники, от него до площади пять минут езды. Игорь, просчитывавший действия каждого по секундам, предложил включить в работу водителя, который хорошо знал фарси.

Двадцать седьмого декабря в семь вечера они выехали на «уазике», следом за ними шла «Волга» и еще один «уазик» с группой прикрытия. Прикрытие заняло позицию у ресторана, а группа Полкана у колодца. По условному знаку дверь машины второго «уазика» громко хлопнула, что означало: парный афганский патруль находится на посту и в обход не собирается. Водитель подошел к часовому у телеграфа, чтобы отвлечь его внимание, Руст, подняв капот, делал вид, что устраняет неисправность, Рыжий и Игорь отработанными движениями сняли щипцами крышку люка, Полкан и Санька опустили в колодец рюкзак со взрывчаткой, отправив вслед дымовую гранату. Она неожиданно засверкала новогодним фейерверком. К счастью, никто не заметил, Леха с Игорем быстро опустили крышку люка.

Окликнув водителя, который увлеченно болтал с часовым, сели в машину. Руководство не ожидало такого быстрого возвращения и несколько раз переспрашивало, все ли верно сделано. Часы показывали девятнадцать пятнадцать — время, установленное на взрывателе.

Полкан тер подбородок пятерней, Санька, сжав зубы так, что желваки ходили, глядел на Игоря, а тот думал, где они могли ошибиться, и тут раздался взрыв. Первый в долгом ряду.

В Москве в программе «Время» в этот день передадут о введении ограниченного контингента войск в Афганистан. Только Михаилу Никифоровичу Гордееву было не до этих известий. Жена ему преподнесла такую новость, что он не видел и не слышал ничего.

6.

«Ах, Аленка, куколка! Чего же ты натворила? Ведь всю жизнь себе испортила! И было бы из-за кого. Ладно бы красавец, каких свет не видывал, а то без роду, без племени», — глядя в светящееся огнями иллюминации окно, думал Михаил Никифорович немного спустя после того, как улеглась первая волна негодования на жену и дочь. А он уж начал думать, не заболели ли они обе разом: Новый год на носу, а они подарков не заказывают.

Вот подарок, так подарок преподнесла любимая доченька. Как людям теперь в глаза глядеть? Ведь он надышаться на нее не мог, одна она у них, припозднились они с Лидией с детьми. Старой крестьянской закалки, рожденный в двадцать четвертом году, он остался без родителей — сослали их в Казахстан. Да по дороге болезнь всех скосила. Он один и выжил, мать его грудного от сердца оторвала, оставила родне, чем и спасла. Воспитывала тетка по отцу, у которой своих мал-мала меньше. Что уж гово-

рить про одежду, когда сыт не всегда был. Нет, она не злая и не скупая была, чем богаты, как говорится. Только ему, без кола и двора, не с руки было жениться. А потом Советская власть выучила, сначала на рабфаке, а потом агрономному делу. Он помнит, как отделился от тетки: братья двоюродные женились оба разом и пока пристроили дела, спали все на кроватях, отделенных занавесками. Сколько ночей он слушал, как сопят они со своими женами в метре от него. Тогда он у бывшего председателя колхоза разрешение взял спать прямо в правлении на скрипучем дермантиновом диване. Потому и на работу раньше всех приходил, и уходил позже всех. Не было счастья, да, как говорится, помогло. Заметили его в области, сначала в соседний колхоз, который после войны из ямы выбраться не мог, отправили председательствовать. Вот тогда он первый раз свое жилье получил — заброшенный дом, наверное, выслали хозяев когда-то из него. Он, суеверный, прощения у домового попросил за то, что вошел хозяином. Молодой, силы были, день-деньской на работе, а он вечерами летними потихоньку домишко в порядок привел, только кроме стола и табуреток, да деревянного топчана в нем ничего и не было. Одежду, какая была, на гвоздь в стене вешал. Это сейчас у председателей колхозов дома лучше и богаче всех в деревне. Видимо, за это и народ его полюбил, ведь слушались и рвали жилы и в посевную, и на прополку, а уж про уборочную и говорить не приходится. Трудное время было, но почему-то счастливое. Оказаться бы опять в нем, променял бы он свое место в обкомовском кресле, где, сколько не гоняйся по области, не снимай с бедовых голов стружку, все равно сплошные приписки, чтобы в центр отрапортовать об успехах. Может, стар он стал, но захотелось ему вдруг на покой. Или опять в деревню с Лидией.

Ему уж тридцать три исполнилось, когда она учительствовать в его колхоз приехала. Могла бы и в городе устроиться, как ни как дочь, хотя и преставившегося, но героя войны — генерала Авдеева. Мать ее до сих пор себя генеральшей чувствует, а ведь к восьмидесяти ей. Только Лидушка романтики захотела тогда на его счастье. И бедноты не испугалась. Правда, стараниями Софьи Андреевны дом быстро оброс вещами. Но, слава Богу, не жила она с ними, уж больно въедливая бабенка. Нет, конечно же не бабенка, таких сроду с простолюдинками не спутаешь. Уж стара, да шея до сих пор ровно голову держит, и росточка небольшого, а как будто выше всех. Вот завтра он с ней поговорит, как это они, две гусыни, одного лебеденка не углядели. Ах, Аленка, Аленка! Если бы раньше сказала матери, может, они, что и придумали по своему бабьему делу, а теперь, что? Четыре месяца уже ребятенку, байстрюком расти будет. Попробует он завтра вывести, куда этот гусь делся. Да, ведь на смех его поднимут, дочь даже фамилии его не знает, только имя — Александр. Нет, таких Александрями не кличут, Санька он и не больше. Хорошо, хоть фамилию друга знают — Кузнецов.

Михаил Никифорович отошел от окна, из которого тянуло холодом. Зима, а снегу кот наплакал, померзнут озимые. Прошел на цыпочках к комнате дочери, приоткрыл дверь. Свет из коридора осветил бледное исхудавшее лицо Аленки. «Вот два старых глупца, — подумал он про себя и жену, — ведь еще в октябре, когда отдыхали в Сочи, мутило ее от шашлыков и рвало, только они тогда решили, что отравилась она чем-то».

Софья Андреевна узнала о беременности внучки только после разговора дочери с зятем. Было ли это для нее ударом, неизвестно. Но бессонницу, на которую ее редкие уже подруги жаловались при встречах, она использовала с толком. Чтобы не выглядеть завтра перед зятем ошипанной курицей, она продумала весь разговор до мелочей. Ах, как ко времени эта война с Афганистаном. Ее Владимир Петрович опять бы сказал: «Софи, ты не потопляема». Конечно, не такой судьбы она желала своей непревзойденной красавице-внучке. Только Софья Андреевна, несмотря на то, что была из бывших, а, может быть, именно благодаря этому, когда-то в молодости имела бурный роман. Жаль, что внучке об этом рано еще рассказывать. Только давно, это для других, конечно, она-то помнит, как сейчас, ухаживал за ней Владимир, тогда командир конного отряда, совсем не по-дворянски. Некогда ему было, революцию делал. И сбегала Соня из дома, когда папенька, земский врач, засыпал, его тогда и день, и ночь вызывали к больным да раненым. Прислуга помалкивала, она же барышня, они ей не указ. Грешна она перед родителями, сеновал у них теплый был, сена запасали много, куда же земский врач без лошадей. И ведь ее Володенька огни и воды прошел, а потом только посватался. Нравилась ему ее смелость и отчаянность, она все умела с головы на ноги перевернуть и остаться правой. Он ей признавался, что никогда бы без нее генералом не стал. Жалко, после войны раны его в могилу свели. Но она до сих пор с ним советовалась. И получалось. Он и раньше все больше ее мышления слушал, да головой кивал. Это чего Лидия удумала, отправить внучку к сестре Михаила в деревню, чтобы она там выносила младенца, да родила. Они здесь от жиру беситься будут, а девчонка на сносях в деревне будет щи пустые хлебать. Она понимала, что зря себя накручивает, никто и в деревне пустых щей не ест. Но к утру она была готова постоять за себя и за внучку.

Лидия Владимировна ждала мать раньше, желая с ее помощью выработать одну линию поведения, но та приехала, когда она уже накормила мужа ужином, Аленка поела до его прихода и сидела в своей комнате, листая конспекты, но мыслями витая, если не в облаках, то по крайней мере где-то рядом с Сашей. Ей казалось, что он не такой суровый и равнодушный, каким был с ней, после ... после того. Она желала, чтобы он признался ей в любви и сказал, что обязательно приедет к ней и поможет растить сына. Правда, она не знала, кто у нее будет, но ей хотелось сына, похожего на отца, с такими же глазами — зелеными, словно крыжовник, — она сейчас с удовольствием бы поела крыжовника, кислого-прекислого, и с ресницами, густыми, как у девчонки. Мать гремела на кухне посудой, когда раздался звонок в дверь, Аленка метнулась к выходу и открыла:

— Софочка, как я рада тебя видеть.

Еще когда Аленке было два годика, бабушка сказала ей:

— Какая я тебе бабушка! Я Софочка, так меня твой дед звал.

С тех пор минуло добрых семнадцать лет, но Аленка звала бабушку Софочкой, как ее оставшиеся в живых подружки.

— Я тебя тоже. Хотя и сердита на тебя, совсем ко мне ездить перестала.

— Софочка, прости, мне некогда.

— Доброго здоровья вам, Софья Андреевна, — Михаил вышел из кухни и помог снять каракулевую шубу с худеньких плеч тещи.

— Да, не больно-то добрый, в такой холод тащиться, нельзя что ли было машину за мной прислать? — теща пошла в наступление.

— Здравствуй, мама, — Лидия ткнулась ей губами в щеку, — чай будешь?

— Буду, ведите меня на кухню, да рассказывайте, что случилось, почему так срочно вызвали?

— А то вы, Софья Андреевна, не в курсе, что внучка ваша меньше, чем через полгода, вас прабабкой сделает, — уколол пробным выпадом Михаил Никифорович, — да и байстрюк будет явно не из дворянского сословия.

— Это с каких это пор дети героев войны у нас байстрюками считают-ся? — парировала укол теща.

Михаил думал, каким боком она сюда покойного тестя приплела, да та не дала ему опомниться:

— А разве не геройство за Родину воевать, или ты, Миша, не знаешь, что наши войска в Афганистан вошли? Недосуг было твоему будущему зятю за женскую юбку прятаться, вот вернется и распишутся.

До Лидии и Михаила стало доходить, а ведь и впрямь, можно всем окружающим эту версию выдать, чтобы не перемывали они косточки ни им, ни дочери. А потом можно будет сказать, что, мол, погиб геройски. Пусть попробуют проверят. Михаил Никифорович сегодня попытался по обкомовской связи выйти на начальника училища. Его соединили, только тот сказал, что никогда такие здесь не учились. Он тогда себя глупцом почувствовал. Ну, ладно бы Санек обманщиком был, а ведь Игоря-то Кузнецова Михаил сам видел в военной форме.

Может, теща и права. Во всяком случае, не придется Аленку у родственников прятать, от души отлегло:

— Ну, ладно, мама, давайте по коньячку за внука героя, а то пересохло что-то от ваших нападок в горле.

— Софочка, я люблю тебя.

— Я тоже, — Софья Андреевна со своим маленьким ростом опять оказалась на коне.

8.

Виктору показалось странным, что Аленка сторонится его. С лета они практически не встречались, пару раз ходили в кино и то на дневные сеансы. В сентябре он отдыхал с матерью на юге. Там познакомился с отчаянной девчонкой Любашей. Она который год приезжала сюда одна, без всяких путевок. Снимала квартиру и гуляла в свое удовольствие. Он был у нее в этой съемной комнате — теснота ужасная и душ во дворе. Но зато вход отдельный и хозяйка не спрашивает, кто это с тобой пришел. Аленка по сравнению с ней пресной ему показалась по возвращении. Только они не успели толком пообщаться, как через пару дней она с родителями уехала на юг. Весь ноябрь отказывалась от встреч с ним, из-за учебы. Сегодня он решил выяснить все до конца. До Нового года три дня осталось, а он до сих пор не знает, где и с кем встречать будет. У Славки Любимова предки дачу оставляют в его распоряжение, хорошо бы туда попасть. И Аленке со святостью своей пора расстаться, все равно не в марте, так в июне поженятся. Он подошел к ней после второй пары, третьей не будет —

преподаватель болен, вот вранье-то, все студенты знали, что Борис Иванович загулял. И Аленка согласилась сходить с ним в кафе-мороженое. Денег у Виктора не было, но она сама не из бедных, так что он, послонявшись без дела целую пару, дождался ее. Выйдя из института, Витька первый раз после лета разглядел лицо девушки на свету, оно показалось ему незнакомым, что-то новое появилось в нем.

— Тебе какое брать, — спросил он, когда сняв пальто, Аленка подошла к столу, сам он повесил куртку на спинку стула, — твое любимое с медом и орехами?

— Нет, мне с лимонным соком, — Аленке сейчас не хотелось ничего слишком сладкого, ей вообще не хотелось встречаться с ним, но надо было поставить точку. Кафе не самое подходящее место, но приглашать его домой или выяснять отношения в холле института было еще хуже.

— У тебя денег не будет, я на мели? — предупредил Виктор, вставая с места.

Аленка отдала ему десять рублей. Вскоре он поставил перед ней розетку с мороженым:

— Ешь свою кислятину, а я погляжу, как ты будешь морщиться, — плоско пошутил он.

Но Аленка, выбирая ложечкой лимонные струйки с поверхности мороженого, ощутила, наконец, желанный вкус.

— Витя, я должна тебе сказать что-то очень важное, — начала девушка и замолчала, не зная, как продолжить и утешить человека, с которым встречалась так долго, не понимая, что не любит его.

— Если это важное — дата свадьбы, то я могу предположить, что ты назначишь ее на июль, — она давно мечтала о свадьбе, но мать Виктора не хотела становиться бабушкой слишком рано и отодвигала ее на окончание учебы.

— Нет, Витя, свадьбы у нас не будет. Я бы хотела остаться с тобой друзьями, но ты, наверное, не захочешь. Витя, — мягко произнесла Аленка, — я люблю другого человека.

— И кто же это, — опешил он, — неужели тот фраер в военной форме, вот не знал, что тебе нравятся неотесанные мужики.

— Его зовут Александром и он не неотесанный мужик, — зачем-то бросилась на защиту девушка, хотя не хотела говорить Виктору о нем.

— Значит, успел он наследить здесь, — проговорил молодой человек, втягивая теплый воздух помещения, так как взял в рот большой кусок мороженого.

— Что значит наследить?

— Пришел, увидел, наследил, — так Александры делают, и твой не первый.

— Витя, я бы не хотела ссориться с тобой, — Аленка хотела сочувствующе погладить его по руке, но он, выдернув ладонь, бросил зло: «Да иди ты», схватил куртку и вышел из кафе.

Вечером, когда вернувшаяся с работы мать позвала его к столу, он буркнул, что не хочет есть. Алла Григорьевна, не расслышавшая из кухни ответа, заглянула в скромную спальню двухкомнатной квартиры:

— ВиктОр, — произнесла она с ударением на последний слог, — хватит капризничать. Но узнав причину, разволновалась не на шутку. Сорокадвухлетняя женщина мечтала доучить, наконец, сына и женить его на обеспеченной девушке, чтобы наверстать упущенное без мужской ласки время. Муж ее — инженер, уехал однажды в командировку за комплектующими для производства, да и не вернулся. Сам укомплектовался в другую семью. Алла и в местном автозаводе обращалась и в профком, только себе навредила. Там, в другом городе, мужа понизили в должности за аморальное поведение, и алименты на целых двадцать рублей женщина стала получать меньше, но мужа не вернула. В бухгалтерии она доросла до главного, но на взрослого парня приходилось экономить и отказывать себе во многом. Вот на отдых в следующем году на юге она вряд ли сэкономит. Но еще больше Аллу Григорьевну страшил осенний призыв в армию, учеба закончится, и сына могут послать в Афганистан. Михаил Никифорович мог бы похлопотать за зятя, а теперь что же? Еще не зная, что она скажет, женщина набрала телефон Аленки.

9.

Лидия готовила ужин к приходу мужа, Аленка возвратилась с занятий бледная и легла отдохнуть. В тишине было слышно тиканье настенных часов, да шипение жарящегося мяса на плите. Женщина прикрыла дверь в комнату дочери и вовремя — зазвонил телефон.

— Але, — негромко проговорила она в трубку, — здравствуйте, Алла. Нет, она спит. А что вы хотели ей передать? Да, я знаю, я тоже надеялась в будущем назвать Виктора зятем, но дети сейчас не слушают родителей. Нет, Михаил Никифорович задерживается. С вводом войск в Афганистан, они каждый день совещаются о чем-то. А что, Витю уже вызывали в военкомат? Я поговорю с мужем, но у него нет связей там, как вы понимаете дочь у нас невоеннообязанная, поэтому нужды не было. Вы уж лучше завтра мне позвоните, муж раздраженный приходит, я попытаюсь выяснить у него, сможет ли он чем-нибудь помочь Виктору. До свидания, — она положила трубку и несколько минут стояла, вот ведь как бывает, почти родственниками считались, а теперь все разрушилось.

Она прошла на кухню, выключила плиту и открыла форточку, а то опять дочь мутить будет от запаха мяса. Четыре месяца малышу, шевелится, а у Аленки даже животика незаметно. Конечно, сколько она в одиночку переносила, сейчас хоть полегче будет, не надо от них свое состояние скрывать.

Мать уже начала готовить почву для общественности. Лидия усмехнулась: что бы она сказала, узнав, что Виктор хочет всеми неправдами от армии уклониться. Господи, им бы фотографию «героя» раздобыть, а то мать подругам, что местным радио на скамейках у подъезда работают, такую романтическую историю рассказала, якобы влюбились Саша с Аленкой с первого взгляда без памяти друг в друга. А ему на войну уходить надо, вот, мол, Аленка и решила память о нем сохранить живую. Как только вернется, тут же свадьбу сыграют.

Мысли ее перекинулись на будущего внука, она сегодня в «Детский мир» заходила. Смотрела пеленки, распашонки. Все какое-то унылое, бледное. Надо будет попросить кого-нибудь из знакомых, кто в Прибалтику поедет, привезти оттуда детское приданое. Лидия видела у сына секретаря

обкома на ребенке такие красивые вещички, что малыш как игрушка выглядел. Может, кто и злорадствовать будет, только женщине очень хотелось маленького, она с Аленкой не наигралась, уж больно быстро дочка выросла. Вот и сейчас муж на работе, Аленка спит, а ей бы понянчиться с малышом. На работу она перестала ходить, как только до выслуги доработала, а дом и дети ей не в тягость. Она чуть было не задремала в кресле, в котором муж после обеда отдыхал, но еще до звонка в дверь услышала его шаги на лестничной клетке, вскинулась, поспешила открыть. От мужа пахло морозом и усталостью. Лидия приняла у него пальто и шапку, и пока он снимал сапоги, прошептала:

— Алла Григорьевна звонила, тебя спрашивала.

— А я ей чем помогу, или она на мне сына женить хочет, — проворчал Михаил.

— Тише ты, Аленка спит, совсем нисколько не поправляется, а уж пора. Идем на кухню.

Пока муж мыл руки, Лидия привычно сновала от плиты к столу, раскладывая приборы и салфетки, как учила ее мать, хотя знала, что Миша с удовольствием бы поел мяса со сковороды, с молодости любит соскоблить зажаренки, как он их называл.

Михаил сев за стол, расслабился:

— Налей мне сто граммов, Лидок, устал я сиднем сидеть в кабинете, да и новости не больно хорошие из Афганистана. Хотя и говорят, что дружественная страна, да сегодня указание давали про «груз двести» особенно не распространяться. А как скрыть от людей, если матери по сыновьям голосить начнут на всю область. Вот тебе и други.

Он выпил налитую женой рюмку, похлебал немного борща. Видя, что ест муж без аппетита, Лидия налила ему еще рюмочку:

— Выпей, да закуси как следует.

— По какому поводу праздник? — Аленка с припухшим ото сна лицом вошла в кухню, — Мам, мне картошки и капуста квашеной, мясо не клади, хорошо?

— Хорошо, хорошо, садись давай, чтобы дважды не разогревать.

— Мать жениха твоего бывшего звонила, Господи, не запутаться бы теперь в них.

— Мам, ну у меня их и было только двое, чего уж там путаться. Ну, простите вы меня, глупую, — голос девушки зазвенел от слез, которые теперь были так близки на подходе.

— Мать, уж переговорено об этом, — заступился отец, видя, как задрожали губы у дочери. — Так чего хочет Алла Григорьевна? — сменил он тему.

— Она, Миша, хочет, чтобы ты Виктору помог армии избежать.

— Как это армии избежать? — Михаил, попавший на войну в сорок третьем, успел послужить Родине, аж до Венгрии дошел и медаль имеет «За взятие Будапешта». — А кто же нас защищать будет?

— Я ей ничего не обещала, Миша, — открестилась от просьбы Лидия, она знала, как он не любит использовать служебное положение, но ночью, когда муж будет ворочаться без сна, она все-таки скажет ему:

— Миша, найди кого знакомых, а то она со зла на Аленку всех собак навешает.

— Я подумаю, — хрипло буркнул тот, но тут же затих, из ванны донесся шум — Аленку снова рвало. — Ты бы сходила с ней в больницу, уж вторая половина беременности, а ее все тошнит.

— Завтра же и схожу, а то праздники начнутся и врачей не сыщешь.

10.

Эйфория по поводу почти бескровного взятия дворца Амина вскоре прошла. Из их группы в двадцать четыре человека при штурме погибло четверо. Санька перебирал в памяти лица тех, кого отправили в Союз «грузом двести». Представить, что этих молодых парней больше никогда не будет на свете, было невозможно. И хотя он почти не знал их настоящих фамилий и имен, ощущал боль в сердце. Если кому-то суждено погибнуть из них двоих, уж лучше пусть он, чем Игорь.

Даже салаги из мотострелкового полка понимали, что руководство ошиблось в своих планах. Понятие «Интернационального долга» было у них, афганцы же приняли их как иностранцев с оружием в руках и отчаянно сопротивлялись их вторжению. Если на первых порах моджахеды воевали с ними оружием, отобранным у действующей армии, или выходили с ружьями времен Первой мировой войны, — Санька с другом видели эти марки в какой-то книге по истории, интересовавшийся старинным оружием Игорь, запомнил их: «Аэнсфильд» и «Мартини — Генри», то вскоре современное оружие потечет в эту страну рекой. А сами афганцы пройдут выучку в Пакистане и Иране.

Спецназ окажется не готовым вести бои в пустынно-гористой местности, которая была известна местным жителям, но враждебна к нему. Задача по многократному перемалыванию живой силы противника была невозможна без БМП, а их у спецназа не было. Полкан присоединит свою группу к мотострелковому батальону, а потом и вовсе экспроприирует у них две машины, и пока наверху будут разрабатывать планы по освобождению Афганистана, его группу, приквартированную в Кабуле, будут бросать, как пожарную команду, то на одну, то на другую операцию. Старый вояка достал откуда-то книгу «Англо-афганская война», и, сказав: читайте — ничего за сто лет не изменилось, нашел для них переводчика, который учил их, если не разговаривать, то понимать дари — язык, на котором общается большинство жителей Афганистана. Тактика борьбы, выбранная в верхах, сгодилась бы против войск НАТО в Европе или против Китая на сопках Маньчжурии, здесь же они черпали воду решетом. Силами спецназа охранялся топливопровод, горы, на которых могли бы приземляться наши вертолеты, уже хорошо пристреляны моджахедами — время упущено. Разведка оппозиции знала маршруты, которыми пройдут колонны, и встречала их на пути. Сколько солдат полегло из-за незнания психологии свободолюбивых афганцев, считать будут позднее. А пока метались в поисках успешной тактики, в Союзе набирали новое пушечное мясо. Им везло, все шестеро даже ранены не были. Бойцы доверяли Полкану больше, чем самим себе, но он вдруг поставил командиром Саньку. Руст затаил обиду на обоих, но Санька в первой же самостоятельной операции по сопровождению колонны бронетранспортеров заставил поверить в себя. Случилось это возле кишлака Каджаки — Суфла, колонна попала под прицельный огонь, а местность вокруг оказалась заминированной. Санька отдал приказ

командирам БМП взбираться на господствующие высоты. Наклон был критическим, машины могли перевернуться. Но с другой стороны, можно не опасаться мин: зная, что взобраться на такие кручи невозможно, моджахеды не посчитали нужным минировать дорогу. И просчитались. Точный расчет командира был тем удивительнее, что в начале боя он получил первое ранение в голову. Нелепое — о крышку люка, к которой его подкинуло взрывом под гусеницей «бээмпэшки». Очнувшись он уже на носилках, встал, вытер кровь, заливавшую глаза, приложил тампон и пошел к соседней машине. Фельдшер было попытался удержать его, но через пару минут Санькин голос опять звучал в эфире. Он требовал ускорить выход на господствующие высоты. Четверо суток шли бои под Каджаки — Суфла. Противнику не удалось не то что разгромить колонну, но даже нанести сколько-нибудь ощутимый урон. И самое главное, погибших не было совсем.

Про то, что в Союзе наступил Новый год, они с Игорем вспомнят, когда тому вначале февраля придет письмо из дома.

11.

Марина приехала на зимние каникулы домой, понимая, что родители сходят с ума от беспокойства за Игоря. Где он? Что с ним? Слухи, самые страшные, распространялись молниеносно. То из одного, то из другого района приходили печальные подробности похорон совсем молодых мальчишек. Убивал запрет на вскрытие цинковых гробов, матерям казалось, что, если не разрешают увидеть в последний раз родное лицо, то какую же муку выдержал их ребенок перед смертью. Иногда думалось, что там вообще не их сын, ну, не может он такой юный и полный жизни умереть.

Марина была благодарна Татьяне, подруге Игоря, за то, что она не оставляет ее родителей. Они рассматривали старенькие фото, из новых, где бы Игорь сфотографировался недавно, нашли одну. На ней они с другом были в гражданской одежде, видимо в увольнении ели мороженое. И до того беспечно улыбались, как будто не было у них впереди никаких испытаний, а может быть, они о них не догадывались. В этот самый момент, когда с круглого стола зала, засыпанного фотографиями, девушки выхватывали то один, то другой снимок, вспоминая связанные с ним истории, в дверь позвонили. Марина побежала открывать, на пороге стояла Аленка. Летом Марина уехала в другой город, не попрощавшись с ней, она тогда сердилась на брата, который увез ее к бабушке в деревню, тогда как Аленка могла запросто влюбить в себя его друга. Но сейчас об этом забылось. Она помогла подружке раздеться, подула на пушистую шапку из чернубурки, прежде чем положить ее на полку, разгладила воротник пальто — какой красивый, Аленка засмущалась, чувствуя себя виноватой из-за того, что у Марины нет такого.

— Ой, ты поправилась! — воскликнула девушка, мать, подошедшая к двери, осуждающе взглянула на нее.

— Я теперь буду толстеть, как на дрожжах, — проговорила Аленка, поправляя свободный свитерок.

Но Марина, не понявшая взгляда матери, озабоченно переспросила:

— Что с тобой?

— Глупая, дай я тебе обниму, — с этими словами она прижалась к подружке, и та почувствовала плотный холмик ее живота.

— Кажется, я начинаю понимать, в чем дело, — она отстранила Аленку от себя, разглядывая ее внимательно, — замуж вышла?

— Давай об этом потом. Как вы поживаете? — обратилась она к матери подруги. — Есть ли новости от Игоря?

— Нет, доченька, — улыбка сошла с лица женщины, — никакой весточки от него, всеми ночами Бога молю, чтобы уберег его, — слезы готовы пролиться, еще дрожали в глазах.

— Мама, прекрати оплакивать его заранее, все хорошо с нашим Игорем, с ним все будет хорошо, правда, Таня? — обратилась она к вышедшей из зала девушке.

— Правда, — ответила та, — но тоже заплакала.

— Ой, я совсем забыла, — отвлекла их Аленка, готовая сам удариться в слезы, — я же торт принесла, — она достала из целлофанового пакета коробку, — кажется, не помяла.

— А и правда, давайте чай пить, — сказала тетя Надя. — Дочь, поставь чайник, а я отца подниму. Таня вышла на кухню с Мариной.

Аленке хватило одной минуты разглядеть на столе среди нескольких десятков снимков фотографию Сашу. Зная, что это нехорошо, она все-таки спрятала ее под свитер и весь вечер проверяла, не выскользнула ли та из-за пояса юбки.

Вернувшись, Марина сгребла в коробку из под туфель все фотографии и расстелила скатерть:

— Заходи к ним почаще, Ален, они совсем есть перестали. Словно доказательство ее слов из спальни, застегивая на ходу рубашку, вышел отец. Аленка бы не узнала его, встретиться с ним на улице, до того тот исхудал.

— Здравствуйте, дядя Коля.

— Здравствуй, Аленка. Ты молодец, не побоялась чужих языков, зато у парня продолжение будет. Татьяна опустила глаза, ведь им не расскажешь, что она Игоря упрасивала, только он наотрез отказался.

Аленка впервые услышала искренние слова одобрения от постороннего человека и, обняв его за шею, захлопала носом.

— Всемирный потоп, — заключила Марина, ставя чайник на стол. — Ой, киевский, мой любимый, — восхитилась она, сняв крышку и облизывая палец.

И вновь разговор закрутился вокруг войны в Афганистане, негромкий, все пытались понять, зачем там наши войска, кому они помогают, и кто там убивает их детей и любимых.

12.

Аленка ушла в девятом часу вечера, она отказалась от того, чтобы ее проводили, но когда спускалась по лестнице, навстречу ей шел мужчина, наверное, старше в два раза, но очень похожий на Сашу. Нет, глаза его были другого цвета и ростом был ниже, но похожий чем-то.

Глядел он также, словно фотографировал, хотя задержался на ней взглядом несколько секунд. Она спустилась на один пролет и оглянулась, он шел к Кузнецовым. Постояв, Аленка побрела домой. Вдруг вспомнив, расстегнула пальто, подняла свитер и, найдя фотографию, остановилась под фона-

рем. Он улыбался ей, девушка прикоснулась губами к лицу, которое врезалось в ее память. Господи! Она комсомолка, но обязательно будет верить в Бога, если он оставит Саньку в живых. Это несправедливо, если он даже не узнает, что у него будет ребенок. Ей не надо алиментов, она вырастит, они вырастят: все, начиная от бабушки и кончая ворчливым папкой ждут появления малыша. Мама вяжет носочки и шапочки, отец заказал детскую коляску и одежду в разные концы страны, куда едут его знакомые. Ей ничего от него не нужно, только немножко любви. Аленка знает, что за ее спиной перешептываются, но никто ни разу не сказал вслух о том, какая она глупая. А бабушкины подружки обязательно остановят и расспросят о самочувствии. Софочка молодец, она не умеет ни шить, ни вязать, но с ней интересно, как с подружкой. Она выпытывала у Аленки, хороший ли Санька любовник, а девушка, краснея, ответила правду: «Не знаю, я была с ним только один раз, а других у нее не было».

— Потому-то и залетела, что, глупая, — Софочка сочувственно гладила ее плечи и руки, когда Аленку в очередной раз стошнило. Они ходили с мамой к врачу, тот велел ей быть осторожной, потому что резус крови отрицательный, и если Аленка не доносит этого младенца, то рождение второго может и не состояться. Опасность патологий у ребенка возрастает. Поэтому она, несмотря на то, что поправилась совсем немного, ходит медленно и нисколько не злится из-за тошноты.

«Больше положительных эмоций», — это указание в семье выполняют все, кроме Саши, хоть бы узнать, что он жив и здоров и... и чуть-чуть любит ее.

После ухода Аленки в квартире Кузнецовых воцарилась тишина, которую, кашлянув, прервала мать:

— Что же ты, Марина, так неуклюже с подругой-то?

— Я что-то не поняла, Витька что, в армию ушел? — спросила девушка, слизывая крем с оставшегося кусочка торта.

— Да не от Виктора она ребенка ждет, а от какого-то другого парня, который в Афганистан уехал воевать.

— И давно Аленка беременна? — Марина внимательно глядела на мать, начиная догадываться о чем-то, но в дверь вновь позвонили, и она побежала открывать.

— Вам кого, — не очень любезно спросила она у незнакомого мужчины.

— Кузнецовы здесь живут?

Мать, хватаясь за стены, побежала к выходу и отец, изменившись в лице, вскочил, уронив стул:

— Это от Игоря, что с ним?

— Все в порядке, — раздался четкий по военному голос, — я с весточкой от него.

Но матери стало плохо, она никак не могла вздохнуть. Ее усадили, Марина накапала корвалола, видя, что и отец бледный, дала выпить и ему.

— Полканов Павел Егорович, — представился мужчина. — Меня тут в Союз командировали, я решил к вам заехать, сказать, что с вашим сыном все в порядке. У меня час времени, вы письмо ему соорудите.

— Сейчас, сейчас, — воскликнули обе девушки, — вы садитесь. Чаю попейте, у нас и торт есть.

— Может, чего покрепче? — спросил отец.

— Спасибо, крепкого я уже выпил, а от чаю не откажусь.

Девушки, слушая тихое повествование о том, что жизнь у Игоря, похожа на курорт, писали ему письма. Они не знали, что Полкан умеет владеть собой и его интеллигентная внешность такой же камуфляж, как гражданская одежда.

13.

Полкану поручили набрать и подготовить еще одну группу бойцов. Оставив вместо себя Саньку, он проехал по училищам. Советовался с начальниками и, выбирая добровольцев, понял, что подсознательно ищет детдомовских. Почему? Он бы не мог ответить. И совсем не потому, что их некому оплакать. Может быть, потому, что сам он был послевоенным сиротой? А может, глядя на Саньку, понял, что они самой жизнью запрограммированы на выживание.

Идя по улицам города, он чувствовал себя здесь чужим. В голове не укладывалось, как люди могут веселиться, влюбляться, ходить в кино, когда там война. Павел понимал, что, не дай Бог, будь война в Советском Союзе, люди бы так не относились к ней. Значит, эта война неправильная, под каким соусом ее не подавай. Только родители тех, кто носит погоны, и сейчас умирают от страха за своих детей. Взять отца Игоря, мужик прикурить не мог, так дрожали руки в ожидании плохой вести. Слава Богу — набожным он стал за последние годы, Слава Богу, он к ним не с похоронкой. Но кто знает, что случится завтра. А Саньку никто не ждет. Парень — прирожденный тактик. За друга порадует, тому и девушка, и сестра написали. Согреют и его строки. Он не знал содержания писем и, хоть они были не заклеены, даже глазами не пробежал. Этот все правильно прочитает.

Так и случилось, Игорь читал Саньке оба письма вслух, даже те строчки, где Танюшка упрекает его в том, что не подарил ей брачную ночь, а еще лучше бы оставил ей ребенка, не тосковала бы тогда она, некогда было. Читая письмо Маринки, Игорь запнулся в том месте, где она пишет, что Аленка ждет ребенка. Он почему-то думал, что она нравится Саньке, а он ей. Но, видимо, предпочла спокойную жизнь со своим Витьком. Он неплохой, в общем-то, парень, балабол только.

Эти два листочка, написанные торопливым женским почерком, смогли унести его мысли через горы туда, где светились теплом окна и глаза любимой девушки, видел Игорь и мать, дрожащую, как осинový листок, понимая, что если не вернется, то и они с отцом на белом свете долго не задержатся.

Санька с молчаливой полуулыбкой слушал нехитрые строки о той жизни на гражданке, все ему казалось немножко наивным, но уходить от друга не хотелось, он как будто ждал чего-то еще. И дождался, значит, замуж та глупышка вышла, и уж ребенка успела смастерить. Кольнуло что-то в груди досадой, но он отогнал от себя эту мысль. Спать надо, не знай когда опять поднимут.

Спроси кто Марину, почему она не написала Саше, что ребенок у Аленки от него, она не ответит. Любила она подругу, но летом, когда Санька приглашал Аленку на танцы чаще, чем ее, Марине хотелось, чтобы та уехала куда-нибудь на это время или со своим Виктором ушла в другую кампанию. Ведь есть же у них другие друзья — обкомовские. В этот момент забы-

лось, что она всегда ценила в Аленке ее простоту в общении, никакого зазнайства. Маринка у них много раз ночевать оставалась и обедалась икрой из пайков или колбасой копченой «салями», ее только обкомовским и давали, в свободной продаже нигде не было. И списывать Аленка давала, если Маринка зачитается романом и уроки не сделает. Домашним она не сказала, что стажироваться пошла на хирурга. Вдруг война не кончится, она тогда поближе к Сашке может оказаться. Марина опять не попросилась с Аленкой, даже по телефону. И от этого гадко было на душе, как будто она предала свою лучшую подругу.

14.

Если вдуматься, то звучит очень страшно: они привыкли к войне. То есть, если два-три дня не было операций, то наваливалась тоска. Хотелось чего-то: или выпить, или обкуриться чарсом. До наркотиков они еще не дошли, а за водкой, отвратно пахнущей и такой же противной на вкус, надо было лететь к духанщикам на вертолете по обстреливаемому пространству. Обломки не одного вертолета валялись среди каменистого ущелья, и не все они вылетали на боевое задание.

Планы советского руководства по освобождению сначала северных районов от оппозиции, сконцентрировав там боевую мощь, а затем перейти в соседний, имели бы успех, если бы местные жители поддерживали советскую армию. Но стоило батальонам передислоцироваться, как моджахеды вновь атаковали их из только что освобожденных кишлаков. Вскоре на этот план махнули рукой, тем более, что южные границы Советского Союза надежно прикрыли маневренные группы пограничных войск, составив конкуренцию Сороковой армии, дислоцировавшейся в Афганистане.

Санькина группа еще только отрабатывала тактику, которая после многочисленных ничем не оправданных кровавых потерь будет принята за основу борьбы с душманами. Но произойдет это нескоро, хотя даже рядовые понимали, что только хорошо подготовленный состав способен справиться с хитрым врагом на его территории.

А пока их заговоренную группу раз за разом поднимали по боевой тревоге, перебрасывали порой на другой конец страны, чтобы ликвидировать очередной исламский партизанский отряд, на выручку которым спешили новые, хорошо обученные в Пакистане моджахеды. Самое современное оружие караванами верблюдов и машин доставлявшееся в Афганистан, было опробовано против наших войск.

Этим утром перед Санькиной группой поставили задачу, которая стала для нее будничной: с отрядом обеспечения движения сопроводить автомобильную колонну, груженную бензином — КАМАЗы — наливники, «шаланды» в количестве пятидесяти единиц по маршруту Кабул — Газани. Насколько опасным оказывалось сопровождение колонны, свидетельствовал приказ командира десантной части, которым личному составу доводилось, что после пятнадцати сопровождений принимавших в нем участие офицеров, прапорщиков и солдат представлять к государственным наградам.

Они примут колонну в Теплом стане (пригороде Кабула) и под усиленным отделением десантников пойдут на расстоянии зрительной связи впереди. Армейская пехота равномерно распределится между наливниками.

За замыканием колонны пойдет танк. Над ними будут постоянно баражировать два вертолета с огневой поддержкой. Над горными вершинами солнце нарисует алую полосу зари, но никто не будет любоваться ею. Кишлаки всегда начинены сюрпризами. Говорят, два месяца назад здесь на фугасах подорвались два БМП и самыми легкими ранениями были контузии, кровь сочилась из ушей солдат. Вдоль дороги стояла выведенная из строя техника. Леха первым увидел обезглавленный труп солдата в форме афганской армии. Санька приказал осмотреть дорогу вокруг него: и справа, и слева от него на обочинах были установлены мины итальянского производства ТС-1, рассчитанные на объезжающую труп технику. Олег и Леха обезвредили их, как и мину под трупом. Колонна продолжила движение. Выйдя из кишлака, который солдаты называли между собой «Бермудским треугольником», и пройдя километр, Санька вновь остановил колонну, и опять чутье не подвело его: в пяти метрах от обочины он выдернул провод, ведущий к управляемому минному полю, а где-то метрах в трехстах сидел «дух», готовый нажать на кнопку. Леха перерезал одну жилу провода. А командир приказал обработать из гранатометов прилегающую местность. Через десять метров от первого провода Олег нашел второй, который вел к еще одному управляемому минному полю. Этот провод также перерезали. Между минными полями душманы установили стреляную гильзу, которая бы помогла им установить середину «наливников» для уничтожения. Благодаря сильному огню по предполагаемому месту управления и работе Санькиной группы, минные поля не сработали. А в них, в каждое входило: восемь фугасов, мины ТС-1, стреляные гильзы от танков, наполненные пластидом и кусками фосфора, от которого горит даже железо. Работа духами была проделана титаническая: каждый подкоп с обочины не менее полуметра. На обезвреживание минных полей ушло три часа. Если бы они сработали, колонна сгорела бы, как факел. Загрузив все фугасы в отдельный БТР, в котором отсутствовал личный состав, кроме механика-водителя, колонна продолжила путь на Газни.

На одной из гор виднелось черное пятно — след разбившегося вертолета, да часть обломков двигателя. Экипаж сгорел. Вертолеты покружились над горой, отдавая честь погибшим.

Населенный пункт Майдан-Шахар прошли без сюрпризов, так как в нем располагался афганский гарнизон. В общей сложности колонна прошла шестьдесят километров, это середина дороги между Кабулом и Газни. Здесь их встретило сопровождение из Газни, которому они и передали ее. По приказу назад они должны были возвращаться пустыми, но от них пришлось принять незапланированную колонну в количестве трехсот единиц. В ее состав входила автомобильная техника, следовавшая за продуктами и боеприпасами; две автомобильные роты пустых «наливников», а также боевая техника, груженная на тягачи для капитального ремонта. Не останавливаясь, они начали двигаться в сторону Кабула. Цепочка вытянулась на километры, и самое сложное заключалось в том, что тяга — «ураган» по ширине занимал полностью всю дорогу. При любой остановке «урагана» все следовавшие за ним машины останавливались — отличная мишень для душманов.

«Замок» колонны передал, что за ними следуют мирные афганцы, они везли свой урожай в Кабул. Колонна двигалась медленно. Санька знал, что если они не вернуться в Кабул до пятнадцати часов, то в кишлаке перед ним их встретят моджахеды. Он приказал по радиосвязи сомкнуть колонну как можно теснее, остановив головную машину, а сам вместе с отрядом сопровождения и десанниками блокировал дорогу. Взвод с минерами медленно входил в кишлак. Командир опять разрушил замысел моджахедов, которые надеялись, вывести из строя «ураган» и, расчленив колонну, легко уничтожить оставшуюся часть.

Санька приказал Игорю с группой десантников обойти кишлак справа от дороги, блокировав его сзади, Рустам с еще одной группой обошел селение слева, выйдя в тыл к душманам.

Для них это оказалось шоком. Когда кишлак был блокирован по флангам, Санька с группой сопровождения блокировал елочкой дорогу в самом кишлаке и приказал колонне двигаться. Огонь большой плотности обрушился на колонну, но свинцовый дождь с тыла охладил моджахедов. По радиосвязи ему передали: «Сахар, у меня два трехсотых». Пришлось посылать за ними БТР. Одного десантника ранили в шею, и он вскоре скончался, а второго, — вот что значит судьба — ранило пулей из английского ружья «бур». Она пробила бронежилет. Оказанная на месте помощь давала надежду спасти парня, но на крыльце госпиталя, до которого они доберутся через пятнадцать минут, на руках товарища, закрывающего сквозные раны ладонью, парень скончается.

С наступлением темноты вертолетчики, сбросив последние две «капли» — авиабомбы, направили вертолеты в Кабул. Подбитый «ураган», находившийся предположительно в середине, загорелся. Колонна разделилась на две части, и второй пришлось искать объезд под пулями душманов. Но через два часа и она была в Кабуле.

Все это время Санька испытывал действие адреналина, как будто соревновался со взбесившимся кабаном, применяя против него его же уловки. Потом он почувствует пустоту внутри и холод. Ляжет спать и проспит сутки до следующего задания.

15.

О том, что с Санькой случилась беда, первой узнала Аленка. Вернее не узнала, а почувствовала. Был конец мая, она давно не ходила в институт. Готовила дипломную работу. Защищаться девушка решила в керамике. Были у нее и изделия на гончарном круге, которые Аленка делала в мастерской настоящего художника. Но сейчас она покрывала разрезанные на отдельные кусочки небольшого размера изображения старого города. Работала увлеченно, эмаль после обжига меняет цвет, и она старалась не допустить ошибки. Сложив изделия в мощную муфельную печь, простоя у нее своя есть, девушка позвала Бориса Александровича — скульптора, чтобы он проверил, правильно ли она уложила детали своего панно, не потрескаются ли они. Он посмотрел в зев пока еще холодной печи, закрыл чугунную дверцу и включил ее. Опустив в стеклянную банку самодельный кипяtilьник, художник предложит ей попить чаю. Радуюсь, что работа почти закончена, она распахнет окно — на улице тепло, даже жарко, а здесь в полуподвальном помещении, холодно. Аленка была в легком платье, пузырявшемся

на животе. Портниха сшила с запасом, живот у нее не вырос до таких размеров, хотя до родов осталось всего-то две недели. Но сев, почувствует сильный страх, побледнеет и покроется липким потом. Борис Александрович, глядя на нее, сильно испугается и опрометью бросится наверх, где был телефон. Вызовет скорую, решив, что начались роды. Приехавший фельдшер, окинув роженицу беглым взглядом, подумает, что тревога ложная — живот еще даже не опустился, но поможет ей дойти до машины. А в скорой Аленке второй раз станет худо, все внутренности скрутят в узел, ей, да и старой акушерке тоже покажется, что она умирает. Скорая с воем помчится по улицам к ближайшему роддому. На глазах фельдшера живот с бульканьем опустится, по ногам потекут воды. Пожилая женщина будет ругать себя за то, что не подготовилась к приему ребенка и начнет суетливо наставлять медсестру. Но это было только начало Аленкиных мук. Вскоре пошли схватки, сначала с большими перерывами, и в один из них ее переведут из машины в палату к другим роженицам. А после звонка матери, которой о случившемся Борис Александрович сообщил после отправки, переведут в отдельную палату. Только Аленке было уже все равно — схватки участились, подъехавшая на такси мать держала ее за руку, напоминая, как дышать, но девушка ничего не слыша, сжимала запястье матери с такой силой, что синяки потом держались больше недели.

— Мам, мама, это Сашу ранили, — прохрипела она в короткий промежуток между схватками. А через минуту опять закричала от боли, которая разрывала ей поясницу и низ живота.

— Доктор, да сделайте же что-нибудь, — громко позвала Лидия, видя, как надуваются вены на лбу дочери.

— Не паникуйте, мамаша, все идет свои чередом, — сказал гинеколог после осмотра. — Часика через полтора будете бабушкой.

Правы оказались и доктор, и Аленка.

Санька в первый раз нарушил наставления Полкана. Они проводили зачистку в кишлаке в районе Меймена. Из-за опасности обстрела с гор вертолеты не садились в долине, но сегодня их должны были забрать, усыпленные долгим спокойствием моджахеды не сразу среагируют на посадку, скорее даже на зависание над долиной, так думал Санька, прикрывая отход своей группы. Но тут из-за глинобитного забора выглянула любопытная голова ребенка лет шести. Он знал, что оставлять свидетелей нельзя, но, видя живые черные глазенки через прицел, выстрелить не смог. Сашка приложил палец к губам, показывая малышу, чтобы тот молчал, и быстро побежал вслед за ушедшими. Он даже не понял, что его ранили, не услышал выстрела, только почувствовал сильный толчок в руку, которую вдруг обдало холодом. Он бежал еще какое-то время, кажется, даже окликнул Леху, ожидавшего его. Но потом все закружилось, в ушах засвистело, заставляя Саньку искать глазами источник странного шума. Если бы Рыжий ушел дальше, они бы его не дождались потому, что вертолет, зависший над долиной, уже подобрал основную группу. Леха, маленький крепыш, взвалил Саньку на плечо, подобрал его автомат и как-то смешно побежал к вертолету. Принявшие его на борт бойцы засуетились — командир был без сознания. Лицо позеленело. Из руки, пробитой навывлет в области двуглавой мышцы, ручьем вытекала кровь. Они наложили жгут, даже напатыркой поводили перед

носом, Санька не реагировал. Доставив его в госпиталь, парни сиротливо приткнулись рядом — это первое серьезное ранение в их группе.

В операционной, где ему после сшивания влили чужую кровь, Саньку начало бить такой крупной дрожью, что бывалые и, в общем-то, не хилые ассистенты, еле удерживали парня на столе. Потом будут разбираться, почему произошло такое. Только Саньке в тот момент было хорошо. В своем сознании он укрылся в толстой бетонной трубе и полз к выходу из нее, зная, что там, куда он стремится, тихо, тепло и солнечно. Но из другого конца трубы слышался детский голос, нет, не голос, кряхтение грудного ребенка. Как Санька расслышал его, он не знает, но обернувшись, увидел, что голова ребенка застряла среди спутанных проводов нескольких мин. Он развернулся, опираясь на руку, отчего она зажглась болью, и пополз к ребенку. Тот глядел на него зелеными, как весенняя трава глазками, и ждал помощи, уж слишком тоненькие у него были ручки, чтобы убрать провода. Санька развел их и малыш, спокойно задышав, перевернулся и, скатившись в лужу, засмеялся. Но грудь Саньки пронзил удар, от которого свет в другом конце трубы погас, он провалился в темноту.

А в это время в обыкновенном роддоме радовались и гинеколог, и акушерки: ребенок, запутавшийся в пуповине, которая трижды обмотала его вокруг тоненькой шейки, появился на свет и закричал.

— Было бы нам на орехи, если бы задохнулся — это обкомовский малый.

— Хорошо, что родился, просто очень хорошо, потому что других детей у нее скорее всего не будет, — сказал гинеколог, знавший, что резус крови отрицательный.

16.

— Коньяк с вас, Михаил Никифорович, за пограничника, — сказал врач сидевшему на кровати мужчине, который, как простой смертный, успокаивающе поглаживал жену по плечу.

— Почему пограничника? — спросил тот, хотя понял, что родился мальчик.

— Потому, что сегодня День пограничника, — ответил улыбающийся доктор, — на календарь давно глядели?

— Господи, посевная сейчас, я на небо гляжу, а не на календарь. Лидия, коньяк в машине, скажи Толику, пусть принесет и не только бутылку, — крикнул он уходившей вслед жене.

— Дочка как? — вроде бы по мужски твердо спросил Михаил Никифорович, но голос дрогнул.

— Хорошая у вас дочка, лишнего не капризничала, только все Сашу какого-то звала, — с улыбкой произнес врач, привыкший к разным высказываниям рожениц.

— Это она отца ребенка звала, он там сейчас, воюет, — привычно соврал мужчина, который и сам начинал верить в то, что приедет Санька после войны.

Вернулась Лидия с водителем, который тащил огромный пакет. Михаил взял его и, поблагодарив доктора еще раз, вручил ему гостинцы:

— Выпьете за здоровье нашего внука.

— Да что с ним станет: три шестьсот, пятьдесят два сантиметра ростом. Завтра утром принесут на кормление, сегодня мамочка пусть отдохнет.

— До свидания, — Лидия за руку потащила мужа домой, ей не терпелось скорее приготовить комнату для Аленки с малышом. Она сейчас знакомой женщине позвонит, та поможет ей влажную уборку сделать, вечером сам Миша кроватку соберет, еще все пеленки надо перестирать.

— Миш, а ведь ты — дед! — засмеялась радостно женщина, — а я бабушка. Только чувствовала она себя молодой и полной сил, готовой перевернуть мир.

17.

Санька поправился быстро. «Заживает, как на собаке», — думал он, вспоминая странный сон, хотя врачи сказали ему, что у него была клиническая смерть. Они пытались объяснить ему, что иногда кровь той же группы, что и у пациента, не подходит по каким-то параметрам и что в будущем ему лучше не переливать чужую кровь, а еще лучше вообще не получать ранения.

Он отказался от положенного ему отпуска. Здесь, вроде, как семья. И снова закрутились боевые будни. Санька поймал себя на мысли, что убить собаку труднее, наверное, потому что она доверяет человеку. Тут же люди, с которыми он сходил в рукопашной, ненавидели его и не скрывали этого. Если он не успеет опередить, значит, убьют его, проворачивая нож в сердце. Он пока умирать не хотел, хотя в глазах иных бойцов видел полное отсутствие жизни.

Нет, они не трусили и не боялись. Им было все равно. И смерть находила случай прибрать таких, словно она уже жила в их телах, оставалось только наколоть их на штык или подставить под пулю.

Почему мужчины с детства норовят сломать игрушку, разбить нос другому, доказывая свою правоту, можно ведь убедить словами. Но зачем тратить время, когда есть кулак. С другой стороны, выживают более сильные, более хитрые. Может, сам Бог задумал мужчин такими?

А Аленка не думала сейчас ни о чем глобальном. Маленький розовый комочек занимал все ее существо. Она просыпалась за минуту до того, как сын начнет покряхтывать в мокрой пеленке, он не успевал заплакать, как молодая женщина, ласково льющимся из груди сладким голосом упрекала себя за то, что не доглядела:

— Ах, какая мама негодница, сыночек мокрый, а мама спит. Идем-ка, мой золотой, в сухие пеленочки, сейчас мы кушать будем. И, взяв ребенка на руки, испытывала величайшее в мире наслаждение, видя, как маленький ротик, почувствовав тепло и запах материнской груди, хватается за сосок; какое это счастье — разглядывать маленькие пальчики с настоящими ноготками, гладить пахнущую молочком головку. И удивляться тому, что это она сама родила такое чудо. Михаил Никифорович просыпался от Аленкиного воркования, подходил к неплотно прикрытой двери и стоял, грея душу, пока дочь не укладывалась спать или пока за ним не приходила жена.

18.

Пятилетка пышных похорон началась в 1982 году со смерти Леонида Ильича Брежнева. Простой народ ждал изменений к лучшему. Полки магазинов на периферии были пусты. Товары доставались из-под прилавка,

по блату, используя всевозможные связи. Если выбрасывали что-то дефицитное, тут же выстраивались очереди с перебранками, записями на ладони номеров. А то, что производила наша промышленность, носить не хотелось, хотя и стоило дешево. В крупных городах процветала спекуляция. Юрий Владимирович Андропов, сменивший на посту Брежнева, хотел навести порядок, взялся рьяно: на дневных сеансах искали прогульщиков, брали фарцовщиков, научившихся делать бизнес на дефиците товаров, отправляли в ЛТП пьяниц. Новая метла только подняла пыль, но порядки оставались прежними. Может быть, и боялись директора крупных магазинов после того, как был арестован, а позднее и расстрелян директор Елисеевского универмага в Москве, только на местах все также фасовались продуктовые наборы к праздникам, и отличие обкомовских пайков от рабочих было существенным.

Чтобы приобрести добротную вещь, нужно было иметь связь, хотя бы с уборщицей, которая за определенную плату, сообщит, когда ожидаемое завезут на склад. При Андропове завмаги и завскладами процветали также, принимая как данность заискивающее «здравствуйте» от людей далеко неглупых, но выбравших своей специальностью строительство или преподавание. А затем Юрий Владимирович скончается и на его место придет Черненко, который изначально выглядел более первого. Для простых смертных были до смешного не понятны кремлевские игры. Анекдоты зло высмеивали власть, но ей, как и во все времена, было не до народа.

О воинском контингенте в Афганистане, кажется, забыли наверху. Потому что признать ввод войск в чужую страну ошибкой значило бы для многих высших чинов в армии распрощаться с насиженным и теплым местом, а они не хотели. И каждый призыв в армию становился лотереей для призывников. Первый вопрос после прохождения медкомиссии: «Куда?» был самым главным. Как бы ни хотели власти скрыть гибель воинов, слухи без всякого радио распространялись быстрее.

Сложившаяся весной 1982 года угрожающая обстановка на востоке Афганистана, в регионе, примыкавшем к Кабулу, заставила руководство операцией сосредоточить батальон спецназовцев в Панджшерской долине, которую контролировала группировка Исламское общество Афганистан под руководством молодого, энергичного и умного лидера Ахмад Шаха.

Его отряды действовали вдоль важнейшей магистрали Кабул — Хайратон, по которой осуществлялось снабжение афганской столицы и большинства частей Сороковой армии с территории Советского Союза. Он наносил мощные удары по транспортным колоннам, кроме того, его отряды действовали и в Баграмской долине, обстреливая аэродром с базировавшейся на нем авиацией, принадлежавшей советским и афганским армиям. Разветвленной сетью его агентов были пронизаны все государственные учреждения Афганистана. О любой намечающейся операции он знал заранее и предпринимал опережающие противодействия. Каждодневные перестрелки вели к гибели большого числа бойцов с обеих сторон. И к осени представители Главного Разведывательного Управления Советской Армии согласились на переговоры с Ахмад Шах Масудом. Факт проведения переговоров означал полный провал «военной коллективизации» Афганистана.

Группировка ОАИ «Панджшер» отказывалась по условиям договора от боевой деятельности против советских войск, но на афганские правительственные войска он не распространялся. Достигнутый компромисс Советская сторона считала за чистую монету, не учтя одного из положений «джихада»: мусульманин должен обмануть «кафера», чтобы потом убить. Но, зная историю Афганистана, нужно было ожидать вероломства. Примером тому служит история с английским лордом. Во время второй англоафганской войны (1868–1872) афганские повстанцы пригласили главного представителя английских оккупационных сил в Кабуле, лорда Макноттена, на переговоры о перемирии. Во время встречи лорд был убит, а лагерь англичан подвергся штурму. Компания была проиграна. И в дальнейшем афганские племена, проживавшие в районах, на которые распространялась юрисдикция английских властей, постоянно нарушали подписанные соглашения и выступали против англичан.

Соглашение, заключенное зимой 1982 года в Панджшере, проработало недолго, чуть больше года. Ровно столько времени понадобилось доктору Масуду для восстановления своих сил. Сразу после достижения перемирия батальон в феврале 1983 года был передислоцирован в Гульбахар. Солдатам и офицерам к этому времени смертельно надоела красивая долина и величественные горы, полные ловушек и неприятных сюрпризов. После негостеприимного и безлюдного Панджшера, в котором практически не осталось торговавших духанов, где цена за бутылку некачественной водки ашхабадского розлива достигала астрономической суммы — 50 и более инвалютных рублей. В самом Гульбахаре обстановка тоже не была спокойной. Однако батальон в самом городе практически не воевал, хотя и подвергался неоднократным обстрелам из минометов и безоткатных орудий. Обстрелы производились ночью и были очень короткими по времени. Дав несколько залпов из минометов, установленных порой прямо в кузовах пикапов, исламские партизаны под аккомпанемент беспорядочной ответной стрельбы покидали окрестности базы. Попытка батальона покарать назойливых моджахедов окончилась печально. Одна из его рот сунулась в зеленую зону в сторону Махмудраки и в полутора километрах от базы напоролась на такой мощный отпор, что у комбата надолго пропала охота перетряхивать Гульбахар. Новая зона ответственности батальона представляла собой довольно обширный регион и включала провинции Кабул, Вардак, Каписа, Парван и даже Газни. Постепенно спецназ начал отказываться от классической тактики, предполагавшей действия небольшими группами, так как это вело в условиях афганской войны к большим потерям. На операции стали выходить поротно или даже сразу несколькими ротами. Спецназовцы простояли в Гульбахаре одиннадцать месяцев, но и за этот период в батальоне мало что изменилось. По-прежнему подавляющее большинство офицеров и прапорщиков до отправки в Афганистан не служили в спецназе и ВДВ.

Считал ли Санька себя, да и ребят из группы героями? Наверное, нет. Хотя понимал, что они делают тяжелую мужскую работу, собственно они к этому и готовились. Видя гибель солдат срочников, рассуждал о глупости высших чинов: конца войны, как бы она не назвалась, не видно. Если влез-

ли в драку, то надо выходить из нее с честью, а не подкидывать, в прямом смысле, мальчиков для битья. Они живы потому, что прошли жесткую школу Полкана. Неужели нельзя организовать подготовку в Союзе? Неужели дешевле организовывать похороны, награждая посмертно молодых парней? Эти тяжелые раздумья перед сном возникали все чаще.

Но в два часа ночи группу подняли по тревоге, посадили в вертолеты вместе с десантниками, и они полетели на промежуточный аэродром, на границе с Пакистаном. Задача, похожая на множество других: захватить и уничтожить перевалочную базу душманов. Там находилось большое количество боеприпасов, наркотиков. На решение данной задачи нам отводилось 20 минут. Группа буднично справилась с поставленной целью, база была захвачена, душманы не понимая, что происходит, бросали оружие и убегали по ущелью в пустыню. Через несколько минут прилетели вертолеты, и бойцы стали грузить оружие, боеприпасы. За эту операцию Саньку и его товарищей наградили медалью «За отвагу». Но Санька не думал о награде — ранили и тяжело Игоря, его отправили в госпиталь в Кабуле, а затем перевезли в Ташкент.

19.

Для молодой матери все смены правительства свелись к родительским разговорам на кухне о том, что может измениться с приходом нового руководителя страны. Но, судя по саркастической улыбке отца, ждать перемен не стоило. Она, успокоенная тем, что отцу ничего не грозит, уложив Сашеньку, рассказывала о том, что произошло за день. И это было куда важнее. Как не волноваться, если у трехмесячного ребенка режутся зубки, деду нужно приготовить подарок — серебряную ложку. Сашенька сказал агу, весь вечер и бабушка, и дедушка улыбались малышу, чтобы услышать это радостное восклицание от внука. Педиатр сердится — слишком быстро кроха набирает вес. Но разве можно отнять от груди ребенка, когда он жадно сосет. Трагедия — стало не хватать грудного молока, надо бегать в домовую кухню и получать положенное бесплатное питание для ребенка. В десять месяцев сын сделал первый шаг. Все семейство сидело на полу, маня малыша к себе, и он переходил с одних рук на другие. В год на дверном косяке сделали отметку — вот как вырос с пятидесяти двух сантиметров. В полтора Сашенька знал маму, бабу, деда и Фофу, приветственно хлопал пухлой ладошкой по протянутой руке. В три родители забеспокоились, что отец ребенка не появится на горизонте, и заговорили о родственном обмене: Софья Андреевна переезжает к ним, а ее квартира в центре города со всем имуществом переходит к внучке. Аленке не хотелось ничего менять, но родители настояли. Теперь все пятеро чаще сходились в родительской квартире, в бабушкиной — девушку одолевала тоска. Уложив сына спать, она долго разговаривала с матерью по телефону, а закрыв глаза, вспоминала Саньку. Ребенок не беспокоил ее по ночам и просыпался не раньше девяти утра.

— Почему ты не едешь к нам, — говорила она с ним. — Мы хорошие, Сашенька спокойный и очень умненький мальчик, он тычет пальчиком в твою фотографию и говорит «папа», Аленка давно увеличила украденный снимок. Знакомый фотограф помог — сделал отличный одиночный портрет.

— Я симпатичная, правда, я не вру, когда мы гуляем с сыночком, парни просят Сашеньку познакомить с матерью. Только мы им говорим, что у нас есть папка — самый лучший на свете. Аленка слышала свой жалобно звучащий в тишине голос и плакала. Ей двадцать четыре, скоро будет двадцать пять. Встреченный недавно Виктор обрадовался, увидев ее, хотя и был с другой девушкой. Только у нее ничего в груди не дрогнуло. Она несколько раз звонила Кузнецовым, разговаривала с тетей Надей. Та сообщила ей, что сведения от Игоря приходят редко, с какой-нибудь оказией, то кто-то в отпуск приедет — передаст, то в командировку. А Маринка такое отчубучила, что они с отцом долго места не находили: она поехала работать в Ташкент. Но там, хоть и не так далеко от границы, все вроде бы спокойно. Письма шлет регулярно, пусть и нечасто. Женщина поинтересовалась, не возвратился ли ее жених?

— Нет, и весточек никаких нет от него, — расплакалась Аленка, ожидавшая узнать что-нибудь про Саньку.

Весна — время, когда особенно хочется быть любимой. Поправившаяся было после родов, сейчас она опять пришла в прежнюю форму, только груди слегка увеличились. И хотя скажут однажды с экрана телевизора, что секса в России нет, но он был. И не одна пара мужских глаз задерживалась на стройной фигурке, когда цокая каблучками, спешила Аленка домой, а грудки подрагивали в такт им. Только не оглядывалась она на жадные взгляды, а тот, для кого все это береглось, даже не догадывался об этом.

20.

Марина продержалась месяц, а потом закурила. Читать о мужестве и полной самоотреченности сестер милосердия в Первую и Вторую мировую войну и считать, что она способна на такое было явной переоценкой своих качеств. Так думала она, но не военные хирурги госпиталя в Ташкенте. И полковник Никитин, и майор Савицкий были удивлены желанию молодой красивой женщины заняться военной хирургией добровольно. На первых порах ей не доверяли оперировать самостоятельно, она ассистировала, но простоять на ногах несколько часов подряд, видя изуродованные мужские тела, рваные, резанные, осколочные ранения — само по себе испытание. Девушка справилась с ним, во всяком случае, они не слышали от нее жалоб и нытья. А то, что по ночам ей снились обрубки ног и рук, брошенные в таз, кровавые внутренности, знала лишь она. Горечь подкатывала к горлу и разъедала его. Однажды, видя, как она, бледная, вышла из операционного блока на крыльцо, кто-то из раненых предложил ей закурить, и она приняла сигарету. Это была «Прима». Горький дым ударил в голову, Марина закашлялась, боец удивленно спросил:

— Первый раз?

Марина кивнула:

— Да.

— Зря я вам дал, не стоит к этому дерьму привыкать. Да вы сами врач, чего вам говорить.

Но Марина в тот же вечер купила себе «Опал», эти сигареты не липли к губам, а горечь, вместе с выдохом дыма, перетекала из сердца на язык. И она, сплюнув ее, вновь готова была идти к больным. Очень непросто

каждый день заходить в палату, где, несмотря на запахи крепкого мужского пота и гнойных ран, герои-мальчишки встречают тебя, как спасительницу. Ей врезались в память глаза солдата с осколочным ранением в голову, он не мог видеть снесенную часть черепа с затылка. Выжить с таким ранением невозможно, но он, большей частью находившийся в бреду, при ее обходе, приходил в себя и, улыбаясь, шептал:

— Я выживу, сестренка, у нас головы дубовые.

Наверное, только Марина и понимала его слова, так они были тихи, будто рождались от шелеста пересохших от жара губ. Она гладила его руку, наклонялась к самому уху, и говорила:

— До свадьбы заживет. Но он умер ночью, когда девушка, уставшая от очередной операции, притулилась в ординаторской на кушетке и заснула. Кто-то из коллег накрыл ее простынкой. Марина, пришедшая на обход, на следующий день не могла спокойно смотреть на свернутый матрац. Еле-еле закончила обход, а потом плакала в белье. Его звали простым русским именем Коля, и фамилия была самая замечательная — Ромашов. Потом Марина будет учиться относиться в раненым как к пациентам. Только так и не научится. Может быть потому, что все они напоминали ей о брате и Саше, ради которого она и приехала сюда. Она расспрашивала бойцов, не слышали ли они о них. Кажется, кто-то слышал, только там почти у всех парней были прозвища. И об одних и тех же людях шел разговор или нет, было неясно.

Но весной тысяча девятьсот семьдесят третьего она узнала точно. Придя утром в госпиталь, получая чистый халат от кастелянши, она услышала разговор:

— Не жалец парень, а красавец.

— Почему ты думаешь, что не жалец?

— Да ты что, сама не видела: желтый весь, худой, говорят без сознания уже больше недели. Инфекцию вместе с осколком в живот занесли.

— О ком это вы? — спросила Марина медсестру и нянечку, стоявших возле закрытой двери в палату.

— Да, вот, вчера из Кабула перевезли парнишку.

— Как фамилия бойца?

— Кузнецов, Игорь Кузнецов.

Марина, оттолкнув оторопевшую женщину, распахнула тяжелую дверь.

21.

Она не узнала бы его, если бы провезли мимо, так как окинув палату взглядом и увидев всех раненых на своих местах, не сразу поняла, что мужчина на крайней к двери кровати и есть ее брат. Запавшие глаза были закрыты истонченными веками, обескровленное лицо и руки желто-зеленого цвета. Губы обметало. Марина упала на колени и прижалась лбом к тыльной стороне ладони:

— Братка, Гога, проснись, — прошептала она, но бойцы удивленные необычным поведением всегда собранной докторицы, замолчавшие вдруг, расслышали ее слова.

Неизвестно, чтобы она сделала в следующее мгновение, но дверь в палату снова распахнулась, и вошедший полковник Никитин резким голосом скомандовал:

— Лейтенант Кузнецова, немедленно выйдите из палаты, это не ваш раненый.

Марина, опираясь на край кровати, медленно поднялась и вышла в коридор.

Пустота в животе от страха, что именно ей выпадет первой увидеть мертвого брата, вытеснила все другие мысли. Полковник долго не выходил. А когда появился, то вместо сочувствия, грозно посмотрел на нее:

— Займитесь перевязками, вы на службе, в эту палату ни ногой — и твердым шагом направился в ординаторскую.

Марина задохнулась от жестокости всегда подтрунивавшего над ней врача. И хотела было уже нарушить его приказ, но, полковник, обернувшись и от самой двери напомнил:

— Раненые ждут вас.

Девушка не знала, что старшей медсестре было поручено вызывать в перевязочную только тех раненых, которые пошли на поправку. Она зашла в высокую и неуютную перевязочную, вымыла руки и, надев перчатки, вызвала первого солдата. Рана на ноге затянулась, она потрогала красноватые ткани вокруг нее — солдат вскрикнул. Удивленная Марина, подняла на него глаза:

— Что, так сильно болит?

— Вы уж поаккуратнее, док, — обиженно проговорил парень.

Марина сосредоточилась на больном, уже мягче исследовала рану и, дав указание медсестре, сделала пометку в карте.

Второй раненый тоже оказался капризным и требовал повышенного внимания к себе. Мысль, что ей сегодня, наверное, не следует работать, посетила ее при приеме третьего бойца. Она сказала это медсестре, но та, словно не слыша, позвала следующего пациента, подмигнув ему.

А в это время в ординаторской совещались хирурги госпиталя, изучив историю болезни, они решали, смогут ли помочь парню выкарабкаться. По всем показаниям он должен идти на поправку, но все было наоборот. Приказав готовить операционную, полковник еще раз просмотрел заключения Кабульских хирургов, потом вышел в туалет и, открыв форточку, закурил: «Значит, наша барышня не стальная», — сделав этот вывод, хирург прищурил слезившиеся от дыма и резкого запаха глаза и, сделав последнюю затяжку, пошел готовиться к операции.

Марина закончила прием, стянула перчатки, и по привычке вымыв руки, вышла в коридор. В операционной горел свет, значит, кого-то оперируют, она заглянула через неплотно занавешенное окно. Оперировал сам Никитин, Савицкий ассистировал. Ей показалось, что операция началась недавно, так как, док еще не выпустил скальпель из рук, он смотрел на какой-то кровавый комок, который майор держал в зажиме. Но уже в следующий момент полковник, заложив в брюшную полость марлевые тампоны, накладывал не очень тугой шов. Она упустила тот момент, когда оба хирурга, направились к выходу, потому что анестезиолог снял с раненого маску. Они оперировали ее брата и, судя по их действиям, не преуспели в этом.

— Вы опять здесь, — произнес Никитин, увидев ее у двери, но сердиться ему не хотелось, — идите домой, ваша помощь ему не потребуется.

Марина почти бегом спустилась по лестнице, прямо на халат набросила плащ и направилась к Главпочтамту.

«Таня, выезжай срочно, я встречу. Если сможешь, позвони. Маме не говори. Марина», — девушка протянула текст телеграммы почтовой работнице, та пересчитав слова, спросила:

— Молнией?

— Да!

— С вас три рубля восемьдесят семь копеек.

22.

Полкан привез новую группу и встретился с Санькой, который и до этого был не особенно разговорчивым, а после ранения друга ушел в себя. Парень ему не понравился. А тут еще Рыжий Леха сказал Полкану наедине, что командир перестал ощущать страх и просто везение, что моджахеды в последней засаде его не уложили.

Нельзя себя винить и ставить выше Бога, подумал тогда полковник, но для себя решил, что парню надо хотя бы на какое-то время выбраться из этого ада — три года ходить по острию ножа, поневоле все ощущения притупятся. Он попросил Леху приглядывать за командиром, а сам стал прикидывать, как лучше обратиться к командованию, чтобы не списали бойца со счетов. Обратно Полкан полетит вертолетом через Ташкент, а Леха и Олег будут стараться во время следующих операций не выпускать Саньку из поля зрения. Может быть они, а, может, сам Бог так распорядился, но отчаянность командира не будет наказана.

В одной из операций, кроме Санькиной теперь уже роты спецназа, принял участие десантно-штурмовой батальон. После высадки с вертолетов перед войсками стояла задача разгромить базу моджахедов, расположенную в долине между двух гор. В соответствии с планом операции, агенты из числа афганцев должны были обозначить кишлак, в котором находилась база, треугольной материей белого цвета, острые углы которой указывали бы направление на кишлак. Полотна предполагалось разместить на нескольких вершинах этих двух гор.

Однако то ли из-за ошибки летчиков, то ли из-за ошибки агентов высадка десанта произошла совершенно в другом районе. Полотнища были разложены, кишлак стоял на месте, горный рельеф полностью соответствовал макету, по которому они готовились к операции. Десант высадился и очутился в... Иране.

Бой длился недолго. Нападения явно не ожидали, поэтому сопротивление было слабым. Когда с кишлаком было покончено, спецназовцы обратили внимание на то, что некоторые из погибших моджахедов одеты в незнакомую иностранную военную форму с погонами. В центре кишлака находился просторный дом, над которым развевался трехцветный флаг. Ничего подобного спецназовцы раньше на разгромленных базах моджахедов не встречали.

Из короткого допроса пленных стало ясно, что высадка произошла в Иране. Тот кишлак, в котором должна была проводиться операция, оказался за спинами спецназовцев в 15 километрах. В этой же деревне размещался пост иранской пограничной стражи и небольшая перевалочная база моджахедов. Окончательно картина прояснилась под утро, когда десант-

ники были атакованы иранским мотопехотным батальоном, действия которого поддерживала с воздуха пара «Фантомов».

Воевать с армией соседнего государства спецназовцы не собирались. Надо было срочно убираться восвояси. Настроение у бойцов упало до крайней черты: мало того, что они не выполнили поставленной задачи, так еще и «наследили» в чужой стране. По словам участников вылазки, отступление они проделали мастерски — бежали быстро. Рота практически не пострадала, потерь не было. Руководство оставило этот факт без внимания, хотя Иран заявил ноту протеста.

Потом над ними долго посмеивались. Но Санька понимал, что раньше такое с ним произойти не могло бы, просто он не проконтролировал ход операции от начала до конца, доверившись летчикам. Он не оправдывал себя, он просто устал.

23.

Марина, несмотря на запрет главного хирурга, осталась ночевать в госпитале. Она всю ночь просидела в палате реанимации с дежурной медсестрой. Дыхание брата было поверхностным, нос заострился. И сейчас девушка думала не как хирург, а как обыкновенная суеверная женщина, ей вспомнились слова бабушки, которая говорила о ком-то из знакомых: «Помрет скоро — нос острым стал». Чтобы отвлечься от невеселых мыслей в здании, где боль пронизала стонами даже стены, она тайком достала историю болезни брата и вновь перечитала ее. Почерком Никитина была сделана новая запись и Марина, разбирая скоропись хирурга, не сразу поняла, что у Игоря есть шанс выбраться. Ему удалили селезенку и часть печени вместе с крупным осколком, но еще один мелкий с нитями ткани гимнастерки остался. Он-то и вызвал воспаление, организм отторгал чужеродное тело. Именно его держал Савицкий вчера зажимом. Теперь ей стало понятно, почему в животе Игоря оставили марлевые тампоны, хирурги не отказывались бороться за жизнь брата, потому и наложили не сильно стягивающий шов — будет повторная операция. Она просмотрела лист назначений — все сходится. Обрадованная, она в тот момент, когда Верочка отлучилась с поста, положила карту болезни на место, зашла к брату. То ли самовнушение, то ли на самом деле, но ей показалось, что Игорь дышит чуть ровнее, она погладила его лоб, мокрый от пота, потом промокнула своим носовым платком, поцеловала исхудавшую руку и, разгладив концы простыни, ушла в ординаторскую:

— Верочка, позовешь меня, если Игорю станет хуже.

— Конечно, Марина Николаевна. Идите, а то совсем не успеете отдохнуть.

Ей надо выспаться, сегодня больные несколько раз делали замечания. Накрывшись вылинявшим байковым халатом, она еще долго не могла заснуть, ворочаясь на больничной кушетке, и только закрыла глаза, как ей показалось, услышала голос Никитина:

— Марина Николаевна, вставайте. Полина Ивановна, — обратился он к вошедшей кастелянше, — вы не могли бы нам чайку заварить?

— Сейчас, сейчас, Андрей Ильич.

— И халаты нам свежие принесите, — добавил он вслед семенящей женщине.

Марина чувствовала себя уставшей, во рту было горько оттого, что много курила вчера. Но, поправляя измятый халат, она сделала бодрый вид:

— Доброе утро, Андрей Ильич.

— Пусть оно будет добрым для всех раненых. А нарушать приказы начальства — плохо, на первый раз, я вас прощаю, но больше поблажек не ждите.

— Я не буду, честное слово, я больше не буду.

— Верится с трудом. Да, сейчас не об этом. Положение вашего брата тяжелое. Еще сутки он будет под анестезией. Если температура спадет, а она должна снизиться, мы постараемся подкормить его глюкозой, вольем немножко крови, а потом...

— Еще одна операция, — закончила за него Марина.

— И долгие месяцы восстановления. Ухаживать за ним есть кому? Вас мы сейчас отпустить не можем.

— Есть, есть. Таня завтра приезжает. Девушка его.

— Вот и замечательно. А сейчас приведите себя в порядок, подменять некому.

Андрей встал и вышел в коридор. Похлопал себя по карманам, ища сигареты, но потом передумал и посмотрел в окно — весна в Ташкенте выдалась жаркая, а здесь, за каменными стенами, всегда пасмурно, и лишь глаза выздоравливающих засветятся от радости, что минула их косяя, и согреют его по настоящему.

24.

Сашеньке пошел четвертый. Они с мамой отнесли в садик целый мешок конфет и овсяного печенья. И ребята, поставив его в круг, пели каравай и поздравляли с днем варенья, как Карлсон из мультика. Дед подарил привезенное из Германии «Лего», Софочка — автомобиль с дистанционным управлением, бабушка книжку «Чудо-дерево», а мама целых две машинки, точные копии настоящих — «Волгу» и «Ниву». Саше захотелось, чтобы день рождения был не один раз в году, он долго еще спрашивал, скоро ли тот будет опять, но поняв, что праздник Нового года случится раньше, стал заказывать подарки Деду Морозу: рисовать, что ему очень нужно и оставлять вечером на тумбочке у входной двери. Утром, когда они с мамой просыпались, рисунка уже не было.

В этот раз, поскольку он большой, не в малышовую группу же ходит, Саша заказал Деду Морозу папу — настоящего, не на портрете. Нинку, вредную и толстую из садика забирает папа, за Ромкой папа приезжает на машине. Нет, на машине дед его катает, ему не надо машину, а вот папу надо. Чтобы от собаки спас, а то, когда они с Софочкой гуляют, то оба пугаются большой соседской овчарки и, хотя она в наморднике, все равно страшно. Даже за Серегой, его другом, папа иногда заходит, правда от него пахнет пивом, Саша нюхал — в бане он пил лимонад, а дедушка пиво. Только Сережкин папа не из бани пришел. Все равно, пусть, хоть пивом пахнет, но зато он друга на плечи сажает и тот летит, как на вертолете. Но маме Саша про папу говорить не будет, когда он ее спрашивает про него, мама смотрит на портрет и говорит: «Вот кончится война и он приедет», а потом

плачет потихоньку. Саша поинтересовался, ему, что ли медали нужны? Пусть он дедушкины возьмет — дед не жадный. И где эта война, может им с мамой съездить туда и позвать папу.

Лидия Владимировна, слышавшая это разговор, заливалась слезами. Они с отцом давно намекают Аленке, что надо оглядываться немножко на молодых людей. Но та уперлась и все. Ну, ошиблась, бывает. Так нет, дождусь, мол, и все. А кого дождется? Недавно встретила Надю, мать ее подружки — чернее тучи, кожа да кости: ранили Игоря, выживет или нет, неизвестно. Миша говорил ей, что не один десяток похоронок по области разошелся — «груз двести». Это надо же, людей грузом назвать. У нее мурашки по коже только от этих слов. А вдруг калека, Аленка ведь не откажется ни от какого. А он за все время ни одной весточки не прислал. Теряет дочь время, разберут хороших парней, и будет всю жизнь одинокой кукушкой. Только ведь у нее защитница — мать Лидии. Вот, что старый, что малый. Та Аленке внушает, что надо обязательно дождаться, она ведь дождалась своего Владимира. На этом месте женщина теряла доводы убеждения, отец и в самом деле был замечательный. Она помнит, как бежала к нему навстречу, когда он возвращался со службы, шерстяная ткань военной формы царапала ей кожу, но Лизок — так отец ее назвал, все равно забиралась к нему на руки, а ведь больше Сашеньки была, в школу уж ходила. Жаль ей отца — рано ушел, мучили его осколки, которые нельзя было извлечь, рядом с сердцем.

Чтобы Аленке сойтись с Виктором? Тот женился, да неудачно. Аллочку недавно встретила, — Лидия, взглянула на часы, с этими мыслями, не проглядеть время, когда ужин разогревать мужу, — она подошла к окну, и ведь надо, легка на помине, мимо прошла мать Виктора с каким-то мужчиной. Так вот Аллочка сказала, что Витя до сих пор Аленку вспоминает и сравнивает с другими девушками. Правда ли, нет ли, но сама Лидия его не с одной видела, уж больно много сравнений у парня. Она сама, как встретила Мишу, сразу поняла, что только он ей и нужен. А сейчас что за молодежь пошла? То одной голову кружит, то другой. Часы пробили семь, светло как на улице, пришел бы Миша сейчас, успели бы на дачу съездить — там так хорошо сейчас. А может, уговорить мужа не ставить машину в гараж, а остаться там с ночевкой, и Сашенька бы на свежем воздухе побыла, а завтра утром пусть себе на работу едет, а они останутся. Лидия набрала номер мужа, он не любил, когда она звонит на работу, да женщина лишний раз и не надоедала, а сегодня надо его поторопить.

25.

Санька делал вид, что спит. Они были в районе Сафед-санга с десантным батальоном, который, выполнив приказ, возвратился в Кабул, а его рота осталась, затаившись там, где только что прошли бои, и перекрыла ущелье. Моджахеды были уверены, что опасность миновала. А поскольку из-за операции скопилось много караванов, им не терпелось возобновить проводку.

Санька разделил роту на две группы: одна укрылась в заброшенных глинобитных домах вдоль тропы на выходе из ущелья, заминировав подходы к дувалу, другая там, где она начиналась. Вскоре на тропе появились моджахеды, везущие стандартный груз: оружие, боеприпасы и медикаменты. Подпустив их поближе, группа бойцов открыла огонь из всего имеющегося оружия. Душманы попытались отбиваться, но на открытом месте много

не навоюешься против тех, кто укрыт толстыми стенами (Санька усмехнулся, они тогда поменялись местами). Часть партизан была уничтожена, другая бросилась с тропы в сторону скал, но они были отвесными, и шансов на спасение не было. Оставшиеся в живых решили сдаться и с криками «Таслим мишавим» побежали к дувалу, из которого велся огонь, но напоролись на мины.

Вторая группа какое-то время спустя заметила в своем секторе движение и открыла огонь наугад. В ответ не раздалось ни единого выстрела. Уже утром, когда о ночном происшествии забыли, Леха, осматривая местность в бинокль, заметил несколько выючных животных, которые бродили вдоль фруктового сада. Бойцы решили проверить груз, притороченный к животным. Во всех выюках и мешках оказалось оружие. Здесь же лежали убитые лошади и верблюды, рядом валялись трупы нескольких моджахедов. В сад по земле тянулись кровавые следы.

Улов за ночь был внушительным — десятки единиц автоматического оружия, несколько безоткатных орудий, шесть переносных зенитно-ракетных комплексов «Стрела-2» польского производства, большое количество разнообразных боеприпасов. Собрав трофеи, спецназ поспешил покинуть район, так как моджахеды, подсчитав количество своих противников, постарались бы уничтожить роту. Сейчас они должны были отсыпаться. Но Олег, понявший, что испытывает новое пополнение, почувствовал необходимость поддержать ребят. Он негромко обратился к сидящему на соседней кровати Владу:

— В первой операции я шел мимо поля, где крестьянин жал серпом колосья, я еще подумал: надо же, какая отсталость. Только это была последняя мысль, потому что он отодвинул полу одежды, из-под которой торчал укороченный калаш. Знаешь, мой палец произвольно нажал на спусковой крючок. Теперь я уже потерял счет убитым моджахедам, а того помню до сих пор и во сне часто снится. А ведь я до армии не из робкого десятка был.

«Да, уж, — думал Санька, — ты точно не из робких». Но его мысли прервал смех. Олег рассказывал, как шутили они с двоими своими друзьями над сельчанами:

— Однажды мы взяли и поменяли у одной вредной бабы корову на колхозного быка. Потом всю ночь караулили ее, чтоб далеко не убежала, комарье съело нас. Но зато утром, когда она пришла с подойником в хлев, мы сначала услышали удивленный вскрик, а потом такой отборный мат, что хохотать перестали. Громкий мужской гогот сотряс палатку — каждый представил, что увидела женщина вместо вымени. Но Олег продолжил:

— А еще мужик оставил выпряженную телегу с дровами возле дома. Мы с пацанами подманили Тузика сахаром, он долго потом за нами бегал, а сами вместо лошадей перетаскивали телегу на другой конец улицы. О, что утром было! Мамка говорит: «Вставай, блудня, иди, телегу ставь на место». Только я ей: «Я — не я, и телега не моя». А вот когда вся деревня смеялась вместе с нами, это мы у одного пьяного комбайнера отвинтили колесо с комбайна. Дураки, конечно. Ты представляешь, — обращался он к Владу, хотя давно его слушали все, — сколько весит колесо от этой машины. А мы его еще на столб двухметровый вожжами затянули. Мужики

на следующий день срубили этот столб, потому что никто на него лезть не захотел. Но пока рубили, бабы и дети со всех улиц стояли и ухохаты-вались. Мне дядька вместе с участковым после этого сказал:

— Тебе, Олень, либо в тюрьму, либо в армию. Вот тогда я и выбрал армию. У нас в роду много «сидельцев» было. А мне что-то не захотелось.

Олег что-то еще говорил, но Санька вдруг успокоился. Случись с ним что, вот он — готовый командир. Так, что ему не каждой пуле можно кланяться.

26.

Игорь выздоравливал медленно. Он почти не помнил себя между тремя операциями. Все это время ему снился один бесконечный сон: душманы взяли его в плен и пытаются. Сначала он усмехался про себя, пытка показалась ему детской: они поместили его в подземелье в полную темноту и только правый бок подставили под палящее афганское солнце. Он ерзал, пытаясь сдвинуться с места — солнце превращалось в костер, но ему не удавалось и бок начал пылать. Игорь просил пить — ему не давали, хотел прикрыть бок рукой, но ее кто-то старательно убирал. А потом над ним склонились лица сестры и Танюхи:

— Вы у меня в печенках сидите, — невнятно проговорил он.

— Что, что? — переспросили в один голос девушки.

— В печенках сидите обе, — повторил Игорь, израсходовав все силы.

— Он не бредит, не бредит, он видит нас, — проговорила счастливым голосом Таня.

— А почему я должен бредить, — сухие губы отвыкли разговаривать.

— Потому что ты, осел долговязый, попытался нас из печенки выковырять. Да видно не знал, что она опять вырастет, и мы в ней останемся все равно, — прояснила ситуацию Марина. Тань, ты напои его с ложечки, — обратилась она к девушке, на лице которой оставалась улыбка облегчения, — понемногу, но теперь можно через каждый час давать. Да смотри, не все его просьбы выполняй.

Марина как в воду смотрела. В беспамятстве Игорь был спокойным пациентом, но только дело пошло на поправку, как бедная Танюшка не знала, чем угодить выкарабкавшемуся из небытия жениху. Как большинство мужчин, за которыми есть кому ухаживать, Игорь закапризничал. Ему надоел чай с лимоном, прописанный доктором, протертые до желеобразного состояния блюда заставляли морщиться, а поскольку исхудал Игорь невероятно, Тане казалось, что жених сейчас заплачет. Из девушки, не обремененной худобой, при своем маленьком росточке, она превратилась в худого симпатичного подростка. Марина, чтобы доктора не гоняли невестку, попросила кастеляншу выдать ей халат. Десять дней, пока Игорь был между жизнью и смертью, она, молясь за него, мыла пол в палате, подавала судна лежачим раненым. И потому, когда в очередной раз Танюшка побежала на местный рынок, чтобы купить то, что любимый хочет, а доктор разрешил ему это съесть, парни наперебой стали хвалить ее. Кое-кто рискнул даже сказать, что увел бы такую, если бы она видела чуть дальше своего носа.

— Завидуете, — отозвался Игорь, — посмотрел бы я на вас, если бы рядом мамки или невесты были.

Только для Тани эти хлопоты были не в тягость. Сколько раз она отчаивалась, видя, как горит он после второй и третьей операций. Хорошо, хоть Марина рядом. Она гнала ее выспаться к себе на съемную квартиру, но девушке казалось, что стоит ей выйти из палаты, и с Игорем случится что-то плохое. Оттого и спала рядом на составленных стульях, и есть забывала. Но сейчас радовалась, да, она радовалась тому, что жених ранен. Теперь его комиссуют, и ей не надо будет умирать от страха, что он не вернется.

Вот мать его, никто ей не сообщал, а она почти каждый день звонила Марине, говоря, что с сыном беда. Сны ей плохие про Игоря снились. И девушки вынуждены были сказать, что он ранен, но уже поправляется. Теперь она не верит им. Как только Игорь сможет дойти до телефона, он сам скажет, что с ним все хорошо. «Господи, — думала она, — пусть у меня будет дочка, за нее не надо переживать, что она уйдет на войну». Теперь Танюшка знала, что если врачи разрешат Игорю вернуться в Афганистан, она все равно родит ребенка. Потому что... потому что он у нее останется в малыше. Но она гнала мысль, что ему разрешат вернуться с его-то ранением. Таня уже начала мечтать о свадьбе. Говорят, что всем воевавшим в Афганистане дают квартиры вне очереди. А если и не дадут, проживут пока с родителями. Тетя Надя и дядя Коля ее давно невесткой зовут. Да и она к ним привыкла. Конечно, лучше бы одним пожить, но с Игорем она согласна на все. Ей почему-то вспомнилась та девушка, подружка Марины. Не забыть бы спросить у Игоревой сестры, дождалась она своего жениха или нет. Счастливая, Таня хотела счастья всем.

27.

Она спросит, и Марина ответит — нет, не дождалась пока. А потом будет долго думать, в чем ее вина. Ведь ей никто не говорил, что этот ребенок Сашин. Да и не виделись они с Аленкой более трех лет. И с ним тоже. Вот увидятся, тогда... А что тогда, Марина еще не решила.

А вскоре Игоря перевели в другую больницу долечиваться, и Танюшка, решившая возвращаться домой с женихом, дважды продлевала отпуск через будущую свекровь: мастера холодильных установок, хотя и очень нужны, особенно летом, но жизнь и здоровье Игоря важнее.

Санька узнал о приглашении на свадьбу от Полкана, но удивился больше другому: его отзывают в Союз — руководству нужны опытные инструкторы по подготовке спецназа для борьбы в условиях Афганской войны. Неоправданно большие людские потери заставили руководство операцией задуматься над изменением тактики. Для выполнения задания нужны были настоящие, прошедшие суровую подготовку, бойцы — Санька горько усмехнулся — они это поняли давно. Верха — только что. Хорошо, что вообще поняли, а то бы так и гнали необученных парней на убой. Санька устал от бойни: чужой и своей крови. Но оставлять ребят не хотелось. Ему казалось, что легче найти инструктора, чем бойца с душманами. Только Полкан умел убеждать. Если он откажется, начальство пойдет ему навстречу. Но Санькин опыт сейчас нужнее для десятков парней, которые ждут отправки в Афганистан. И потом — первую операцию с пополнением он будет проводить сам. Санька согласился, прощание друзьями было трудным.

Особенно жалко ему почему-то было Леху. Наверное, в благодарность за спасение за него нужно было хлопотать перед начальством, чтобы поставили командиром. Но Санька просил за Олега. Тот жестче и справится. А при Лехе верховодить будет Рустам. Чувство брезгливости к этому злому в боях мужику так и осталось. Санька подозревал его в мародерстве, но не пойман — не вор. Руст сдружился с вертолетчиком и отправлял награбленное, не оставляя следов. А, может, Саньке просто не хотелось, копаться в чужом вещмешке.

Он собрал письма, которые опустит в почтовый ящик в Союзе, радость для родных — весть от почти совсем пропавших сыновей. А его, Саньку, никто, кроме Игоря, не ждет. Ну, да ладно. Не в первой. Он вылетел вместе с Полканом и в дороге узнал, что это не все новости. Павел Егорович выхлопотал ему квартиру, им говорили, что их обеспечат жильем, но как-то не верилось в обещание. И вот теперь они с Полканом соседи по лестничной клетке в многоэтажке на окраине, представить невозможно, Москвы. Полкан, видя благодарность в глазах Сашки, которую тот не знал, как выразить, смазал момент, сказав, что это в интересах начальства — иметь их под рукой. Потом они не раз будут повторять это слово на все лады, потому что спокойной жизни в своем тридцатичетырехметровом раю не получится. Но это будет потом. А пока они оба собирались на свадьбу к Игорю.

Чтобы не обременять жениха своим присутствием в маленькой трешке, мужчины останутся в гостинице. Оба будут искать в местных универмагах костюмы, у Саньки его просто не было из-за ненадобности, а Полкан как-то забыл, что на свадьбу надо идти в гражданке. Продавщицы, видя симпатичных мужчин, таяли, как лед в Афганистане. Полкан, заговоривший заведущую секцией о своем неумении в одиночестве выбрать обнову, сумел добыть им импортные югославские костюмы. Купить рубашки и галстуки оказалось проще, а вот обувь они взяли у фарцовщиков. Не было подходящей. Саньке после трех лет военной обстановки все казалось нереальным. Ходить по улице без оружия, тяжесть которого придавала уверенности, все равно что ходить голым. И самое интересное, что здесь люди жили, как ни в чем не бывало: учились, работали, скандалили в транспорте, стояли в очередях, жалуясь на дефицит товаров. Все было нормально, если бы там не было войны. Про них вспоминали редко.

Занеся покупки в номер, Полкан решил принять душ. Санька вышел на улицу. Сентябрьский денек выдался солнечным и теплым. После удушающей жары Афганистана ему хотелось напиться свежестью российского воздуха. Почему-то именно осенью деревья становятся такими красивыми. Как солдаты перед смертью, покажут себя во всей красе и упадут на землю.

Он шел просто так, не задумываясь, но ноги его привели на автобусную остановку, туда, где несколько лет назад, он ждал смешную девчонку. Конечно же, ее там не было. Он постоял, поглядел, как студенты штурмуют подошедший автобус, и прошел по тропинке в ближайший двор. Присел на скамейку, закурил. Из-за кустов шиповника слышались голоса:

— Софочка, ты выбирай, куда бросаешь мяч. Вот закатится в колючие кусты, сама полезешь за ним.

— Тоже мне, мужчина. Отец вернется, спросит тебя, как ты тут без него жил, а ты что ему скажешь?

— Он еще не все медали заработал, он приедет, когда я в школу пойду. Софочка, Джульбарс здесь, — раздался совсем близко от Саньки испуганный голосок, заставив его подняться.

— Не маши руками, стой, — сказал Санька, подходя к мальчишке, — а теперь скажи псу: «Фу! Пошел вон!».

28.

Сашенька обхватил ногу мужчины на всякий случай и, осмелев, выкрикнул: «Фу! Иди отсюда!» Джульбарс встал, а потом развернулся и побежал к скамейке, на которой сидела Софья Андреевна. Она неуклюже стала поднимать сухонькие ноги. Но правнук уже бежал спасать ее: «Фу! Фу! — кричал он, — иди отсюда», — он поднял было ручонку, но Санька, глядевший на них, напомнил издаലെка: «Руками не маши!» — и ребенок прижал руку к себе. Собака убежала в поисках других развлечений. Мужчине показалось, что он где-то видел уже лицо ребенка. Но где, не мог вспомнить.

Санька поглядел на часы, надо возвращаться в гостиницу, пока Полкан не объявил розыск. Они решили сделать Игорю сюрприз, прийти прямо в загс. «Павел Егорович, черт, — подумал Санька, — как длинно по имени и отчеству называть человека, Полканом здесь неудобно, может, Егорычем? Интересно, а сколько ему лет? Егорыч провел разведку, и знал, в каком загсе расписываются молодые».

Полкан и вправду начал волноваться, куда пропал боец. Не натворил бы чего под горячую руку. А им, вернувшимся из Афганистана, многое покажется несправедливым. Война отменяет шелуху обыденности и оставляет в них то, что действительно важно и дорого человеку. Павел это понимал, но в мирных людях куда больше полутонов уживается, а не только черный да белый. Но, увидев парня, промолчал. Привыкшие к постоянной опасности, они никак не могли расслабиться. Дождавшись, когда распаренный и побрившийся Санька выйдет из душа, он по привычке скомандует: «Одевайсь!» В гражданских костюмах, стройные и неимоверно загоревшие, они поглядят друг на друга и отчего-то застесняются. Но Полкан избавит их обоих от неловкости:

— Женихи, едрена мать!

— А, вы женаты? — спросит Санька.

— Санек, давай без свидетелей на ты, хорошо? Я ведь и старше тебя немало. А после Москвы и в званиях ты чуток только отставать будешь, — выдал Егорыч тайну.

— Только я тебя Егорычем все-таки буду звать, так сподручней.

— Егорычем, так Егорычем. Пошли невест искать, а то бобылями останемся. У нас полчаса в запасе. Можно и пешком, но мы с шиком, если такси свободное поймает.

Аленка с августа месяца устроилась на работу, Сашенька в садик ходит, мать с Софочкой нарасхват готовы с ребенком посидеть, если заболит, а ей вроде бы и занять себя нечем. Работа ей нравилась, учить ребятню азам рисования, когда у них фантазия в изобилии, интересно. Шумновато, правда, у нее на уроках, но дети, когда увидят ее в школьных коридорах, бегут к ней, спрашивают, когда следующий урок будет. Это радовало Аленку, вернее, Елену Михайловну. Вот только из садика Сашеньку бабушка Лида

забирает, а ей приходится к ним каждый день заезжать. Аленка лукавила, заезжая за сыном, она ужинала у матери, та только после этого отпускала их домой. Да и Аленке было спокойнее, когда повидается со всеми. Софочке пошел девяносто второй, и она потихоньку сдает, хотя и хорохорится: «Вот, твоего жениха встречу, тогда подумаю о покое», — она не произносила слово смерть.

Аленка не хотела расставаться с бабушкой, а поскольку Санька был почти мифической фигурой, то Софочке ничего не грозит — успокаивала она сама себя.

Но сегодня, укладывая сына спать, она пережила нечто вроде шока. Розовый после купания Сашенька, взявший в постель маленький бронетранспортер, вдруг заявил ей, что видел отца:

— Он меня научил Джульбарса не бояться. Мам, я говорю собаке — фу, иди отсюда и она уходит. Но Аленка пропустила эти слова мимо ушей:

— А почему ты думаешь, что это был отец? — задала она с волнением в сердце вопрос.

— А потому, что он похож на вот этот портрет, только он настоящий и с усами, и в военной форме.

Аленка, думая, что сын ошибочно принял человека в военном кителе за своего отца, пошутила, — а что же ты ему не сказал, что ты его сын?

— Я побежал Софочку от Джульбарса спасать. Эх, что же я наделал, — расплакался Сашенька. Видя, что дело принимает серьезный оборот, Аленка стала успокаивать ребенка:

— Ты обознался, мой хороший, наверное, это был чужой дядя.

— Нет, это был папа, я правду говорю, — обиженно проговорил сын и отвернулся к стенке, — выключи свет.

29.

Вышедший из украшенной лентами машины жених бросил взгляд на стоявших возле крыльца ЗАГСа мужчин в одинаковых костюмах, и направился было к другой машине, но неожиданно развернулся и бросился к ним с криком:

— Черти! Какие же вы черти!

— Ноно, поосторожней, не смотри, что мы в цивильном, намнем бока, — ответил Санька, крепко обнимая друга, а с другой стороны к нему уже тянулся Полкан.

— Санька, Полкаша, как я рад видеть вас, вы не представляете. Еще бы Леху с Оленем сюда.

— Не получилось, — сказал Полкан, щуя глаза, как будто бы от ветра. — Если бы и духи в этот день женились, тогда можно было бы всех в Союз вывести.

— Мужики, я про невесту забыл, у нас роспись вотвот начнется, — опомнился Игорь, но из машины выскочила Маринка, узнавшая Саньку не сразу:

— Привет, партизаны, — обратилась она к обоим, протягивая ему руку.

— Марина, и ты здесь. Вот не ожидал.

— Неужели ты думал, что я пропущу свадьбу собственного брата. Мы с Танюшкой его для этой процедуры с того света вернули.

— Да уж, зацепило Игоря сильно. Спасибо, что вытащили, а то бы я весь век маялся.

— Игорь, Марина, — раздался взволнованный голос невесты, — мы опаздываем.

Но жених уже открывал дверцу, выпуская из машины хрупкую и маленькую девушку:

— Знакомься, Таня, это мои самые лучшие друзья.

— Да знаю я, Саньку, знаю, а вы, наверное, Павел Егорович? — И услышав «да», подала руку: — Пойдемте, а то опоздаем.

Марина взяла под руки обоих мужчин и повела в загс, вышедшие из машин девчонки пошутили:

— Ну, вот, женихов на всех не хватает, а она сразу двух ухватила. Но встретившая их на лестнице ведущая церемонии строго выговорила:

— Вы у нас не одни, пропустите свою очередь, будете дожидаться, когда все переженятся.

— Нет, нет, что вы, девушка, — начал заговаривать ее Полкан, — у нас нет столько времени, чтобы переждать, когда все поженятся. Нам надо срочно. А, может, вы и меня распишите, с вами, например.

— Балабол, — сказала она, но смягчилась. Выстраиваемся парами, — обратилась женщина ко всем. Марина опустила руку, удерживающую Павла и тот, поняв, куда дует ветер, подхватил под руку, идущую следом девушку. Церемония, известная работнице загса до мельчайших деталей и казавшаяся такой торжественной молодым, покатила без каких-либо случайностей.

Саньке было жарко в костюме и рубашке, застегнутой на все пуговицы, галстук душил, но, обливаясь потом, он глядел на счастливое лицо друга и порывался спросить у Марины про подружку. Понимая, что момент не подходящий, он поглядывал на нее, прикусив губы. Девушка изменилась не только внешне, она стала строже и взрослее. Наконец молодые обменялись кольцами и под возгласы гостей поцеловались.

Марина одной из первых бросилась поздравлять брата и Танюшку, понимая, что Игорю повезло с женой и, признавая это сердечным поцелуем. Еще раз от души поздравив друга, Полкан и Санька отойдут в сторону, понимая, что он сегодня должен принадлежать всем. В кафе, где были накрыты столы, они сядут поодаль, чтобы не отвлекать Игоря от невесты. Марина сядет рядом с ними, заставив подвинуться кого-то из гостей. Полкан, оценивший ситуацию раньше Саньки, был галантен со всеми девушками, запоминая их имена, отчего каждой казалось, что он запал на нее. Наверное, все, кроме Саньки, да еще, быть может, Игоря, увидели, что Марина не равнодушна к другу жениха. Если бы он не приглашал ее на танцы, а он больше никого не знал, то девушка сама бы сделала это за него. Пару раз они с Павлом успокаивали стычки между подвыпившими гостями, Полкан видел измоченные беспокойством за сына лица родителей, которые за последние месяцы сильно постарели, и ему не хотелось омрачать их радость глупыми драками. Потому досидел до конца, хотя телефон заведующей секцией оказался в его внутреннем кармане нового костюма с припиской: «Буду ждать. Аня». Уже на улице, где вечерний воздух был свеж, даже припахивал морозцем, он спросит Саньку:

— Ну, ты куда, в гостиницу?

— А куда же? — удивленно вскинет брови тот.

И тогда Полкан поймет, что Санька не видит очевидного:

— Ну, ты это, девчонке мозги-то не компостируй!

— Какой девчонке? Марине, да она же сестра Игоря.

— Ну и, что? Ты слепой, брат, совсем. Она же от тебя не отходит, — как котенка ткнул Егорыч Саньку.

— Да она и в прошлый раз... — начал было он, но осекся. — Я в гостиницу. Марина, — окликнул он девушку, — спасибо тебе за то, что ты весь вечер нас опекала, до свидания, мы пешком пройдемся, здесь недалеко.

Лицо девушки, ожидавшей приглашения в машину, погасло.

30.

Полкан позвонит по телефону почти в двенадцать ночи, и их пригласят. Более того, накроют стол ничуть не хуже свадебного, хотя все продукты на столе будут из разряда дефицитных. Бутылка водки, прихваченная с собой из кафе, тоже окажется не лишней, а, может быть, благодаря ей, женщины пили шампанское, обстановка быстро переросла в непринужденную. Санька возвратится в гостиницу не один, разведенка Ирина уговорит дежурную пропустить их, сунув коробку «Птичьего молока» — видимо не впервой, проанализирует боец ситуацию утром, когда женщины и след простынет. Был ли он на высоте — спрашивать не у кого, но то, что он прокололся, Санька помнит хорошо. Водка и не такое делает, только ночью, выплескивая накопившееся за последний месяц желание, он вдруг назвал девушку Аленкой. Расслышала она или нет, забившись от ласки настоячивых мужских рук, история умалчивает. Женщина, во всяком случае, не цепилась к его словам, не требовала любви навеки, но видеть ее Санька почему-то больше не хотел.

Егорыч придет только к обеду — заведующая секцией сказалась больной и взяла отгул на работе. Так что он был свеж, как огурчик, вернее, похмельем не страдал. А у Саньки голова трещала, он давно так не набирался. Ашхабадская водка дурманила голову быстро, но и выветривалась тоже. А, может быть, ее просто не было в таких количествах, какое они употребили вчера. В гости к молодым они должны были подойти к часу, но пришли только к трем. В квартире за накрытыми столами в основном были только пожилые люди, молодежь навестила лыжи на дачу. Поскольку Полкан и Санька опоздали, им долго с пьяной дотошностью объясняли, как доехать и отыскать ее, хотя мужчинам хватило номера маршрута и названия общества.

Они минут сорок будут тащиться на стареньком «Икарусе», собирая попутно всех желающих собрать урожай яблок. Санька уставится в окно и в какой-то миг увидит в проезжающей «Волге» вчерашнего ребенка, который будет отчаянно махать ему рукой, и мужчина с забившимся от чего-то сердцем высунется из окна и помашет в ответ — хоть кто-то ему здесь рад.

А Сашенька закричит бабушке Лиде: «Папка, папка проехал». Она вскинется, да разве разглядишь, кого он там увидел, если автомобиль несется нс скорости. Потом посмотрит в зеркало заднего вида на мужа с твердым намерением заставить того еще раз поговорить с дочкой, сколько же можно сидеть дома, вон ребенок уже во всех встречных отца видит.

Пить Саньке расхотелось, как-то само собой испарилось похмелье. Да и встреча с Мариной вдруг оказалась неловкой. Дачу, на которой во всю отмечали свадьбу, отыскать не составило труда: из магнитофона неслась оглушающая музыка, молодежь танцевала прямо на бывших грядках огурцов. Игорь, сегодня немного выпивший, — вчера невеста строго следила за ним, — обрадовался друзьям. Он хотел было позвать остальных гостей, но никто, кроме Марины, не отозвался, и жених махнул рукой — им же хуже.

Они залезли на второй этаж самостроя, и, хотя на кровати кто-то спал, они все равно почувствовали себя уединенно. Танюшка принесла «Жигулевского» и стаканы. Разливая его, пролили на пол, отчего запах хмеля окутал компанию раньше, чем они выпили. Вроде бы хотелось рассказать друг другу многое, но почему-то запели «Кукушку». Таня только смотрела на мужчин, а Марина подпевала — запомнила, в госпитале парни наигрывали и пели под гитару по вечерам на госпитальном дворе. Грусть и что-то гораздо большее заставило невесту расплакаться. Игорь притянул ее к себе на колени, и она спиной почувствовала, как бьется его сердце.

Марина по отводившему взгляд Саньке поняла, что не нравится она ему. Больно это — видеть мужчину, о котором столько лет мечтала, а мечты напрасные. Неужели Аленка запала ему в душу? Так отчего не спросит про нее? Может, отозвать его в сторону, да сказать прямо: «А ведь ты, дружок, папаша». А вдруг это не он? Пусть уж сами разбираются. Марине отчаянно захотелось в Ташкент, там она чувствовала себя нужной.

Ладно, до отъезда, когда народ схлынет, они еще успеют поговорить. Во всяком случае, Марина наметит ему, если было что, то должен понять.

31.

Но они уехали совсем из их города. Марина узнала об этом от Игоря, который проводил их до автобусной остановки, ему еще нужно было отправлять хмельную компанию. Скажи она сейчас брату о своих подозрениях, он бы спросил, почему сестра не открыла Саньке этого раньше. Она постаралась забыть — это не ее проблемы, пусть сами разбираются, но чувство вины, как будто она накладывает шов на рану, зная, что в ней остался маленький осколок, преследовало ее. Марина хотела дать Аленке Санькин адрес и дважды набирала номер ее домашнего телефона, но трубку никто не брал. Последний раз она позвонит с телефона-автомата из аэропорта и будет долго слушать длинные гудки, не зная о том, что у Софьи Андреевны случился сердечный приступ, и все семейство Гордеевых дежурит возле больной.

Андрей Ильич пришлет за ней в Ташкентский аэропорт скорую, и первым встретит в госпитале. Персонал ничего необычного во встрече не увидит: все привыкли к тому, что этот рано поседевший мужчина, знающий все наперед, резкий с теми, кто прохладно относится к своим обязанностям, будь это врач или нянечка, добродушно-грубоватый с пациентами, всегда заботится о своих подчиненных. Его умение скрывать за врачебным юмором не всегда благоприятное течение болезни от раненого достигло такого совершенства, что и работающие с ним доктора не раз попадали впросак. Все считали, что у главного врача нет и не может быть проблем.

По слухам, личную жизнь он ни с кем не обсуждал, были у него жена и дочь, но они остались в Москве. Дочь училась в старшем классе и ее не захотели срывать с места. Так, во всяком случае, говорила кастелянша Полина Ивановна. Наверное, на первых порах так и было. Только Андрей Ильич знал о том, что Светлана с первых дней его командировки в Ташкент была против нее. Они иногородние, с таким трудом прописавшиеся в первопрестольной, получившие, благодаря Божьему дару Андрея оперировать, двухкомнатную квартиру почти в центре, вдруг должны расстаться с нажитыми благами. И только потому, что ему втемяшилась блажь — практиковаться в военной хирургии. Вскоре после его отъезда Света перевезет в Москву мать, и, переложив на нее домашние дела, станет, как она выразилась, повышать свой культурный статус — жительницы столицы. Андрей, отсылавший почти всю зарплату им, немало поспособствует жене, работавшей участковым терапевтом, в этом.

Привыкшая к тому, что их дом, пусть и не полная чаша, но недостатка в средствах Светлана не испытывала, она два года скрывала от мужа, что нашла ему замену в одном из ресторанов. Дочь, к тому времени ученица восьмого класса, видя, как мать наряжается и уходит по вечерам, жалела «папку». Будь постарше, она, может быть, и утаила бы от него, что жена нашла любовника, но, видимо, подростковый максимализм или желание заставить отца вернуться в Москву, заставили ее в одном из телефонных разговоров сказать правду. Андрей тогда не спал всю ночь, наутро взял отгулы, а их у него накопилось немало, и махнул домой. Только дома больше не было, была дочь, которая хотела уехать с отцом, и еще две чужие женщины, для которых престиж столичных жительниц был важнее семьи в его понимании. Они разведутся тихо только потому, что Андрей не будет претендовать ни на что, теперь он будет платить алименты, содержать на свои деньги любовника бывшей жены ему не захочется. Дочь, прилетевшая к нему на каникулы, поймет, что отец живет только работой, а поскольку раненых было очень много, то он практически пропадал в госпитале. Ей пришлось полностью взять на себя домашние дела, но они ей вскоре надоели, и вопрос о ее переезде в Ташкент насовсем уже не стоял так остро, как раньше. Хотя Андрей и лелеял мысль, что Галочка после окончания школы приедет поступать сюда в Ташкентскую Медицинскую академию. Он в свои неполные сорок как будто поставил на себе крест. Но с приездом молоденького хирурга Марины Кузнецовой вдруг оказалось, что весна и осень — совсем разные времена года, что он может запомнить не только запах, но и название духов «Испахан», которыми пахло от девушки. И, хотя он запретил ей пользоваться ими в госпитале — у некоторых больных они могут спровоцировать аллергическую реакцию, особенно после наркоза, но от шелкового шарфика в ординаторской исходил тонкий, их едва заметный аромат. Андрей купил коробочку таких духов еще в конце февраля, но она так и стояла у него дома в письменном столе. Вручить их, значило открыть ей свои мысли, а он осознавал, что много старше девушки. Правда, он придумал повод — за удачную операцию, хотя никогда не верил, что женщины могут быть хирургами по призванию, но ради нее готов был изменить свое мнение. Только после того, как брат Марины попал к ним, было не до подарков. А потом он вдруг заметил, что она влюблена, только

не в него. Она так стремилась попасть к брату на свадьбу, что он понял, она надеется на встречу с тем мужчиной. И вот сегодня она вернулась, хотя могла бы и не приехать. По ее растерянности во взгляде, когда она еще сидела в машине, по радости, с которой она вошла в госпиталь, как в родной дом, он понял — не сложилось там. Понял и испытал облегчение: пусть девушка ничего не знает о его чувствах, но сейчас она рядом.

— Руки покажите, Марина Николаевна, — вместо приветствия скажет он. И она поймет, что он шутит.

— Не дрожат, Андрей Николаевич, в нашей семье даже среди мужчин нет пьяниц. Здравствуйте, я соскучилась по работе и по всем вам.

32.

Санька впервые имел собственное жилье. После общежитий, казарм и палаток квартира площадью тридцать четыре квадратных метра, совсем новая, пахнувшая побелкой и краской, показалась ему просторной. Испытывал ли Полкан такое же чувство, неизвестно, но детдомовскому мальчишке захотелось вдруг семьи, настоящей, с детьми и с кошками. Чтобы когда он звонил в дверь, за ней начиналась суматоха, чтобы дети бежали наперегонки открыть ее, а жена — жена бы стояла чуть дальше и улыбалась ему. Санька отчего-то вспомнил день накануне первого сентября. Тогда им, первоклассникам, каждому выдали новенький портфель, а в нем новенькие учебники и тетради, пенал с ручками и карандашами — это были его личные вещи. Их не надо было делить с другими, оставлять в игровой комнате. Портфель, после того, как он сделает уроки в классной, стоял у него на стуле, возле кровати. Он берег все, но кто-то из мальчишек однажды заметит это и порвет тетради, прольет из чернильницы-непроливайки чернила на учебники и пенал. Сначала Санька сильно разозлится, чуть не заплачет от обиды, но сдержится: нельзя показывать, что тебе больно. А потом, потом сам будет пинать школьный портфель по скользкой ото льда тропинке. Иметь свое и терять тяжело. Он запомнит это на всю жизнь — лучше не иметь, так проще и спокойнее.

Он постучал к Полкану, благо они на одной лестничной клетке, только в разных концах коридора:

— Открыто, заходи, — Егорыч стоял посреди квартиры и прикидывал, где бы раздобыть мебель, по крайней мере, кровати — спать-то на чем-то надо, ну и хотя бы один на двоих стол.

— Спасибо, Егорыч, за то, что выхлопотал, я даже не знаю, как это тебе удалось.

— Каждому овощу свой срок, почувствовал, что нужны мы им сейчас и, потупив глазки долу, попросил.

Он не стал разглагольствовать, как в отделе кадров, рассказывал жирным тыловым крысам о Санькиных буднях в Афганистане, о том, что такие, как он и делают честь армии. Говорил громко, запальчиво. Может быть оттого, что сам он был для них нужен сейчас, как никогда, пересмотрели очередь и выделили эти двушки на окраине.

— Ну что, по магазинам? Деньги-то есть?

— Есть, а куда они денутся, если тратить их негде, да и некогда было.

Они будут ходить от магазина к магазину и в одном из них увидят грузчика, бывшего афганца. Как они узнают? Да просто потянутся друг к другу

души, обожженные афганскими солнцем и кровью. Он договорится с завмагом и тот за накинутае сверху четвертные разрешит загрузить в подъехавшую машину и кровати, и столы, и табуретки, и даже шифоньеры. Втроем они затащут мебель на восьмой этаж и отметят одно на двоих новоселье, чтобы завтра, после приема на Лубянке, отбыть из Москвы — готовить уже отобранных парней к выполнению неизвестно какого долга в войне, о которой нечасто вспоминали по телевизору, взятому Егорычем напрокат.

А не так далеко от Москвы, всего-то семнадцать часов на поезде, Аленка, сменившая мать в больнице, не сразу заметила высветившийся на определителе номер. Маринка! — И, хотя состояние Софочки оставалось стабильно тяжелым, девушка на какое-то время посветлела лицом:

— Але, Марину можно?

— А кто это? — голос тети Нади девушка узнала тут же, — тетя Надя, это я — Аленка.

— Ой, Ален, а я тебя не узнала — богатой будешь. А Марина улетела утром еще. Она тебе что-то сказать хотела, несколько раз звонила, да тебя дома не было.

— Ой, как жалко, а вы не знаете, что она хотела передать? У нас бабушка заболела, инфаркт у нее, вот мы с мамой по очереди возле нее и сидим.

— Нет, Аленушка. Жалко Софью Андреевну. Ну, Бог даст — все хорошо будет. У нас Игорек вон как сильно болел, да выздоровел. Свадьбу мы ведь сыграли, женился он.

У Аленки сердце запрыгало в груди, значит, значит, Санька мог быть здесь:

— И много народу гуляло? — Аленка попыталась выяснить это.

— Да почитай шестьдесят человек. Мы ведь не безродные и у Танюшки гостей набралось, а потом друзья Игоря прилетали аж из самого Афганистана.

— Да как же их отпустили? — Аленке хотелось спросить, кто именно прилетал, но она постеснялась. Если бы Санька захотел ее найти, то тетя Надя бы знала.

— Ну, это уж не моего ума дело, только Санька, что у нас гостил несколько лет назад, да Егорыч гуляли, каждый по тысяче на поклон положил.

Сердце у Аленки упало, значит, Сашенька и вправду мог видеть его, а он не пришел, не позвонил:

— До свидания, тетя Надя, передавайте Марине привет.

— До свидания, Алена. Бабушке от меня поклон и здоровья пожелай.

— Передам обязательно. Аленка положила трубку и расплакалась. Пять лет ожидания, а он был здесь и даже не поинтересовался, как она. Прав отец, надо глаза-то правде открыть. Не приедет Санька к ней, выдумала она его.

33.

Но Санька был. Невыдуманный и живой, он направлялся в Чирчик. Он должен был набрать группу для подготовки разведчиков. Увиденное в учебке не то чтобы ужаснуло его, салаг всегда и везде испытывали на прочность, но царившая здесь жестокость не была оправдана ничем, кроме желания властвовать и унижать другого, еще не знающего правил этой дикой игры, человека. С первого прохода через КПП тихий шепот: «Душары, вешай-

тесь!», бил новобранцев по голове валенком, набитым песком — мягко, но страшно. До присяги они не были даже «духами», рекруты были «запахом». Чтобы не пропасть в этом аду, нужно было научиться «шуршать», «рожать». Иначе можно было остаться тем самым «ЧМО» или «тормозом» на все время службы, которого постоянно будут заставлять играть на «фанере», бить по пяткам кирзовыми сапогами.

Процесс «пробивания фанеры» сопровождался ритуалом, неукоснительно соблюдаемым обеими сторонами. Прежде чем вклеить пуговицу внутрь «духовского» организма, сержант произносил магическую фразу «Фанеру к осмотру!» «Дух» бодро докладывал: «Фанера трехслойная образца 1970 года — тельняшка, нательное белье, китель — к осмотру готов». Сержант бил, что есть силы и «дух» должен был ответить: «Спасибо, товарищ сержант», и не дай Бог голос у солдата дрогнет, не дай Бог. «Рожать» — достать требуемое для «деда»: простынку на подшивку, новый тельник, часы — ничего этого в продаже не было — каждый рожал как мог, а не мог ...

Санька понимал, что бойца нужно научить сатанеть, без этого не обойтись в бою, но ведь смог же Полкан подготовить их, не унижая. Он несколько дней будет присматриваться к парням, зная, что разведчику нужна не только сила и выносливость, но и голова — умная, смекалистая, просчитывающая на несколько ходов вперед. И наберет двенадцать человек. Они будут жить отдельно за городом — парни, которым повезет больше других. Ему дадут прозвище «Бес», может быть производную от фамилии — Бескровный, хотя никто ее не знал здесь, нарекла когда-то нянечка из роддома, куда подкинула его мать — синеть он начал уже. А может быть за то, что требуя от бойцов чего-то, он заводился сам, и был неистов в стремлении достичь цели: бился ли он в рукопашной сразу с двумя или тремя новобранцами, показывал ли, как вести бронетранспортер почти по отвесной скале. Обезвреживать заминированное поле. Нет, он не был отцом родным, ставя мины под брелок с ключами, лежавшими на тумбочке, натягивая растяжки на кроватях, поднимая парней в четыре утра и, не давая отдыха до двенадцати ночи, он всеми действиями говорил им — кругом враги. Теперь он понимал, почему Полкан не делал замечания Русту, применявшему боевые приемы после основных тренировок.

Он не заставлял их заправлять постели, равняя кант, но прыгал с ними вместе с парашютом, учил владеть ножом, лазить по горам. Они дрались в рукопашной самым настоящим контактным способом и не голыми руками. Умение применить любое подручное средство считалось умным решением, а не нарушением правил. Санька не смог, как Полкан, заставить их перерезать горло бродившим возле помойки бродячим собакам, но оставлял раздетого бойца в запертой клетки полигона с крысой на несколько дней. Тот должен был убить ее голыми руками. Как Егорыч, он говорил, что разведка не оставляет свидетелей, и вспоминал глаза ребенка, в которого не смог выстрелить, за что и поплатился. Он не хотел думать, как он поступит в следующий раз в подобной ситуации, но учил бойцов безжалостности. Выпускным экзаменом для них стали «скачки». Он переправит парней в лесной массив и попросит офицеров, которые будут менять друг друга каждые двенадцать часов, гнать их. Семь дней, во время которых

без еды и воды — добывали попутно, при полной выкладке они будут то бежать, то ползти, преодолевая болота, теряя сознание от теплового удара, хотя погода была совсем не жаркой, и сдадут экзамен. Все это время Санька будет с ними, укрепив репутацию уточнением бойцов, Бес из преисподни. Ежедневные тренировки тела и извилин — это не поход в спортзал. Сорванные ногти, синяки на теле, кровавые мозоли на руках и ногах, злость на весь мир и желание проспять неделю кряду, но просыпаться от малейшего шороха. Он дал им то, чему научился сам. И ждал, когда же их отправят в Афганистан, чтобы увидеть Леху и Оленя.

Свадьба друга, после которой прошло каких-то полгода, казалась, была давно и в другой жизни, как и его квартира в Москве, похожая на сон. За это время они ни разу с Полканом не созвонились. Наверное, была возможность: телефоны в Чирчике есть и в Марьиной Горке тоже, только чего зря трындеть.

34.

Игорь Кузнецов постоянно испытывал чувство вины. По вечерам, когда ласкал нежное тело жены, расцветшее первой беременностью, он радовался, что может видеть эти трогательные изменения: маленькие грудки вдруг налились, потяжелели, а сквозь тонкую кожу просвечивали синие венки. Он притягивал Танюшку к себе и тот, третий, неизвестно кто еще: мальчик или девочка, начинал пинаться в ее животе от тесноты. А утром, счастливый, он шел на работу в военкомат и испытывал чувство вины перед ребятами, оставшимися в Афганистане. Печень перестала его беспокоить, лишь шов к непогоде тянул сильно. Наверное, она уже восстановилась, а он, как дезертир, которых сейчас развелось множество, окопался возле жены.

Игорь решил еще раз пройти комиссию и от этой мысли, ему казалось, отчетливо застывшей в его глазах, чувствовал себя виноватым перед матерью и Татьяной, которые сейчас суетились, как ласточки, возле прилавков с детскими вещами. То одна, то другая подходили к нему, требуя одобрения цвету или размеру:

«Господи, — думал он, — до чего же они смешные. Ну, разве не все равно, какую пеленку описает малец. Главное, чтобы она была сухая и мягкая. А уж об этом они точно позаботятся. Но удивлял Игоря и отец, видимо состарился. Потому что, узнав о прибавлении, он вдруг перестал хвататься за сердце. А при виде пополневшей Танюхи, глаза его вспыхивали радостным блеском, как у мальчишки, который вот-вот получит долгожданную игрушку.

И даже хорошо, что им пока не дали квартиру отдельную — Танюшка ходила, их поставили на очередь в горисполкоме, но сказали, что впереди них семьи родителей погибших парней. Правда, жена засомневалась, что те сейчас по очередям бегают, но Игорь ее утомил. Если он пройдет комиссию, то им некогда про него думать будет, ребенок займет их, а там война глядишь, кончится. Горбачев не похож на этих старых пердунов, может своими мозгами думать будет. Это надо же — четвертая власть у руля стоит, а войне конца не видно».

Отдохнувший Игорь все чаще вспоминал Леху и Оленя. «Санька — он, хотя и живет войной, но все-таки на гражданке. А те за пять лет войны, так ни разу и не вырвались, дыханье перевести». Но мысли его прервали

женщины, нагрузив свертками и потащив в мебельный магазин, — кровать надо присмотреть. Да человека-то нет еще, он весь в ладони уместится, а они уже кровать ему присматривают, но пошел, чтобы не рассматривать их. И тут они увидели Аленку. Он бы прошел мимо красивой женщины с пацаненком, но Танюшка узнала ее и остановила:

— Алена?! — радостно окрикнула она. — Это твой, да?

Игорь посмотрел на мальчишку, симпатичный такой, глаза живые, любопытные — сразу чувствуется, мужик:

— Здорово, — он протянул ему руку.

— Здорово, — важно ответил тот и хлопнул по протянутой руке, ощутив мужскую солидарность. Мать тащила его в «Детский мир» выбирать сандалии, которые горели на Сашенькиных ногах.

— Как тебя зовут?

— Александром, — совсем уж серьезно ответил тот.

Игорь вдруг поглядел на Аленку, засмущавшуюся от его взгляда, и на ребенка: «Неужели? — И начал подсчитывать в уме, когда же он оставил их с Санькой наедине». Но словно поняв, какой вопрос сейчас последует, Аленка заспешила по делу, пригласив их к себе в гости, и указала на дом, стоявший неподалеку от магазина на противоположной стороне. Оказывается, они сделали родственный обмен с бабушкой Софьей. Та расхворалась и теперь живет с дочерью. Вот почему они почти не встречаются на улице.

Таня даже записала адрес Аленки прямо на бумажном свертке. Игорь еще подумал: отчего это она, ведь они с ней даже не подружки. Но как только Аленка с сыном удалились на достаточное расстояние, жена заговорила:

— Ты знаешь, Игорек, мне эта девушка очень понравилась. Она ведь без мужа родила, тот ушел на войну в Афганистан. Другие бы нашли способ избавиться, неизвестно — вернется он или нет, а она решилась. Теперь, наверное, жизнь без сына не представляет.

— А ты откуда знаешь? — усмехнулся он.

— Так ведь она приходила к нам в гости, когда ты в Афганистане был. Ну и тетя Надя, ой, мама, — поправились Таня, тогда и рассказала. Их бабушка всем дворовым сказала, что на войне ее парень. Вернется — распишутся. Я и хотела узнать, приезжал он или нет? Такая красавица, за ней, наверное, женихи толпами ходят.

— Ты у меня самая красивая, и самая лучшая, — Игорь коснулся чуть припухших губ жены, — а мама куда подевалась?

— Она в универсам зашла, может колбасу или окорок выбросят — время завоза как раз.

— Ну, пошли за кроватью, — Игорь, поддерживая жену рукой со свертком, свернул к мебельному. Но мысль, как выяснить дату рождения Сашеньки, не шла у него из головы.

35.

А ребенок, занимавший его мысли, после похода по магазинам изводил мать своим неприятием ее гостя. Костик или Константин познакомился с Аленкой на выборах в марте этого года. Она была секретарем участковой избирательной комиссии, а он как представитель комсомольской организации города объезжал закрепленные за ним участки на предмет активности голосования молодежи. Аленкин участок располагался в красном уголке

общеежития. А поскольку члены комиссии пришли рано, то рядышком в комнате коменданта им накрыли стол, выделив на этот случай дефицитные продукты. Мужчины в чайник налили водки, подкрасив ее, и нет-нет, да и забегали на пять минут туда, выходили довольные — согревшиеся. На самом деле по ногам дуло, двери не закрывались, а март не самый теплый месяц у них, хоть и солнце яркое. Костик без стеснения перекусил у них, потом поднялся на этажи общежития, заставив проживающих в нем девушек поторопиться. Он пожелал ей удачи, а ночью, когда они сдавали протоколы, увидев ее, Костя пригласит их с председателем без очереди и узнает Аленкин телефон.

Не сказать, что парень ей понравился, просто она решила последовать совету родителей. Он оказался хватким молодым человеком: на год моложе Аленки, а уже заведует молодежным сектором в Обкоме комсомола. Константин несколько раз приглашал ее на концерты столичных звезд, организованных по линии комсомола. Она даже согласилась однажды, но ей не понравилось — слишком шумно, к ним постоянно кто-то подходил, Костя знакомил ее и старался вовлечь в разговор. Но Аленке было неинтересно. Рок — опера «Юнона и Авось» ей пришлась по душе, а ему нет. Он взял ее руку в свою и перебирал пальчики. Девушке хотелось отнять их. На сцене в исполнении Караченцова звучали трогательные слова: «Ты меня проводить необутая выйдешь», а он стискивал ее ладонь так, что кольцо впечаталось в другой палец. Но она вытерпела — не отняла руки. Потом, после представления, он еще не сразу пошел провожать ее, с кем-то разговаривал и прощался. Аленка, стоя на апрельском ветру в легком плащике, уже хотела идти одна, благо дом ее недалеко. Но Костя, словно поняв, что терпение на исходе, взял ее, наконец, под руку и они пошли по тротуару. Сашенька тогда у матери остался ночевать. И не было причины отказывать Косте, который напрашивался на чай, но Аленка попрощалась с ним возле дверей. Он поцеловал ее. Поцелуй его был такой же, как у Виктора, пресный. Она потом обратит внимание на его губы — тонкие и даже, кажется, острые. Но мать с воодушевлением воспримет весть о Константине, отец сказал, что этот далеко пойдет. Они пересекались с ним на каком-то мероприятии. А Софочка, которая теперь все больше сидела в кресле, посмотрит на нее с сожалением.

И вот сегодня Сашенька отказывался общаться с ним, отвечая согнувшимся над ним мужчине односложно, почти грубо. Аленка всю ночь будет анализировать, почему сын повел себя так, ведь он общительный ребенок, никогда без повода не сердится. Он не может сравнивать мифического отца, ни разу не виденного, с Костей

— Пусть твоя Кость к нам больше не приходит, — так он выразился после его ухода.

Аленке и самой он был в тягость. Она уже пожалела, что послушалась родителей. Только надеяться ей больше не на что. Она вспомнила счастливые лица Маринино брата и его жены. Ей до боли в сердце захотелось увидеть Саньку, Аленка встала и прошла в комнату сына, где висел портрет, но его на стене не было. Она уж было подумала, что Сашенька спрятал его от глаз Кости, но поправляя сползшее одеяло, нашла пропажу: сын грудкой лежал на рамке — слава Богу, что не поранился. С мыслью, за что может

маленький мальчик любить выдуманного героя, она и заснет. И увидит во сне Саньку, протягивающего ей руки со словами: «Иди ко мне».

36.

Только Саньке было не до любви. Он привез пополнение. Верхи, наконец-то, серьезно взялись за дело. Сердце билось чаще в предчувствии встречи с друзьями, но после всех формальностей, когда он попал в расположение роты, оно замерло и несколько долгих секунд трепыхалось, не веря произошедшему — они потеряли Леху. Потеряли в прямом смысле. Накануне Олег со своей группой, в которой был и Рыжий, а также с группой десантников после предварительной и верной разведки, участвовали в засаде на пути каравана с оружием. Расчет оказался правильным, не ожидавшие скорого появления неверных в этой местности, моджахеды, поскольку засада там уже была неделю назад, расслабились и оттого не сразу оказали сопротивление. Побросав верблюдов, они попытались залечь на пологом склоне горы, но он был заминирован. Гора ухала и плевалась огнем и каменными осколками, а бойцы из группы Олега, пока десантники их прикрывали, собирали оружие и медикаменты. Они уже загрузили улов в вертолет и ждали, когда он освободит место для второго, который должен был забрать их, а со стороны кишлака, видимо, вызванное по рации, к душманам шло подкрепление, вернее ехало на мотоциклах. Они успели сесть в вертушку и... не досчитались Лехи. Пилот матерился, говоря, что они сейчас все взлетят в воздух по кусочкам, но Олег оглядывал тропу с высоты, ожидая появления друга. Его не было. Моджахеды уже настраивали на них какую-то трубу, но взлетевший, наконец, вертолет, вместо того, чтобы нырнуть в ущелье ринулся на мотоциклистов, отчего они рассеялись по тропе, прячась за камни. Только после этого пилот скрылся за выступами горы.

Олег, в который раз пересказывая Саньке все подробности боя, не мог понять, куда же делся Леха. Если честно, то он молил Бога, чтобы тот был мертв, когда его найдут духи. Об их зверствах над живыми ранеными бойцами было известно всем. Они не раз находили своих товарищей с выколотыми глазами и отрезанными гениталиями, оскальпированных или со спущенной ремнями кожей. Зрелище, от которого в животе начиналась поганая дрожь, слюна вожжами тянулась по глотке, и все холодело. Злая пустота пронизала все Санькино существо: из всей группы Леха был самым добрым. Как-то они пошли с ним в Кабуле к женщинам, русским женщинам, не от хорошей жизни забравшимся на чужбину за длинным рублем и не уехавшим даже во время войны. Далеко не святым женщинам. После бойней, в которых они участвовали, самое то забыться на мгновение в мягком женском теле. После же Санька чувствовал опустошение и желание скорее уйти с их глаз. Но Леха находил время что-то починить в скромном жилище, как-то позаботиться пусть и о пропащей женщине. Он скажет Саньке потом, что жалеет женщин: глупые они в своих привязанностях, а без них мир бы озверел совсем. И поведает о своем детстве. Мать у него работала уборщицей в магазине, все для того, чтобы кусок послаще для них с братом у продавщиц раньше других купить. А отец, хоть и рукастый, но пил сильно и бил ее. Сколько раз маленький он просил: «Мамка, выгони

его!» Жалела. А соседка выгнала своего, вскоре нашли его замерзшим недалеко от дома. Тошно было той.

В десятом классе, когда отец напился и полез на нее драться, Леха скрутил его, пригрозив, что спустит с лестницы, если еще раз кулаки распухнет. А потом армия и сверхсрочная, откуда он и попал в училище. Сейчас Леха опять беспокоился за мать, хотя надеялся, что младший брат подрос и не даст ее в обиду.

У Саньки этот разговор остался в памяти, и чувство презрения к женщинам не то что пропало совсем, но стало более избирательным. Та первая женщина, родившая и бросившая его, выморозила в нем восприятие матери. Он видел теперь в женщинах способ обмякнуть душой, напитаться их неистребимым желанием жить и обрести бессмертие, продолжаясь в детях. Именно после разговора с Лехой, Саньке захотелось вновь увидеть Аленку, но она, видимо, утешилась после его отъезда с другим.

Слушая Олега, Санька обдумывал, как попасть на эту тропу, найти, пусть обезображенный, труп друга. Он знал, что в гробы часто кладут мешок с землей и берет. Но ему хотелось сделать для друга то небольшое, чем можно облегчить горе матери, а именно предать тело сына земле. Настоящее тело.

37.

А Леха еще был жив. По глупости, желая снять груз с верблюда, близко подошедшего к минному полю, он окликнул десантников, следящих за участком пологой части горы. Те, еще раз оглядев камни, подбежали к нему. Обрезав выюк с автоматами, Леха отдал его им, и они, семеня ногами, потащили его к месту высадки. Пытаясь отвязать груз с другой стороны, он обойдет верблюда и заметит движение на минном поле. Но не успеет осмыслить происходящее, как взрывной волной его толкнет к краю тропы и он, сделав несколько шагов назад, сорвется. Но то ли Бог, то ли выучка Полкана сработала, руки стали хвататься за камни, которые, сдирая кожу, уходили вверх. Слабо закрепленная каска слетела и не сразу звякнула о дно ущелья, когда ноги вдруг ощутили опору. С бешено колотящимся сердцем, всем телом прижимаясь к скале, Леха опустит глаза вниз и увидит выступ сантиметров тридцать в ширину, длиной почти в человеческий рост. Он закричит, но его не услышат, шум вертушки перебьет звук пересохшего горла.

А вскоре со стороны кишлака Леха услышит треск мотоциклов. Он осторожно сползет вниз. То, на чем он стоял, было плоским выступающим из горы камнем. Дрожа всем телом, цепляясь и смещая его тяжесть ближе к скале, он сначала сядет, а потом и ляжет на эту спасительную плиту, забившись под маленький выступ над ней. Ляжет и только потом начнет думать. Спасся он или обрек себя на муки. Зная, что Олень будет его искать, он успокоился вначале. Только по шуму работающих моторов он понял, что вертолеты ушли без него. Где-то вверху раздались голоса моджахедов, громкие восклицания которых указывали на какую-то оплошность. Они и предположить не могли, что кто-то остался здесь. Духи долго, как показало Лехе, возились на горе, наверное, собирали мертвых, мотоцикл несколько раз, треща, удалялся и вновь приближался к тропе. А потом все стихло, и он почувствовал саднящую боль в руках и жгучую в ноге, но пошевелиться было нельзя. Ему казалось, что плита кренится под его тяжестью.

Солнце, сделав пробежку по небу, жарило что есть мочи. Хорошо хоть перед вылетом он по привычке выпил подсоленной воды, но жажда уже сушила горло. И боль из ноги простреливала не только под коленом, но и выше по бедру. А потом пришла ночь, и он боялся заснуть, потому что телу захотелось бы принять более удобное положение, от которого Леха свалится вниз. Он ждал наступления утра, хотя и не знал, зачем. По тропе кто-то проходил, проезжал на мотоцикле, а он, прилипший к скале, лежал и ждал чего-то. Жажда превратилась в ангину, глотательные движения вызывали боль, и он дышал ртом, высушивая и без того распухший язык. Сколько времени прошло, он не знал, потому что начал проваливаться в забытие. Тело уже без его помощи держалось за скалу, приобретя в себе впадины, там, где вжималось в камни, и натекая на них сверху. Леха одной рукой попробовал нащупать фляжку, но ее не было. Только бронежилет, почему-то ставший легким. Откуда-то налетели мухи и жужжали над ним, как будто он уже был трупом. В какой-то момент мужчине захотелось оттолкнуться от горы и прекратить свои мучения. Бойцы, наверное, решили, что он мертв. Только бабушкины слова о самоубийцах, которых в аду будут поджаривать на огне, удерживали Леху, а может быть, он просто не мог сдвинуть себя — тело жило отдельно от головы. Ему казалось, что прошла вечность. Он видел мать, которая, узнав, что он хочет пить, побежала за квасом к бочке. Он видел ее из окна своей квартиры, она махала Лешке рукой и показывала на очередь, мол, погляди, какая длинная. Он отходил от окна, открывал кран на кухне, но воды не было. И Леха опять шел к окну, находил мать глазами и просил: «Пить, мама, дай попить».

Он не знал, что пошли третьи сутки, иссушающий жар превращал его потихоньку в мумию. Мухи садились на лицо, лезли в рот, но он даже не пытался их отгонять. Губы запеклись, и он мог только стонать иногда. Именно стон услышал Санька, когда, высадившись с Олегом и группой пополнения, они проходили тропу, ища его тело. На обочине дороги гнили трупы верблюдов. Стон, донесшийся со стороны ущелья, сначала показался ему стоном птицы. Но, повторившись, заставил внимательно рассмотреть гору. Никого видно не было. Санька крикнул от отчаяния, и Леха замычал невнятно, но чуть громче.

— Леха, Леха, мы здесь. Олег, давай веревку. Лех, лови! — Но конец веревки болтался, развеваемый ветерком. И тогда Олег, обвязав себя ею и заставив Саньку и новых бойцов держать второй конец, спустился на голос. Леха был недвижим. Олег крикнул наверх, чтобы бросили еще одну веревку и долго привязывал друга к себе. Их тащили тяжело, Олег, руки которого придерживали Леху, мог помогать только ногами. В какой-то момент показалось, что веревка не выдержит, или руки мужиков. Но их вытащили. Разглядывать раны было некогда. Душманы могли в любой момент появиться со стороны кишлака. И потому, подхватив Леху за руки и за ноги, бойцы побежали к вертолету.

Леха вонял, как может вонять испорченное мясо. На ноге пониже колена была рана, а в ней копошились личинки мух. Санька не мог глядеть на это и, взяв у бойца фляжку с подсоленной водой, намочил бинт и смахнул эту гадость:

— Леха, Лех, ты слышишь, ты будешь жить. Будешь, гад, эдакий. Кто матери поможет?

Рыжий, раздирая пересохшие губы, изобразил улыбку, похожую на плач, и провалился в темноту.

38.

Леху не отправят даже в Ташкент. Страшная на вид рана затянется через три недели после удаления осколка, отчего в мякоти икры останется глубокая яма. Но его комиссуют: Леха станет бояться высоты, да так, что при приближении к открытому окну второго этажа будет сначала покрываться липким потом, а если не отодвинется, терять сознание от удушья. Человека, представленного к награде — медали «За отвагу», нельзя считать трусом. Он честно попытается подняться в вертолете вместе с десантниками, передислоцирующимися в другое место, на границу с Союзом. Но удушье начнется сразу, как только машина оторвется от земли. Мужики, увидев побледневшего и сползшего на пол Леху, оставят пилота приземлиться. Домой он будет добираться всеми видами транспорта, идущими по земле и даже воде. Обо всем этом Саньке расскажет Полкан, побывавший в Афганистане месяцем позже и успевший погостить у Рыжего. Еще он передаст ему просьбу Игоря, заехать при первой же возможности. И Санька, которому перед набором новой группы дали двухнедельный отпуск, поедет. Как и в день свадьбы, он останется в гостинице, позвонит Игорю, но тот будет на работе. Саньку, как преступника, опять потянет на остановку, где он когда-то встретился с Аленкой. Но разминутся: Аленка, оставившая Сашеньку у матери, побежит за тронувшимся автобусом, она опаздывала на концерт, посвященный Защитникам Отечества, Санька проводит взглядом стройную даже в зимнем пальто фигурку и опять свернет во двор.

Но сидеть на скамейке было холодно. Он, хотя и выменял у летчиков кожаную куртку, но об обуви не позаботился. Кустарник, окружавший двор, превратился в огромный сугроб. Санька закурил и огляделся в поисках смешного мальчишки, как будто тот мог ждать его здесь с прошлой осени. Но скамейки были пусты, только около подъезда ссорились малыши и сухонькая старушка:

— Я не люблю его, не люблю. Кость — Гвоздь. Он хитрый, хитрый, — повторял ребенок.

— Не кричи, они тебя отсюда не услышат, — голос старушки не вязался с ее видом, он был молодым, как у девчонки.

— Я натравлю на него Джульбарса, пусть только придет сюда.

— Александр, — женщина по взрослому обратилась к мальчику, — А что ты хочешь? Твоя мама — красавица, как я в молодости. За ней всегда будут ухаживать мужчины. Ну, этот Гвоздь мне тоже не нравится, но мама не должна оставаться одна, ей же скучно.

— Ничего не скучно. Вот папка приедет, и будет играть и со мной, и с мамой.

— Где он, твой папка, — услышал презрение в голосе старушки Санька, проходивший мимо них по узенькой и скользкой тропинке.

Мальчик, обернувшийся на хруст наста, уже начал поворачиваться к бабushке, как вдруг закричал:

— Вот он, — Санька оглянулся в поисках человека, который приходился мальчишке отцом, но ребенок бежал в его сторону. Мужчина посторонился, считая, что ребенок разглядел кого-то вдалеке, и, поскольку знувшись, сел в снег. Только малыш упал на него и, упираясь руками Саньке в грудь, поднял зеленые глазищи:

— Ты ведь мой папка, да?

Понимая, что разочарует сейчас странного мальчонку, Санька уже хотел было сказать, что он ошибся, но подоспевшая старуха, стуча тростью, нагнулась над ними:

— Значит, приехал все-таки! — И обращаясь к правнуку строго, добавила, — Александр, води гостя в дом. Царственно развернулась и направилась к двери. Санька недоуменно посмотрел на белые фетровые валенки, виденные в каком-то кино, на прямую спину в каракулевой шубе, словно старуха проглотила аршин, а потом на ребенка.

— Пойдем, — мальчик потянул его за руку, — Софочку надо слушаться. Санька встал, а ребенок уже подталкивал его к подъезду, где ждала их старая женщина.

— Дверь откройте, молодой человек, — произнесла она холодно.

— Проходите, — стушевался Санька, а ребенок ободрил его:

— Не бойся, она добрая, она быстро тебя воспитает, — и взял Саньку за руку, мокрой от снега, пуховой варежкой, — она нас всех воспитывает.

39.

Санька видел, что его принимают за кого-то другого. Отвыкший доверять людям, он решил проводить их до дверей квартиры: старый да малый могли нарваться на неприятности с кем-нибудь еще. Старушка бодро стучала тростью по ступеням широкой лестницы, видимо, дом построен не для простых смертных — в подъезде было чисто и никаких тебе надписей на стенах. Остановившись возле высоких дверей, она долго возилась с ключом, он никак не хотел повернуться второй раз. Но женщина не просила о помощи, а Санька не напрашивался. Выручил мальчонка:

— Софочка, пусть папа откроет, он сильный.

Старушка отступила в сторону, оставив ключ в замочной скважине. Он повернул его и открыл дверь, пропуская их вперед. Замаялся, думая, сказать им прямо на пороге, что они обознались. Но старуха, расстегнувшая крючки на шубе, глядела на него, выжидаяще, и ребенок подсказал ему негромко:

— Шубу сними с нее.

Санька, стараясь не наступить на красивый ковер у порога, неловко потянул шубу с плеч хозяйки. Под ней оказалась женщина-птичка, он видел такую в лесу: она, несмотря на то, что была маленькой, голову с хохолком держала гордо и не семенила, а выступала.

— Вы, что, молодой человек, намереваетесь шубу с собой унести? — обратилась она к Саньке в то время, когда ребенок снимал с нее валенки, — в шкаф повесьте, — она кивнула абсолютно седой головой на огромные дубовые двери, мужчина думал, что это вход в другое помещение. Когда он отворил их, на него пахло запахом луговых цветов. Вешая шубу на плечики, он собирался с мыслями, которые разбегались, как духи в разные стороны, потому что мальчик выпрыгнув из сапожек, уже протягивал ему курт-

ку — вешалка была расположена высоко. Санька повесил и ее. Не зная, что делать дальше, он топтался у шкафа. Только ребенок почувствовал, что мужчина хочет уйти, и по-детски отчаянно взяв его двумя пухлыми ладошками за руку потянул за собой:

— Пойдем, пойдем. Мама не верит, что я тебя видел давно. Ну, когда ты меня учил Джульбарса не бояться, — мальчик распахнул дверь в комнату: со стены прямо напротив входа, обернувшись через плечо, на мужчину смотрела Аленка. Саньку бросило в жар, молчавшая до этого женщина, не преминула уколоть его:

— Вы намередаетесь ждать Елену Михайловну при полном параде и убить ее неповторимым ароматом наповал.

— Я сейчас, — Санька медленно приходил в себя, — неужели, — думал он, — это правда. И не снятся ему ребенок и острая на язык старушка. Неужели этот мальчик и впрямь его сын.

— Сколько тебе лет? — задал он первый вопрос ребенку.

Но высокомерная женщина так глянула на него, как будто он обвинил ее в воровстве. Глянула, но промолчала.

— Я пограничник, — ответил Сашенька.

— Почему? — туго соображал Санька.

— Потому, что, — малыш поднял ладошку, — я родился на День Пограничника, вот столько лет назад.

— Ты уже большой, а как ты меня узнал? Я ведь, — мужчина хотел сказать, что и не знал о его существовании, но, сказал другое, — я ведь искал маленького. Софочке понравилось, как он выкрутился из сложного положения.

— У нас твой портрет есть, только не здесь, а у нас с мамой, — ответил ребенок

Санька никогда не фотографировался на портреты, да и вообще последний раз снимался на документы еще до Афганистана.

— Снимайте куртку и пойдемте в столовую, чай будем пить — на улице холодно, как бы, не простудиться.

— Софочка, ты чай готовь, а я папе игрушки покажу, — Сашенька опять взял мужчину за руку, чтобы еще раз убедиться — вот он, отец, настоящий, не портретный. А Санька, некультурно бросив куртку на пуфик возле зеркала, подхватит ребенка на руки, вдыхая запах волос, смявшихся под шапкой, прикасаясь щекой к гладкой щечке, и почувствует непреодолимое желание стиснуть его сильно-сильно. Но сдержится и скажет:

— Рули, я не знаю дороги.

Софочка, видя это, потихоньку отступила на кухню, прихватив из прихожей беспроводную трубку радиотелефона, набрала номер зятя, хотя не имела привычки вообще звонить ему на работу, да Лидия на холодильнике под магнитом на всякий случай оставляла и, злорадствуя, произнесла:

— Готовься, Михаил Никифорович, с зятем знакомиться.

— Да, знаю я его, как облупленного, — ответил Михаил, не больно-то по душе ему был Константин, но на безрыбье и рак стодится.

Но самодовольство в голосе тещи, презиравшей нового ухажера внучки, вдруг взволновало его:

— Вы не шутите, Софья Андреевна?

— Миша, они в спальне с Сашенькой, похожи, как две капли, — в голосе Софочки послышались слезы.

— Я сейчас, только за Лидией заскочу, она за праздничными наборами пошла. Смотрите, не упустите его.

40.

Константин загадал: или сегодня, или никогда. Сколько можно крутиться возле дочери заведующего сельскохозяйственным отделом. Ладно бы девочкой была, а то нагуляла с кем-то говнюка, а теперь строит из себя целочку. У них таких каждую субботу в сауне пачками: и собой хороши, и не ежеживаются. По кругу пройдут, да еще и спасибо скажут. Жаль без роду, без племени. А Елениного отца уважают, при случае и просить не надо — продвинут куда надо. Красивая она, конечно, да на рыбу на зимней рыбалке похожа — вот только рот разевала, ан, нет, уже застыла, только и разговоров про сына. Он делает вид, что ему интересно, чем в очередной раз этот жук навозный ее удивил, но не лежит душа к байстрюку. И тот чувствует — гадит ему исподтишка. Достал игрушку ему с пультом управления, а малой вынул свою и говорит: «Мне две одинаковых не надо». Или в лоб спросит: «А вы почему на войну не идете? Боитесь?» Этот вопрос для него, хуже кнопки под задницу — плоскостопие у него, с хирургом в сауне парились и не раз, а Айболит женатый, между прочим, но с девками нагишом сфотографировался. Так что армию он чествует сегодня, но издалека.

Константин уже хотел зайти в вестибюль Дворца профсоюзов: морозно, а она опаздывает, но увидел машущую ему девушку, она бежала с автобусной остановки.

— Привет, — Аленка виновато улыбнулась, — автобус ползет еле-еле.

— Вовремя успела, — смилоствовался мужчина. — Ты садись в первом ряду, мне воинов-афганцев и ветеранов поздравлять поручено. Раздам грамоты и приду к тебе.

Проводив ее до гардероба, Костя заторопился:

— Ты уж сама разденься, мне еще речь повторить нужно.

Аленка согласно кивнула, но почувствовала сожаление оттого, что согласилась пойти на концерт. Ей казалось, что она так будто бы ближе к Саньке будет. Сегодня в городе много людей в военной форме. Аленка взяла номерок и, бросив быстрый взгляд в зеркало, пошла в зал. Несмотря на размеры, в зале витал запах алкоголя и сапожного крема, значит, солдаты не только в президиуме. Она спустилась по проходу к первому ряду и пожалела, что не накинула на плечи шарф, откуда-то сильно дуло. Забыв спросить у Кости, какие места их, Аленка присела на свободное кресло с краю. Она действительно чуть не опоздала, свет в зале погас, и ученики начали литературно-музыкальную композицию на авансцене. Детские голоса, хотя и сбивались порой, подкупали своей честностью, которая исчезнет в хорошо отрепетированных речах комсомольских и партийных представителей. В какой-то момент она привстанет с места, увидев на сцене Игоря Кузнецова, ей по детски захочется помахать ему рукой, но она только сильнее зааплодирует ему. Константин подойдет почти к концу представления, сильно пахнувший коньяком, и предложит поехать к ней, мол, все интересное уже закончилось. Она кивнет головой, надо еще Сашеньку забрать. Но Костя решил сделать по своему, он поймал такси и назвал адрес Аленки, а не ее

родителей. Не желая спорить с пьяным человеком, она промолчит, думая, что, проводив его, Аленка попросит отца привезти сына. Когда такси остановилось, она сказала Косте:

— Поезжай домой, я, кажется, начинаю грипповать. И прикоснувшись рукой к его щеке, вышла из машины.

— Ну уж нет. Должен я сегодня получить поздравление от любимой женщины или нет? — громко на весь двор взревел рассерженный Костя.

Стоявшие возле дома бабушкины подружки, оглянувшись, разглядывая расхристанного мужчину — Костя расстегнул куртку в машине, шарф сполз, из кармана торчала недопитая во Дворце бутылка и что-то еще. Ей было неудобно спорить с ним на глазах соседей, поэтому она, пожелав им доброго вечера, ничего не ответила мужчине. Но, поднявшись на свой этаж, она еще раз настойчиво посоветует ему ехать домой. Однако Костя, которого окончательно развезло, толкнет закрываемую ею дверь и ввалится в прихожую. Все, что у трезвого на уме — так говорится. Аленка, наконец-то, поняла, за что ее сын не любит Костю. Надо было увидеть и услышать его пьяного, чтобы понять, как мерзость рядится под воспитанного человека. Только она не понимала, насколько это опасно. Константин полез целоваться, обдавая ее отвратительным запахом перегара, а когда она отвернется, пытаясь оттолкнуть неприятные слюнявые губы, он больно, отчего Аленка вскрикнет, завернет ей руки за спину.

В восемь часов вечера в квартире Гордеевых раздастся телефонный звонок:

— Добрый вечер, будьте любезны, Софочку позовите, пожалуйста, к телефону.

41.

Потом Санька будет жалеть, что не успел узнать Софочку, женщину, которую зять называл на вы, дочь мамой, а внука и правнук — Софочкой. Когда-то в детстве он читал «Трех мушкетеров» и поражался хитрости и изворотливости кардинала Ришелье. Но он даже представить себе не мог, что женщина в девяносто с лишним лет может плести интриги, делая абсолютно невинные ходы, предвосхищая развязку задуманного сценария. Поняла ли она, что он оказался возле дома Аленкиных родителей случайно или нет, Санька никогда не узнает. Но пока он с сыном, Господи, спасибо тебе за него, рассматривал игрушки, такие, которые в детстве он мог видеть только во сне, эта безобидная на вид старушка организовала сначала засаду, а потом атаку на него по всем фронтам. Атаку, против которой, у Саньки не было никакого оружия. Былое презрение к женщинам расплавилось от прикосновений, влюбленных глаз и ликующего голоса ребенка. Мужчина не понимал, как не знающий его человек и, главное, за что может любить его. Но если в чувствах женщины он будет сомневаться, наверное, до конца жизни, то любовь сына к нему ощущалась сейчас физически, как воздух этой комнаты, наполненный детским запахом. Санька вдыхал его и чувствовал першение в горле, скажи кому — не поверят, но он боялся, что не выдержит очередного обращения звенящего в радости голоса:

— Пап, а ты насовсем приехал? У меня дома, знаешь, сколько игрушек — я покажу тебе, вот только мама приедет. Правда, они ломаются,

а деду некогда починить, а ты умеешь? Пап, а ты в садик за мной придешь, а то за всеми приходят папы, а за мной нет?

Передавая отцу новую игрушку, ребенок пытался связать через нее себя с ним. И взрослый мужчина, знающий психологию выживания, покупался на этот детский прием. Ему хотелось еще раз прикоснуться к ребенку, чтобы убедиться — это происходит на самом деле, а не счастливый сон, но Санька, не знающий родительской ласки, ограничился тем, что сжал пухлую ладошку мужским пожатием. Почувствовав силу отцовской руки, Сашенька вспомнил свое и задал очередной вопрос:

— Пап, а ты меня можешь на плечах унести?

— Не знаю, давай попробуем, — ответил Санька, поднимаясь и легко подсаживая ребенка на плечи.

— Смотри, какой я большой, идем к люстре, ура! Я достаю, — Сашенька зазвенел хрустальными подвесками. Санька испугался, что они разобьются, и хотел уже сказать об этом, но нетерпеливый длинный звонок в дверь, остановил его.

— Пойдем, пойдем туда — это бабушка Лида с дедом пришли, — малышу хотелось похвастаться отцом. Так с сыном на плечах, держащимся за его волосы, он и выйдет знакомиться с родителями Аленки. Неловкость первых минут, когда люди не раз и не совсем хорошим словом его поминавшие, вдруг растеряются от вида матерого мужика.

Но Софочка, созданная именно для неловких моментов, словно добытый на охоте трофей бросит его к их ногам:

— Знакомьтесь, ваш будущий зять и отец Александра.

Придерживая одной рукой сына, Санька протянет руку строгому на вид мужчине:

— Александр, — но рукопожатие получится коротким, так как ребенок, запрыгавший на его шее, закричит:

— Ура! Я тоже Александр. И Санька отнимет руку, боясь, что ребенок на радостях свалится.

— Я — Лидия Владимировна, — улыбнется женщина, а это Михаил Никифорович. Сашенька, может, ты слезешь с человека.

— Не-а, — покачал мальчик головой, но тут же переместился к Саньке на руки, а когда тот сел на диван, встал между его коленей, защищая отца ото всех. И накрывавшая стол женщина, и седой мужчина, вдруг поняли, чтобы они не сказали сейчас пришедшему к ним, пусть с большим опозданием человеку, родство ребенка с ним уже состоялось.

Да и сам Санька, еще два часа назад не знавший о существовании сына, был уверен, что он пришел просить руки их дочери, правда, не зная, как это делают.

Поэтому, после первого тоста за знакомство, он, откашлявшись, скажет:

— Я бы хотел жениться на вашей дочери.

— Фи, — фыркнет Софочка, кто так неромантично делает предложение? Но ее речь прервет телефонный звонок.

Михаил Никифорович возьмет лежавшую рядом трубку радиотелефона, но передаст теще.

А она через минуту скажет:

— Это Шурочка звонила, она просила передать, что Аленка замерзла. Может ты, Михаил, отвезешь Александра домой.

— Вы, наверное, устали, — возразил Санька, — давайте я отвезу.

— Отвезите, отвезите, — закивала, ставшая, вдруг покладистой Софочка, — только на такси надо, а то ребенок простудится. Вы одевайтесь. Лидия, такси вызови.

— Мама, тебе плохо, — Лидии показалось, что мать побледнела.

— Такси вызывай, Лидия, с моим здоровьем после разберемся, — ответила Софочка, только, что столкнувшая двух Аленкиных мужчин лбами, — да побыстрее, Аленка плохо себя чувствует.

42.

Наверное, знай, Софья Андреевна, что происходит с внучкой, она бы вызвала милицию в свою бывшую квартиру. Но Шурочка — дочь модистки, унаследовавшая от матери портновский талант, благодаря которому и получила квартиру еще во времена дорогого Леонида Ильича в элитном доме, сообщила только о том, что Аленкин жених неприлично пьян, прошел и не поздоровался. А затем (Шурочке, чтобы увидеть это, надо было, почти бежать по лестнице за молодыми) и вовсе повел себя не комильфо, вломился в дверь, как грузчик, хотя девочка его не приглашала. Потому и позвонила, что Леночка не желала этого визита, дверь своей квартиры Шурочка оставила приоткрытой и обещала Софочке позвонить об исходе дела. Вот почему Софья Андреевна, взяв трубку, удалилась в бывшую комнату внучки.

Если бы она знала, насколько ее слова, что Аленка чувствует себя плохо, отражают происходящее сейчас с ее внучкой, то, не смотря на возраст, первая бы побежала на выручку, а не сидела бы в ожидании развязки.

Аленка никогда не испытывала насилия над собой, ее не били в детстве, в школе мальчишки дергали за косички, но это было скорее обидно, чем больно. Потому, когда Костя заломил ей руки за спину, она вскрикнула от неожиданности. Ей, казалось, что ему должно быть стыдно, она поглядела на поглупевшее в пьяной страсти лицо и презрительно произнесла:

— Мерзавец, отпусти.

— Отпущу, потом, — сально улыбнулся Константин.

— Я не давала тебе повода думать обо мне так, ты пьян и завтра тебе будет стыдно.

— До завтра еще дожить надо, ну, что ты ломаешься, будто я тебя невинности лишаю? — мужчина искренне не понимал эту девушку.

— Уходи, — Аленка начинала ненавидеть это животное, она попыталась вырваться и спровоцировала у него прилив похоти тем, что коснулась его грудью. Константин грубо сжал ее и потянулся мокрым ртом к ее губам. Девушка не смогла этого вытерпеть и со всей силы пнула его обутой в сапог ногой.

— Ах ты, сучка, — мужчина, поставил подножку и кинул ее на пол. Удар смягчил толстый бабушкин ковер, но голову пронзило будто током. Однако Аленка видела похотливый взгляд и самодовольную улыбку еще днем нормального Кости при виде задранного до бедер платя. Она попыталась отползти, но он поставил ногу в ботинке на ее руку — пальцы хрустнули. А мужчина, потерявший всякий контроль над собой, стоя над ней, расстегивал брюки. Ей даже не пришлось на ум позвать кого-то на помощь — то, что сейчас происходило, не могло быть правдой, это был постыдный ночной

кошмар, надо было только вспомнить молитву, которой ее научила бабушка от таких снов:

— Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, — торопливо, чтобы избавиться от этой грязи, читала громко девушка, — Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны, — откуда-то из глубин памяти всплывали слова, которые она не совсем понимала, — и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. Но насильник приближался, щеря губы в пьяной улыбке:

— Меня это не берет.

А Аленька, отворачиваясь, начала молитву, снова громко и отчаянно прося:

— Царю Небесный, Утешителю... — она не успела закончить, потому, что Костя вдруг поднялся над ней не сгибая ног в коленях, освободив ее руку. Девушка, повернувшись на бок, взяла горящую ладонь в другую руку и отползла в сторону. Сон продолжался: за спиной Кости, держа его за шкуру и почти душа его же воротником, стоял Санька. Зная, что это неправда, что он сейчас вновь исчезнет, она все-таки заплачет от боли, от унижения и выскажет ему, все, что надумала долгими одинокими ночами:

— Спаситель явился! Где ты раньше был?

Санька непонимающе ответит:

— Как только Софья Андреевна сообщила, мы и поехали.

Аленька почувствовала холод, идущий от двери, и начала приходить в себя. Ее затрясло. Видя все это, Санька решил освободить занятые руки и, пнув ногой полуоткрытую дверь, доволоч подонка до края лестничной клетки и толкнул вниз.

— Папа, а теперь можно? — Из соседней квартиры высунулась головка Сашеньки.

— Еще немножко погоди, сынок, — Санька похвалил себя за то, что, увидев открытую дверь и услышав возню в квартире, отправил ребенка к выглядывающей из-за двери старушке, — пять минут подожди. А зайдя в прихожую, сказал брезгливо:

— Приведи себя в порядок, сын домой просится.

43.

Аленька вдруг поняла, что все происходит на самом деле: и с ума сошедший Костя, и Санька, презрительно глядящий на нее, и горящая от боли ладонь:

— Пусть подождет пять минут, — ответила девушка, пытаясь встать, не опираясь на руки. Она опустила руку, и боль в ней забилась так, будто раненое любовью сердце переместилось в косточки пальцев. Аленька подняла одной рукой аппарат телефона, сброшенный с тумбы зеркала в пылу борьбы, но трубка слетела, и она снова наклонилась, чувствуя себя неловко. Потом подняла пальто, которое не успела повесить в шкаф, на нем красовался след от подошвы ботинка. Она прижала локтем плечики вешалки и попыталась всунуть их в пальто, но шелк подкладки соскользнул, и оно упало под ноги. Она оставила его там. А Санька стоял и смотрел, даже не сделав попытки помочь. Аленьке захотелось спрятаться от его осуждающего взгляда, и она, оставляя мокрые следы на паркете, прошла в ванную. И увидела в зеркале бледное, как на японских картинах, лицо с размазанной по щеке помадой, верхние пуговицы ее новенького в стиле сафари платья были оторваны, бретелька бюстгальтера отстегнулась, обнажая верхнюю часть гру-

ди. Застонав от боли, девушка попробовала пристегнуть ее, но пальцы не слушались и тогда, придерживая лиф платья, она вышла в прихожую, и, глядя Саньке в глаза, сказала:

— Уходи, уходи отсюда.

Этот жест зябнувшей от холода женщины, боль в высоком звуке голоса и распухшие, начинающие синеть пальцы, вдруг выдернули его из роли стороннего наблюдателя. Что он ожидал увидеть? Ее, льющую по нему слезы, или бросившуюся ему на шею? Она не героиня фильма, замершая на том кадре в августе семьдесят девятого, она жила эти годы без него. Жила без него — вот это и было обидно. Бросив на нее хмурый взгляд, Санька протянет руку к ее припухшей ладони:

— У тебя, наверное, перелом?

— А ты что — доктор? — Аленка сказала это резко, боясь и не желая плакать при нем. Ей не нужна его жалость.

— Подними руку вверх, — не слыша ее тона, скомандовал он, — как вызывать такси, нужно в травмопункт, смещение может быть.

Аленка поглядела на свои опухшие пальцы, и горло от их вида тоже стало пухнуть:

— Номера телефонов в справочнике, — выдавила она хрипло, потому, что слезы уже подступили к глазам.

Санька нашел номер на первой же странице, он был написан от руки, вызвал такси, поднял с пола пальто, отряхнул и набросил ей на плечи:

— Как зовут соседку в квартире слева?

— Александра Яковлевна, а что ты хочешь?

— Хочу попросить ее пригласить за Сашей.

— Нет, пусть он с нами поедет, — Аленка объединила их бытовой фразой.

— Хорошо, ключи где?

— Наверное, где-то возле двери, — она хотела поискать их, но пальто поползло с плеч.

— Стой, просто стой и держи руку поднятой вверх, — он огляделся в поисках ключа, — отойди в сторону, свет не загораживай. Этот? — через минуту спросил он, поднимая брелок с ключом.

Аленка кивнула. Санька молча поднял шапку, похожую на свернувшуюся лисицу, и неуклюже по-мужски надел ей на голову, поправил, отчего у Аленки волосы под ней съехали на одну сторону, а потом не удержался и поцеловал в приоткрытые от сдерживаемой боли губы и вышел в коридор.

— Санек, — услышала она, — поехали, прокатимся на такси. — Застегивайся, а я пока за мамой квартиру закрою, рука у нее болит. И слезы полились ручьем.

44.

Он уедет от них через неделю. А они с Сашенькой будут перебирать по минутам его пребывание здесь. Каждый по своему. То, что делала мама, воспринималось как само собой разумеющееся. Папа был героем

Сын, узнавший живое общение с отцом, будет говорить о нем каждый день, вспоминая что сказал, как сделал, и фантазировать, на что вообще способен папа. А вот Аленка так и не смогла понять этого человека. Она на всю жизнь запомнит брезгливость, с которой он смотрел на нее в первые

минуты встречи. Почти шесть лет она была затворницей, платила долг за свою глупую влюбленность. И одним вечером вдруг превратилась в гулящую женщину, она с омерзением передернула плечами: Костя приходил к ней извиняться, боясь, что если девушка поднимет шум, то не удержаться ему в кресле комсомольского руководителя. Хорошо, что Саньки дома не было. Господи, как она раньше не замечала его двуличия. Но теперь, с выбитым передним зубом, он выглядел жалко. Она простила его лишь потому, что хотела быстрее избавиться от него и выбросила принесенный им букет в мусорницу. Но Санька, как будто бы читая ее мысли, спросит, не ее ли букет расцвел в урне возле подъезда? Она солжет — нет, не ее. Потом поймет, что зря. Он читал ее, как книгу с крупным детским шрифтом и, моя ее в тот вечер в душе, — на правую Аленкину руку наложили лангетку, — был иезуитски нежен: он хотел вызвать в девушке острое желание, и поддерживал его весь вечер, пока не уложил Сашеньку спать.

Шесть лет назад она пошла на близость с Санькой от сумасшедшей влюбленности и, если признаться честно, не нашла в ней большого удовольствия. Беременность и последующий страх разоблачения превратили эти минуты во что-то грешное и постыдное. Только то, что случилось на второй день Санькиного пребывания здесь, изменило ее восприятие.

Она помнит, его суховатую заботливость в первый вечер. Если бы не сын, который глядел на нее, сморщившись от сочувствия, как будто бы сам испытывал боль, то Аленка, наверное бы, завывала. Но, стараясь ради него быть сильной, улыбалась, говоря, какая она неуклюжая, упала так неудачно — сын поверил. А Санька без единого слова сочувствия сбегал в аптеку, купил шприц, ношпу, анальгин и димедрол в ампулах и сделал укол. Потом помог расстегнуть платье, как до этого сапоги, и уложил в постель.

Она узнает, что он может готовить утром, когда из-за действия лекарств проспит звонок будильника. Но они с Сашенькой проснутся вовремя, он накормит ребенка и проводит в садик — сегодня утренник, посвященный Дню Советской армии, и сын не мог пропустить его. Санька пообещал ребенку прийти на концерт. Жаль, что она не видела момента гордого Сашенькиного шествия в садик за руку с отцом.

Он возвратится и заставит ее поесть манную кашу. Чувствуя себя разбитой и грязной, она даже тушь вчера не смыла, Аленка пойдет в ванную. Не думая, что он может последовать за ней, девушка не закроет дверь. Но поймет, что управиться с одной рукой не сможет и согласится на его предложение помочь, когда он, стоя за клеенчатой занавеской, скажет хрипло:

— Давай я помою, ведь не справишься. И когда она промолчит, Санька отодвинет занавеску. Вот тогда в первый раз Аленка узнает, что это такое, испытывать желание: мужские руки, такие сильные на вид, оказались нежными, намыливая и смывая пахнущую яблоком пену с каждого сантиметра ставшего вдруг чувствительным тела. Она приготовила легкий халатик, который запахивался и завязывался пояском, но Санька, завернув ее в полотенце, отнесет в не заправленную еще постель. Аленка зажмуривала глаза, вспоминая, что случилось потом. Жар постыдный, но сладкий заливал лицо. Разбуженное лаской в душе тело таяло от его прикосновений, и девушка потерялась в ощущениях, не зная, что с ней происходит. Мыслей не было,

было только стремление достигнуть какую-то вершину, к которой стремилась каждая клеточка ее существа и она, боясь, что он не захочет дать ей это, умоляла:

— Пожалуйста, пожалуйста.

А потом затерялась в огненных змейках, которые, пронизав все ее существо, мелькали под крепко сомкнутыми ресницами до тех пор, пока она не остыла. Он поцелует ее обмякшие губы и уйдет. Она проспит утренник сына и проснется только, когда они с Сашенькой вернутся довольные друг другом. На следующий день он сделает невозможное — они распишутся в загсе, теперь ей надо менять паспорт и свидетельство о рождении — они стали Бескровными. И за все это время, что они ели, спали, гуляли по улице, он не сказал, что любит ее. Аленке казалось, что если бы не было сына, то он не вспомнил бы о ней и не женился. А родители и Софочка почему-то ни разу не позвонили.

45.

В Москве Саньку ждало письмо от Марины. Он открыл ящик просто так, никто кроме Игоря не знал его адрес. Поднимаясь по лестнице — давно не тренировался, он раздумывал: вскрывать письмо или при встрече сказать, что не получал, Санька вспомнил предупреждение Полкана — девушка влюблена. Но отворив дверь пустой квартиры, не стал класть конверт на пыльный стол — распечатал. Оно было коротким, после слов приветствия шла фраза о том, что на ответ Марина не надеется, но то, что она знает или, вернее, о чем догадывается — Санька тоже должен знать. И дальше шли предположения девушки о том, что ребенок у Аленки его. Потому что никого, кроме Саньки, у Аленки не было. А с бывшим парнем она рассталась вскоре после его отъезда.

В конце Марина винила себя за то, что не сказала об этом раньше, потому что Аленка из тех людей, которые верят в любовь и умеют ждать.

Санька сел на кровать — они что, сговорились, что ли все. Он вспомнил встречу с другом, ставшим папашей игрушечной на вид девочки, которая, однако, могла громко требовать грудь матери или сухих пеленок. Санька подумал тогда, что Игорь хотел похвалиться именно ей, потому и просил заехать. Но когда розовое кричащее чудо было успокоено, и они сидели одни на кухне, друг, смущаясь, сказал:

— Санек, а ведь ты тоже отец.

— Я знаю, — ответил он, — собственно я и шел к тебе с этой новостью.

— Откуда? — удивился Игорь. — Я никому не говорил.

И Санька пересказал ему все, что случилось с ним за последние дни. Хорошо, что родители Игоря были на работе, а Танюшка возилась в ванной, и они были одни, потому что видеть размякшие лица и слышать низкие от любви к своим крохам голоса посторонним не положено. Но малышка вскоре закапризничала, и Игорь взял ее из колыбельки, на мускулистых сильных руках девочка казалась еще меньше. Он почмокал губами, привлекая ее внимание, заговорил нежным голосом, которого Санька никогда не слышал, и она заулыбалась беззубым ртом, глядя на эту глыбу обезоруживающе. Так с нею на руках Игорь и проводит друга до порога, шепнув ему, что проходил комиссию, но врач велел подождать ему еще полгода.

Только Санька, который пропустил вот эти, щемящие до сладкой боли в сердце, мгновения скажет:

— Ты это брось. Вот подрастет Наташка, тогда и пойдешь. На наш век войн хватит.

Игорь поглядит на него так, будто проверяет искренность слов, пожмет крепко руку, однако отойдет в сторону, оберегая девочку от холодного воздуха, что может подуть из открываемой двери, и оттуда добавит:

— Я подумаю еще.

Вспоминая, Санька, как был в куртке, лег на подушку, заложив руки за голову. Теперь он семейный человек. Конечно, Аленке, наверное, хотелось свадьбы. Если будет жив, то можно и сыграть ее позднее. Но он все сделал с расчетом, а вдруг... Тогда у него останется продолжение с его фамилией и, главное, с его кровью. Случись что — государство позаботится, хоть пенсия у ребенка будет. Мысль об Аленке шевелилась, как пинцет в ране во время перевязки — болезненно. И Игорь, и Марина говорят о ней восторженно: умница, красавица — с этим Санька и не спорил, что глаза ее, что тело переворачивали ему душу. Оттого и старался глядеть на нее реже, тянуло к ней, будто в омут. Только насчет верности не сходилось. Гарантии, что не застанет он в следующий приезд еще какого-нибудь гада в ее постели, не было. Положим, в этот раз она и в самом деле сопротивлялась, мужчина вспомнил ее опухшие пальчики, если бы он сразу разобрался, то, наверное, сломал бы подонку шею. Тут он вспомнил Софочку, вот ведь бестия — знала, что там происходит, и специально отправила его к Аленке в тот вечер. Санька усмехнулся: в последний день, когда они всем семейством приехали проводить его на вокзал, она произвела его в рыцари, постукав тростью по плечу, сказала вроде бы и одобряюще, но с иронией:

— Герои нам нравятся, да, Александр, но живые. Голову на плечах имейте.

Аленка сдерживала слезы, он понял, что она умеет это делать, а Сашенька попросил привезти медали, он в садике обещал показать их. Михаил Никифорович пожал руку, признавая в Саньке настоящего мужика, а не подделку. И только Лидия Владимировна была отчаянно искренней, она, плача, поцеловала его трижды, украдкой перекрестила и всунула в руки сумку с провизией на целую роту. Они отвернутся, давая ему возможность, проститься с Аленкой. Он поцелует ее жадно, крепко, будто ставя на ней печать, и уйдет в вагон, не оборачиваясь.

46.

Марине не просто далось письмо Саньке. Она еще долго ловила во вновь прибывающих раненых бойцах сходство с ним, то в жестких, упрямо торчащих на макушке вихрах, то в манере поворачивать голову и смотреть на собеседника, проверяя взглядом истинность намерений, а жест прятать горящую сигарету под парашютик раскрытой ладони встречался у всех курящих парней, вернувшихся из Афганистана.

Но написав, она почувствовала облегчение. Ей бы хотелось знать, что он предпримет. Только она узнает это последней. Пока новости дойдут до родных, пока они найдут повод рассказать ей об этом в телефонном разговоре, пройдет немало времени. Вот почему она удивилась внезапному звонку Танюшки — они созванивались два раза в месяц, недешевое это удоволь-

ствии. Таня вздохнула, как о собственном счастье, поведала ей о внезапной встрече большого и маленького Саш. О том, что, хотя свадьбы и не было, но Аленка расписалась и сменила фамилию. А Сашенька без умолку говорит о своем отце, как будто нет на свете никого лучше и сильнее. Марина слушала журчащий в трубке голос и молчала, Таня даже подумала, что их прервали. Девушка испытывала двоякое чувство: с одной стороны, Аленка заслужила это счастье, а с другой — еще не вся соль смыта с Мариной раны. Она затягивалась с трудом, но как врач девушка знала — зарастет, нужно время и хорошее лекарство. Времени у нее много, а то, что волшебное средство у нее под боком, не замечала. В отделении давно уже заприметили, что Андрей Ильич все чаще задерживается в госпитале в дежурство Марины Николаевны. И хотя поводы всегда были более чем серьезные — состояние прооперированных бойцов, — такие больные были и в другие дежурства, персонал, нюхом той же кастелянши, чувствовал назревающий роман. Только Марина не знала об этом, принимая помощь от главного хирурга как от заинтересованного в хороших кадрах руководителя. То, что он приглашал ее иногда в кино или театр, так и другие тоже шли с ними на эти премьеры. Надо иногда отвлекаться от пронизанного болью и страданиями госпиталя, попав ненадолго в мир, пусть и выдуманной любви.

Андрей Ильич не форсировал события. То, что она рядом, уже хорошо. Женщина с большими серыми глазами, в белом колпачке или зеленой хирургической шапочке казалась ему иконой, на которую ему хотелось смотреть не отрываясь. Но бдительный персонал был начеку, вот почему он вместо романтических слов о любви экзаменовал Марину на предмет прошедшей или ожидаемой операции. А ей нравились эти разговоры, она вдруг поняла, что может сама провести сложную операцию, потому что в голосе Андрея Ильича появились новые одобрительные нотки, а то, что любая его похвала остужалась иронией, девушка воспринимала как должное. Он и в собственной смерти найдет смешное, что ж до нее, пусть смеется, но она удивит его однажды. Обязательно удивит. Если ваш кумир, которому вы поклонялись, пусть между прочим, похвалил вас, то на спине, вопреки всякой научной логике, вырастают крылья. Ну не крылья, так только чуть-чуть лопатки чешутся, но и это уже кое-что.

А сам кумир, знающий до мелочей анатомию человеческого тела и легко воспроизводящий в уме последовательность физических процессов, именуемых любовью, ждал поездки на шашлыки, которую организовывал профком госпиталя. Весна в Ташкент приходит раньше, чем в Москву. Но пахнет и действует на людей также волнующе. Он надеялся на то, что ему представится случай остаться с Мариной наедине.

— Седина в бороду, — сказал он своему отражению в зеркале, побрившись утром, но глаза сорокалетнего мужчины, он немножко прибавил себе годов, глядели по-мальчишески влюбленно. Пожалуй, надо прикрыть их солнечными очками, чтобы уж очень не светиться. Только в госпитале в очках не ходишь. А, Бог с ними, ведь не крадет же он.

47.

Только и врачи иногда ошибаются. Не излечилась Марина полностью от любви к Саньке. И когда в отделении появился раненый, очень похожий на него, нет, не внешне, а своею отстраненностью, каким-то едва уловимым

презрением к женщинам, она, забыв все условности, стала, как простая сиделка, ухаживать за ним. Нет, до суда дело не дошло, слишком горд он был, чтобы так унизиться перед женщиной, горел, но с температурой, шатаясь, шел по коридору до туалета. А ночью, теряя сознание, прикрывал кого-то от огня, матерился, отталкивая Маринины руки, она боялась, что сорвет повязки с бедра. Рана не зарастала, краснота шла вверх. Андрей Ильич уже настаивал на ампутации — рентген никаких посторонних тел не показывал. Но Марина не дала. Она без его ведома ночью, уговорив анестезиолога, распахнула старый шов и искала, искала источник инфекции. Давление у Евгения, так звали парня, резко упало. Анестезиолог начал паниковать, что тот отдаст Богу душу прямо на столе. Но Марина нашла, наконец, маленький осколок, плотно вросший в распухшую от воспаления мышцу. Оставив дренаж, она сшила ткани и оставила парня в операционной до утра. Хорошо хоть не было срочных операций. Она ни на минуту не сомкнула глаз за всю ночь. Утро началось со скандала — Андрей Ильич при всех отчитывал ее за безответственное поведение, объявив выговор. Только в этот момент прибежала операционная сестра и сказала, что раненый пришел в себя и просит пить. Выговор не был занесен в личное дело, но приказ долго висел на доске объявлений в ординаторской. А потом началось выздоровление. Женю перевели в другую больницу, и Марина бегала к нему, ее пропускали, знали, кто она и откуда. На выходные она брала его к себе на квартиру. И однажды, вымыв его со всеми предосторожностями, дождалась благодарности. Только потом она поймет, что это была именно плата за его спасение. А через месяц он, оставив ей чеки внешпосылторга, улетит на вертолете в Афганистан, сказав на прощание, чтобы не ждала. Не создан он для семьи. Улетит, не зная, что она беременна. И женщине вдруг абсолютно ясно стало тогда, что и с Санькой ничего бы у нее не получилось. Использовал бы, если бы не была сестрой Игоря, использовал бы и исчез. Марина договорится со знакомым гинекологом, она не хотела быть матерью — одиночкой. Но мужики тоже сплетничают. Старый еврей позвонит Андрею Ильичу и тот в назначенный на аборт день поставит ее на плановую операцию. Марина, слезно умоляя, попросит доктора перенести аборт на другой день, но и в следующий раз Андрей Ильич не отпустил ее — причина нашлась: много вновь прибывших раненых. Она на самом деле простояла с ним несколько часов у операционного стола, а потом упала в обморок. Очнулась на кушетке в ординаторской, Андрей сидел рядом:

— Марина Николаевна, тебе, голубушка, надо пройти обследование. Что же это за доктор, который сам себя излечить не может?

— Я знаю, что со мной, — бесцветно проговорила девушка, понимая, что всем скоро станет известна ее болезнь, гинеколог сказал, что если она не придет сегодня, завтра уже будет поздно.

— Так, может быть, скажете, чтобы консилиум не устраивать, — глаза Андрея Ильича просили сказать правду.

— Я беременна.

— А что отец ребенка, думает по этому поводу, — совсем не удивившись, спросил хирург.

— Он не знает, да ему кроме войны ничего не надо, — Марина отвернулась к стенке.

- У тебя это первая беременность?
- Да.
- Вот и хорошо, значит, нянчить будем.
- Я не хочу быть матерью-одиночкой, — губы девушки твердо сжались.
- А ты и не будешь, выходи за меня замуж, а там видно будет.
- Что вы сказали? — Марина села на кушетке, — зачем это вам?
- Потому, что ты давно мне нравишься, и я не хочу лишать тебя материнства.
- Это правда? — переспросила она.
- Нет, я нашел повод посмеяться над собой. Глупенькая, какая ты все-таки глупенькая, — Андрей привлек ее к себе, нашел задрожавшие от жалости к себе и облегчения губы и поцеловал ее.
- Ой, батюшки-светы, — ахнула вошедшая Полина Ивановна, — не ко времени я зашла. — Но не попятилась назад и не вышла.
- Да что уж ахать, Полина Ивановна, все равно завтра всем известно будет: предложение я сделала Марине Николаевне, а она вот думает соглашаться или нет.
- Да разве можно тут думать, Мариночка, конечно соглашаться. Таких соколов еще поискать надо. Ой, какая пара будет славная, пойду-ка я, скажу нашим.

48.

Война требовала оружия и человеческой крови. Четверть всего валового дохода государства тратилась на оборонную промышленность. Очереди в магазинах в конце 1987 года достигли небывалых размеров. Злые от долгого стояния люди ссорились из-за куска колбасы, купить что-то более-менее сносное из одежды или обуви можно было только у фарцовщиков. Процветавшие спекулянты уже не пугались, как раньше, собственной тени. Народ, ждавший от Горбачева перемен в жизни к лучшему, клял на своих кухнях очередного правителя, отыгрываясь почему-то на Раисе Максимовне — его жене. Злили ее красивые наряды, изящно сидевшие на хрупкой фигуре, ее желание находиться рядом с мужем во всех поездках. Людям казалось, что, вместо решения жизненно важных проблем, глава государства потакает капризам женщины. А он понимал, что устаревшие производства не способны обеспечить потребности народа в самом необходимом. Политика «нового мышления», разрешившая, а скорее легализовавшая теневую экономику, родилась не от хорошей жизни. Надо было выходить из войны с Афганистаном, но как уйти непобежденным?

Война в Афганистане показала, что обмундирование и снаряжение советских военнослужащих безнадежно устарело и не отвечает требованиям войны. Именно поэтому каждый солдат стремился на операции раздобыть для себя трофейный нагрудный подсумок для магазинов, рюкзак и спальный мешок иностранного производства. Армейские сапоги и ботинки также мало подходили для походов по горам. Приходилось на свои деньги покупать кроссовки, которых хватало ненадолго. За все время войны советское командование так и не смогло решить эту наисложнейшую задачу. Спецназовцы до последнего дня своего пребывания в Афганистане продолжали выходить на операции, таская на себе подсумки, пошитые в Китае и Пакистане. Советская оборонная промышленность производила пре-

красное стрелковое вооружение, замечательную бронетехнику и самолеты, боеприпасы высокого качества, но когда нужно было позаботиться о конкретном человеке — она выдавала низкосортную продукцию, будь то одежда, медикаменты или консервированная пища.

Существовала другая напасть, которая преследовала роту между выходами в горы. Старшие начальники, кто в открытой форме, а кто завуалировано, требовали для себя сувениров — сабли и кинжалы, инкрустированные кожаные ремни моджахедов с карманчиками для патронов, спальные мешки и прочие вещи, которые доставались спецназу в качестве трофеев. И этот натиск начальства удавалось отбить далеко не всегда...

Командиры, поощрявшие мародерство подчиненных, не были редкостью. Но Олег был не из их числа.

Вернувшись с операций, рядовые спецназовцы отсыпались и готовились к новым выходам, а он, как и другие командиры, в это время был вынужден еще и сражаться за «место под солнцем» для всей роты. Жизнь на территории штабного городка имела свои недостатки. Казалось бы, подразделение, дающее постоянный отличный «результат» и несущее при этом минимум потерь, должно быть окружено особой заботой командования. Речь не идет о каких-то умопомрачительных привилегиях. Они даже и помыслить не могли о двухнедельных развлечениях в самых экзотических районах земного шара после полугодичного пребывания на «фронте». Подобная практика существовала в американских войсках во время войны во Вьетнаме. В социалистическом лагере существовала иная шкала ценностей. Спецназовцы были бы уже рады, если бы им со складов выдавалось то, что просто необходимо для службы и ведения боевых действий.

Штабная публика любила щеголять в тельняшках и экспериментальной полевой форме, считая, что это придает ей особую мужественность и импозантность в глазах гарнизонных «дам». Со складов тащили безбожно. В результате рота, для которой предназначалась форма, оставалась ни с чем. Чтобы получить те же самые «тельники» или маскхалаты, командиру роты приходилось выдерживать бой на складах и в канцеляриях вещевых служб. Легче было лечь на вражескую амбразуру, чем выбить из интендантов летние спецназовские комбинезоны песочного цвета.

Санька знал об этом, но в очередной раз попав в Афганистан понял, насколько трудно сейчас Олегу. Из старичков в роте остались только он, да Рустам, который почти открыто промышлял добычей у убитых духов не только необходимого снаряжения и оружия, но вещей мало-мальски ценных. Его рюкзак после рейдов раздувался неимоверно. Прибывшие позднее бойцы, видя это, тоже стали набивать вещмешки трофеями. И Олег не выдержал: после одной из операций, садясь в бронетранспортер, он буквально не смог втиснуть свое тело в машину — мешали рюкзаки. Взбесившийся командир заставил всех выгрузить из них награбленное, а потом сам перемолол вещи колесами бронетранспортера. После чего рота разделилась надвое. Одни держались ближе к Рустаму, затихая при приближении командира, как будто только и заняты были дележом уже добытого, а другие, хоть и не крутились под ногами Олега, но поглядывали на него издалека, готовые прийти на помощь, если вдруг возникнет необходимость.

Гадко было на душе мужчин, далеко не ангелов во плоти. Но истрепать у людей, выросших в дефиците всего и вся, желание прихватить дорогую вещичку, да при том, что более высокие по рангу начальники это поощряют, было сложно. Саньке захотелось остаться рядом с Олегом.

49.

За этот год он дважды был в краткосрочных отпусках, вернее заезжал буквально на три-четыре дня к Аленке и сыну перед набором новой группы.

В первый его приезд в качестве мужа и отца он окажется там как нельзя кстати. Не станет Софьи Андреевны. И вся семья будет в растерянности, они ощутят такую пустоту от отсутствия маленькой женщины-птички, как будто бы кто-то срубил перед окнами огромное дерево, которое десятки лет создавало на стенах квартиры причудливые узоры.

Санька откроет квартиру Аленки ключом, который она отдаст ему в день отъезда, и почувствует себя неловко, словно заглянет через плечо в чужой чемодан. Он, сняв кроссовки, ходит по комнатам, но сидеть и ждать, когда у нее закончатся уроки, не станет. Проедет к Гордеевым. Дверь откроет Лидия Владимировна, она-то, усадив его за стол, и поведаст печальную новость. Перемежая слезы с улыбкой, не забывая потчевать Саньку, она расскажет ему о своей матери: ее молодости, пришедшейся на начало века, бурной и романтической, о ее более зрелых годах в бытность генеральшей, о том, как она приняла зятем Михаила Никифоровича.

— Сашенька уж больно переживает, — вновь пустилась в слезы женщина, — сначала из-за того, что ее одну под землей оставили, а теперь из-за того, что опекать ему некого. Он ведь с ней себя чувствовал взрослым мужчиной, помощником.

— Саша, — обратилась она к зятю, — Софья Андреевна просила передать тебе вот это, — Лидия Владимировна достала из секретера синюю бархатную коробочку, открыла ее, — это серебряный крест. Мама сказала, что он папу в двух войнах уберег. Она в церкви его освятила.

Санька, не ожидавший, что старушка, которая так иронично отнеслась к нему при встрече, примет его в свою семью, смутился:

— Что вы, Лидия Владимировна, он, наверное, дорогой, а вдруг я потеряю?

— Ты маме понравился, а крест, Саша, на войне — первая защита. Носи с Богом, не обижай ее. Да и меня мамой зови.

— Спасибо, мама, — сказал Санька хрипло и спрятал глаза, которые зашипало от непривычного на его губах слова и от подарка, сделанного от души странной женщиной-птичкой. Он закрепил его рядом со стальной пластинкой военного медальона.

— А это что такое? — полюбопытствовала Лидия Владимировна.

— Ну, это военные сейчас носят, чтобы не потеряться случайно.

— Как это, — и вдруг поняв смысл этой метки, охнула, — Господи спаси и сохрани тебя, — перекрестила она Саньку. Ему стало до неловкости хорошо от заботы этой женщины, и чтобы скрыть это, он поглядел на часы:

— Я за Сашей в садик пойду, соскучился.

— Иди, иди. Аленка тоже туда после работы спешит. Ты надолго?

— Нет, три дня у меня только.

— Жаль, Михаил тебя не увидит.

— Мы зайдем к вам перед отъездом.

Сашенька обрадовался ему. Ожидая увидеть мать, он спокойно вышел из двери группы, но при виде отца сорвался с места с такой скоростью, что Санька еле успел подхватить его:

— Папка, я соскучился, — сказал ребенок, обнимая его за шею, — какой ты колючий, — мягонькая ладонь погладила его щеку. — Я тоже таким буду, когда вырасту. Тогда Нинка меня щипать не будет. А медали ты привез?

— Привез, — Санька достал из внутреннего кармана три коробочки, — вот.

— Пап, ты подожди, я сейчас, — Сашенька сполз с рук и, прижимая к себе его награды, скрылся за дверью.

По звукам детских голосов мужчина понял, что коробочки заинтересовали мальчишек, а может быть, и девчонок. Только он забыл о них, с улицы в садик вошла Аленка.

50.

Никогда не спрашивайте у женщины, почему она поступила так, а не иначе. Если она начнет объяснять, то все будет выглядеть слишком прозаично или слишком многословно, чтобы вы поняли истину. Только Аленка, встретившая Саньку совершенно неожиданно, застала его врасплох. При виде ее, он был похож на потерянного породистого щенка, крупного, красивого, но щенка, который искал свою хозяйку. Он хотел, чтоб его погладили и позвали с собой, но при этом не виляя хвостом, а настороженно ждал, что таит рука: ласку или прячет в ней палку?

И она, совсем молодая женщина, именно женщина по своей сути, вдруг поняла, что не гордость сейчас нужна, не пыл и не страсть. Аленка, протянула руку к его чуть заросшей щетиной щеке, погладила ее:

— Господи! Это правда ты?

И Санька, который всю жизнь боялся навязать себя женщине, привязаться к ней, взял нежную ладонь в руки и, глядя в глаза, полные непролитых слез, стал целовать, пахнущую уличной свежестью и кожей сумочки руку. Но сдерживать огонь, разгоравшийся от ее близости, когда все внутри тянется к ней, было трудно. Мужчина, только что целовавший руку, притянул женщину к себе и легко прикоснулся к приоткрытым губам. Она словно ждала этого и, обхватив давно нестриженную голову, отдалась сладости губ. Как всякая любящая женщина, Аленка не устояла против поцелуя, ищущего, испытующего и ставящего на ней свое клеймо. Никогда не верьте женщинам, которые говорят, что хотят быть независимыми. Всякая женщина хочет принадлежать, но только одному единственному, покорившему ее мужчине. Словами это объяснить трудно, прикосновение губ выразило мысль за мгновение длящегося поцелуя.

— Пап! — выбежавший из группы Сашенька смутил родителей, но не был обескуражен увиденным — дед и бабушка Лида целовались каждый вечер при встрече, но, увидев мать, радостно сообщил ей: — Мам, а папа мне медали привез. Вот здесь написано «За мужество», Ирина Викторовна сказала, что такие только смелым героям дают. Пап, ты герой?

Санька поперхнулся, его никто и никогда не считал героем, во всяком случае, не спрашивал об этом в лоб:

— Я что, похож на героя? — спросил он.

— Еще на какого, — Аленка улыбнулась, — давайте скорее собираться, у меня ужина нет.

— Я поел у твоей мамы.

— Вот как, — удивилась девушка, — а я думала, что только мы с Сашей знаем местечко, где всегда вкусно пахнет едой.

Но они все втроем устроили пир на весь мир. Пельмени. Санька, наверное, в первый раз ел настоящие пельмени, приготовленные своими руками и нежными ручками сына и жены. Сашенька, налепивший своих уродцев, перепачкался мукой. Но не столько сам, сколько стараниями родителей, которые от избытка чувств друг к другу норовили через прикосновение к его маленькому носику выразить радость встречи. И если ребенку позволена искренность в словах и чувствах, то они сдерживали себя умными правильными фразами, хотя мысли и одного, и другого словно застрявшая пластинка крутились в ожидании ночи. И Санька, который впервые за свою почти тридцатилетнюю жизнь испытал воздержание не потому, что решил так, а потому, что после Аленки идти к другой женщине, все равно, что брать в рот ложку, облизанную кем-то до него, уж слишком быстро излил свое желание. Только гордость не позволила признаться в этом, он встал с постели, проверил, спит ли сын, покурил, стараясь дымить в вентиляционную трубу, но мысль, что женщина в сорочке со спущенными бретельками, с припухшими губами ждет его, гнала его в спальню.

В этот раз он доведет ее до вершины и лишь потом позволит себе заслуженное удовлетворение.

Но, если бы он спросил Аленку, когда ей было лучше, то она бы сказала — в первый раз. Потому что он потерял голову от любви к ней. И это нетерпение его рук и губ, метавшихся от шеи к животу, к бедрам, а потом опять к губам, сказало ей больше, чем полное мужской самоуверенности владение собой. Он и во второй раз заставил ее ловить воздух пересохшими от страсти губами, но первый раз было лучше.

51.

Понятие о мужской дружбе у Саньки было. Еще в детском доме до него дошло, что одному в этом мире трудно. Только не всех можно считать друзьями. Настоящий друг, как самородок, встречается редко. Правда, самородков он не видел, но друг Серега был. Сошлись они характерами. Выручали друг друга в детстве, когда кто-то из вновь прибывших в детдом пытался подчинить их себе, или когда сельские пытались их побить по одинойчке за то, что они по садам промышляют. Сначала они объединились, чтобы выжить, а потом для того, чтобы было с кем поговорить, излить душу. Глупые, какие они были глупые. Мечтали: вот, если... или, когда я... С другом все ясно. Но что делать с женщиной: говорить о том, как страшно думать, что можешь попасть в плен к духам живым и потому бережешь последнюю гранату для себя — это и мужикам не особенно расскажешь. Строить планы, но он не знает, что с ним будет завтра. На прямые вопросы сына:

— Пап, а когда ты совсем приедешь, ты меня на большом велике кататься научишь?

Ответить было легко:

— Конечно.

Или:

— Пап, а мы с тобой в поход с ночевкой пойдем, чтоб спать в палатке?

— Конечно, пойдем. И палатку ставить и дрова для костра рубить тоже научу.

Но что делать с женщиной, которая, увидев безобразный шрам на руке, сначала глядит тебе в глаза так, будто ей больно, а потом целует его. У Саньки в животе от этого стало горячо, и он ответил единственным понятным ему способом.

Он пробыл здесь два дня и испугался того, что попадает под влияние женщины. Она считала его героем, а Саньке казалось, что он как собачонка перед ней хвостом виляет, стоит ей только приблизиться к нему. Для Аленки, выросшей в любви, — ласка, как что-то само собой разумеющееся. А на него каждый жест, случайный или намеренный, действовал оглуляющее: по сердцу вместо крови растекалась боль, сладкая-сладкая, отчего взрослому мужику хотелось в прямом смысле зарыться лицом в подол ее халатика и вдыхать гвоздичный запах женских коленей или прижать лицо к прикоснувшейся ладони и не отпускать долго, пока не остынут щеки.

Но он вместо этого старался сдерживать себя, отвечал нарочито односложно, почти грубо.

— Милый, я тебя обидела? — чай в ее глазах темнел.

— С чего ты взяла? — задавал Санька встречный вопрос, а сам желал обиды от нее, чтобы не рос в груди этот горячий ком, который мешает ему дышать свободно в ее присутствии.

— Вот и ладно, — глотала Аленка его грубость, думая, чего он там натерпелся, — пойдем ужин готовить, ты чего хочешь?

Он хотел ее, но пересиливая себя, шел на кухню и, забываясь, вилял придуманным хвостом. Зато ночью, в темноте, скрывавшей его глаза, молча, своими неумными ласками он вынимал из нее душу.

Три дня пролетели, как один миг. В этот раз Аленка плакала. И Сашенька, видя мокрые глаза матери, уцепился за его шею, да так и не выпускал до самого отхода поезда. Михаил Никифорович увиделся с ним только на вокзале, ну не смогли они в своем эгоизме выкроить время на встречу. Только Аленкины родители вроде бы не обиделись.

Под стук колес Санька решил, что надо ему со следующей группой попроситься в Афганистан, а не то он вовсе не захочет от них уезжать.

Только не разрешат ему — комплектование батальонов спецназа шло полным ходом.

Руководство, много лет не замечавшее человеческой мясорубки, теперь делало упор только на «рейнджеров» — так прозвали духи спецназовцев. Одно упоминание о них холодило нутро моджахедов.

52.

В этот раз Санька, набрав группу, пытался понять, что гонит на войну домашних мужиков. Хоть и говорил Игорь, что многие пытаются откосячить от армии, и уже не только болезнями хвастаются, но и тем, что Бог их не мужиками в мужском теле сделал. Геи — он дал им другое определение. Для него это было срамно. А вот эти, зная, что творится там, писали заявления «Прошу послать меня в Афганистан». Были, конечно, и романти-

ки, которые, на Санькин взгляд, начитавшись героической литературы, готовили себя на смерть. Только такие ему ни к чему. Ему нужны мужики, способные на изнуряющую грязную работу. Сверкнуть праздничной ракетой в воздухе и погаснуть — это игра в войну, а здесь надо, сделав дело, остаться в живых, тем более, что от тебя и жизнь других зависит.

Санька снова и снова бросал их на тренировки. То, что сначала он делал спонтанно, теперь приобрело систему. Физическая выносливость сродни волчьей, тренировал ноги и хребты, гонял до изнеможения и сам бежал, чтобы не думать по ночам о жене и сыне. Но думалось. Санька прислушивался, что говорят бойцы. Шутили солено, иногда грязно насчет женщин, но чаще те, кто не был женат совсем. Женатые улыбались молча. Или посмеивались над самым шутником. О своей плохо думать не хотелось. А однажды случилось ЧП. Тихий и спокойный на вид парень Антон или Тош, как окрестили его здесь, думая, что все спят, потихоньку выбрался из палатки и рысью припустился в сторону города. Санька, дав ему фору, побежал за ним. Если тот сломался, то что ж, и слава Богу, других не подведет в бою. Но парень бежал, не сбавляя скорости, мимо поста ГАИ и проезжавших по шоссе машин. До города было семнадцать километров. Санька, пробежавший с ним больше половины пути, решал, вернуться или все-таки выяснить, куда он так резво несется. Выяснил — на почту. Полусонная девушка ворчала, принимая заказ на переговоры, потому и расслышал он, куда звонит Тош. Оказалось, жена должна родить, вот он хотел узнать. И Санька, устыдившись, что ему и в голову не пришло позвонить Аленке, развернулся и трусцой направился в лагерь. Тош вернулся под утро, насквозь пропитавшийся потом, только лег, как Санька поднял всех и заставил бежать положенные десять утренних кругов, в каждом из которых было чуть побольше километра. Тош выдержал, и он ничего не сказал ему. Но занятия по владению ножом и саперной лопаткой поручил проводить парню. Упрямство и выдержка не подвели его и на этот раз. Потом он узнает, что старший брат Антона погиб в Афганистане еще в восьмидесятом. Он боялся, что не успеет на войну — успел. И женился рано, чтобы, если погибнет, то остался на земле его корень. Но умирать не собирался, потому и тренировал себя до армии: бегал, занимался в подвале с пауками борьбой, правда, неизвестно какой, но приемам разным научился. Тош понравился Саньке, и он выделял его из группы тем, что давал самые трудные задания. И постепенно, как в волчьей стае, его признали авторитетом.

— Кто? — задал он однажды вопрос парню.

Тош сначала не понял, о чем его спрашивают. И Санька пояснил:

— Кто родился?

— Мужик, — ответил тот, — богатырь: четыре кило весом, — и лицо его посветлело. Больше они на эту тему не говорили. Но засыпая, Санька видел зеленые глаза сына в черных щеточках ресниц и чувствовал мягкую ладошку, проводящую по колючей щеке.

Он побывает у них летом. Аленка будет в отпуске и они поедут на дачу. Все тот же полковник встретит их у ворот, но поглядит из открытого окна будки и, кивнув, ничего не спросит. Дача на этот раз покажется Саньке меньше, может, оттого, что рядом возвели двухэтажный особняк. Но палисадник все также будет ухожен, а Аленка, как и в прошлый раз, станет

суетиться, стараясь накормить его послаще, разложит раскладушку под яблоней, чтобы он отдохнул и уведет Сашеньку на пруд, чтобы он не донимал спящего отца. Но Санька, как только наступит полная тишина, тут же очнется. Сначала он подумает, что его разбудили ласточки, свившие гнездо под стрехой крыши. Он будет глядеть на пичужку, и сравнивать со своей женой. Из гнезда доносились голоса голодных птенцов, и она раз за разом ныряла в него, совала в открытый клюв пойманную мошку и опять улетаала. А писк не утихал. «Вот прожоры, — подумал Санька, — сколько же терпения надо, чтобы накормить эту ораву», — и, пожалев, рассыпал на садовом столике семечки, купленные у бабки возле магазина. А потом пошел на озеро. Аленка пыталась объяснить сыну, как нужно плавать, хотя сама могла только по-собачьи. Санька подхватил Сашеньку на руки и пошел с ним вглубь:

— Боишься?

— Ну, немножко, — ответил ребенок, хотя глаза округлились и у него и у матери.

— Ты веришь, что я не дам тебе утонуть?

— Угу.

— Тогда давай я тебя отпущу и отойду в сторону, а ты маши и руками, и ногами — я рядом.

Он отпустил сына, сделав шаг назад. Сашенька забился от страха, но, отплеываясь, глядел, где отец. А тот делал новые шаги, и ребенок преодолевал это пространство. Поняв, что он держится на воде, мальчик закричит: «Я плаваю», — и глотнет воды. Санька схватит худенькое тельце, которое обовьет его холодной лианой:

— Рот не открывай, когда плывешь, только на выдохе, понял?

— Понял, понял. А я и не испугался, — возбужденно говорил Сашенька. — Я сейчас погреюсь и еще попробую. И на самом деле попробовал и получилось.

— Вы у меня оба герои, — скажет Аленка. Это будет самая лучшая награда... или аванс для одного из них.

Санька привез им чеки Внешторгбанка, чтобы Аленка отоварила их в «Березке». Но она потащит его с собой. И купит ему импортную одежду и обувь, а Сашеньке замечательного робота. Чеков будет много, но она оставит их:

— Вот приедешь в следующий раз и потратишь.

Санька посмотрит в теплые глаза, подумает: «До чего женщины любят украшать все, даже мужчин», — вспомнит неутомонных ласточек и поцелует на глазах у скучающих продавщиц.

(Продолжение следует)

*Игорь Аленко
(г. Сосновый Бор)*

ПОБЕДА ПОД КРИВОРУЧЬЕМ

После жестокого поражения, понесенного армией Петра I под Нарвой 16 ноября 1700 года, Европа долгое время не оценивала должным образом результаты титанических усилий России на берегах Невы и в юго-восточной части Финского залива. Тем временем эти усилия все же принесли определенные результаты. Так, значительно уступавшие шведским, российские морские силы захватили в устье Невы два шведских фрегата, а затем овладели островом Котлин.

В 1704 году русская армия осадила Нарву и после сорокадневной бомбардировки штурмом взяли этот город. Гарнизон был почти полностью уничтожен, оставшиеся в живых взяты в плен. С этого времени вся Ингерманландия (территория нынешних Ломоносовского, Волосовского и Кингисеппского районов) оказалась в руках Петра.

Шведский флот под командованием адмирала Анкерштерна с принятым на борт десантным отрядом генерала Манделя был послан к устью Невы, чтобы захватить Котлин, но высаженный туда десант был обстрелян русским гарнизоном, а корабли отогнаны артиллерией и вынуждены возвратиться в Швецию.

Чтобы пресечь «петровские шалости» и отбить свои владения, шведский король Карл XII, занятый войной в Польше и Саксонии, сам этим заниматься не может и снаряжает в 1708 году несколько экспедиций под командованием своих лучших генералов.

Первым из Эстляндии двинулся генерал Штрюмберг, но один из ближайших сподвижников Петра — Апраксин наголову разбил два полка из армии Штрюмберга — и тот больше не суетился.

Через Финляндию в сторону Петербурга двинулась 13-тысячная армия Любекера. 8 августа она переправилась через реку Сестру, а 29 — через Неву, в районе устья Тосны.

Одновременно к острову Котлин подошел шведский флот из 22 кораблей под командованием адмирала Анкерштерна. Шведы надеялись захватить продовольственные запасы русских, но те успели укрыть их в Петербурге, а что не успели укрыть — сожгли. Штурмовать или осаждать Петербург у Любекера не мог — для штурма не доставало сил а для длительной осады — продовольствия. Флот Анкерштерна также не был готов к участию в таком сражении. Побитый здесь однажды, Анкерштерн, боясь гнева короля Карла в случае неудачного исхода, более не отважился на высадку десанта.

Ожидая каких-то действий со стороны Любекера, он поставил свой флот на якоря к юго-востоку от Кронштадта вне досягаемости его артиллерии.

Любекер перешел по южному берегу Невской губы поближе к Анкерштерну и стал лагерем на месте будущего Ораниенбаума. Любекер предпринял попытку раздобыть продовольствие в близлежащих селениях.

Начались стычки с русскими. Одна из таких стычек произошла близ Копорья. Верх взяли шведы, и русские поспешно отступили, оставив несколько убитых.

Среди доставшихся шведам трофеев оказалось несколько писем Апраксина командиру этого разбитого отряда Фризеру. В одном из этих писем сообщалось, что идёт помощь большими силами. Это была, как сегодня принято говорить, деза, продукт информационной войны. Анкерштерн с Любекером охотно проглотили предложенную Апраксиным наживку и, посоветовавшись недолго, приняли решение возвращаться восвояси.

Для амбаркации (понятие, противоположное десантированию) Анкерштерн перевёл свой флот в западную часть Копорской губы, подошёл, насколько позволяла глубина, к берегу западнее мыса Липуниemi и приказал отдать якоря напротив деревни Кривой Ручей (на 130-м километре приморского шоссе. В 1941 году эта деревня (Криворучье) была сметена с лица земли войной, осталось только несколько железных крестов на забытых могилах).

Туда же привёл своё оголодавшее воинство и Любекер. Началась погрузка на корабли. Апраксин с малочисленным отрядом приблизился к месту погрузки, соблюдая осторожность и ничем не выдавая своего присутствия. Разведчики зорко следили за происходящим в лагере неприятеля. Когда на берегу осталась половина шведского войска, Апраксин начал совершать набеги, шведы продолжали погрузку и после того, как в шведском лагере на берегу осталось около двух тысяч солдат, русские решительно атаковали их, перебив свыше 999 и захватив в плен 209 человек. Анкерштерн ничем не мог помочь. Вскоре шведские корабли подняли якоря и отправились в Стокгольм.

28 сентября того же года у селения Лесное был разгромлен отряд лучшего из шведских генералов Левенгаупта, который потерял всю свою артиллерию и все с большим трудом собранные запасы продовольствия.

Потеря продовольствия ставила короля Карла в очень трудное положение. Так исподволь, постепенно, шаг за шагом, создавались предпосылки к его поражению в грядущем Полтавском сражении, в котором шведы, как известно, потерпели сокрушительное поражение, а военные успехи Петра получили, наконец, признание в Европе.

Виктор Муравин
(США, г. Нью-Йорк)

СЕКРЕТЫ И. СТАЛИНА

В конце 2013 года в Нью-Йорке в издательстве «Северное сияние» вышла книга Виктора Муравина «Секреты Сталина». Автор — историк и политик, известен в новой России как человек, организовавший в сложный период «перестройки» гуманитарную помощь из США в Россию, на Украину, в Белоруссию, в Республику Узбекистан и другие страны. Виктор Романович Муравин давно живет в Нью Йорке, имея достаточно широкий круг общения с представителями разных слоев общества, в том числе с администрацией США, ратуя за мирное сосуществование наших стран. В начале 90-х годов теперь уже прошлого 20-го века мы вместе посещали американское общество «Отрада» по имени иконы «Отрада и утешение», объединяющее эмигрантов из России, творили совместные молитвы в православных храмах, беседовали с известным писателем Григорием Климовым — автором «Протоколов советских мудрецов», «Клыльев холопа» и многих др. книг, переизданных в России в издательстве «Политическая литература», и мне интересно было слушать подробности нашей истории из уст прошедших большой и сложный путь людей. «Секреты Сталина» — очередная книга на русском языке, и многие другие книги Виктора Муравина, дай Бог, увидят свет в ближайшее время.

Сергей Кузионов

Виктор Муравин,
член Российского Межрегионального союза писателей,
Президент издательства «Северное сияние», Нью-Йорк, США
The Northern Lights Publishers, Inc., 410 Hunnewell Ave., Elmont,
NY 11003, USA

ОТ АВТОРА

(Я не люблю войну, шпионов и предателей)

НА БЕРЕГУ АРКТИКИ

В 1946–1954 гг. я работал матросом и радистом в торговом флоте СССР (России). Наш пароход перевозил взрывчатку для шахт Заполярья, Восточный сектор Арктики.

Из Владивостока через Японское море и пролив Лаперуза в Охотское море. Вдоль Курильских островов, Восточного побережья Камчатки в Берингов пролив и в порты Восточного сектора российской Арктики: Певек, Тикси, Амбарчик.

В эпоху строительства социализма в России — СССР, 1930–1954 гг., на юге Колымы добывали золото, на севере, у берегов Ледовитого океана, добывали уран.

Во время выгрузки в порту к нам на борт поднимались заключенные, которые отбывали свой срок в этом мире холода и вечной мерзлоты. Среди них были бывшие революционеры, сотрудники ЧК и ГПУ, участники Революции и Гражданской войны.

БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ

Эти люди участвовали в свержении царского строя, а потом на длительные сроки оказались в лагере. Многие из них работали вместе со Сталиным, знали его лично или по службе.

Иногда они заходили ко мне в радиорубку, просили рюмку водки. На севере водки нет, есть спирт. Я разводил спирт водой, получалась хорошая водка. Я ставил на стол бутылку такой сивухи, краюху черного хлеба и соленую рыбу.

Мой незваный гость обычно был рад такому угощению, рассказывал мне подробности своей бурной юности в борьбе за свержение царя и за построение социализма в России.

Я работал на этой линии в Заполярье четыре года: 1950 по 1953 гг. каждое лето, с мая по сентябрь. В сентябре льды начинают двигаться к Берингову проливу. Если судно задержит свой выход через Берингов пролив, оно остается во льдах, зимует до весны.

За эти четыре года я слышал много историй из эпохи Гражданской войны. Все мои гости уверяли меня в том, что попали сюда по судебной ошибке и будут реабилитированы при жизни или после смерти.

Я слушал молча, эти истории отличались от школьных учебников.

Много фактов из личной жизни наших вождей я узнал от этих людей.

У меня сильная память. Сейчас, через 70 лет после этих бесед, я использую эти подробности в моих книгах об эпохе Сталина.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

С малых лет я оказался втянутым в бурные события 1937–1954 гг. Мне было 9 лет, когда мой отец, агроном совхоза, был арестован как «немецкий шпион» и провел один год в тюрьме под следствием.

В 1938 году по приказу Сталина нарком внутренних дел Ежов был арестован «за избиение кадров» и расстрелян. Его сменил Лаврентий П. Берия, который освободил из тюрем миллионы людей.

Мой отец был освобожден из тюрьмы и получил зарплату за весь 1937 год, который он провел в тюрьме. В те годы я понял, что в жизни нужно больше слушать и меньше говорить.

Основные данные по истории и политике России и остального мира я запомнил из бесед с участниками событий на дорогах России: юг, север, Москва, Сибирь, Восток, Арктика.

Мои Университеты и ученые степени — это просто дополнение к той массе событий, которые я узнал от людей старшего поколения о Первой мировой войне, о роли Запада в истории России, о Революции, о сталинских репрессиях и о войне Сталина с Гитлером.

Виктор МУРАВИН

СЕКРЕТЫ И. СТАЛИНА

*Краткий обзор**Личные качества. Мудрость инквизиторов*

В 13 веке католическая церковь искореняла ересь, сжигала живьем людей, которые проповедовали или открыто высказывали недоверие к Церкви.

Главный Инквизитор церкви созвал во Франции католический собор, чтобы обсудить результаты борьбы церкви за власть над умами людей.

Когда пятьсот монахов собрались в церкви, Главный Инквизитор вышел к ним и сказал:

— Братья! У нас много вопросов и мало времени. Будем говорить кратко. Прошу вас, тщательно обдумайте свои мысли и добавьте к этим мыслям минимальное количество слов.

Сталинский стиль

Сталин не знал этой мудрости иезуитов, но опасная жизнь в борьбе за власть в России с самого начала научила его много думать и мало говорить. Он всегда тщательно обдумывал тему беседы или выступления, потом говорил медленно, по сути дела и не повторял своих слов.

Это вызывало у соратников и у слушателей уважение и доверие к нему.

Мелкие секреты. Царь Николай II

Сталин знал, что после отречения от престола в 1917 году, Царю следовало уехать с семьей на Запад, в Финляндию или, хотя бы, вывезти туда семью. Царской семье нечего было делать в России. Их пребывание в этом хаосе Гражданской войны могло кончиться плохо.

Своих мыслей Сталин не высказывал Ленину, хранил такие мысли в секрете. Большевики вывезли царя и семью на восток, в Екатеринбург. Летом 1918 года белая армия продвигалась к Екатеринбургу, чтобы освободить царя и семью.

По приказу Ленина все они были расстреляны, так как освобождение царя могло продлить Гражданскую войну в России. Сталин считал отправку царя на восток, в Екатеринбург, ошибкой Ленина, но молчал.

*Крупные секреты.**Убийство Троцкого. Конкуренты на мировое господство*

Гитлер готовил оккупацию СССР (России) и уничтожение ее коммунистического государства. Он хотел использовать военный и экономический потенциал России, чтобы облегчить Германии и ее союзникам — Японии и Италии — разгромить США и получить власть 3-го рейха (нацизма) над всем миром.

Троцкий хотел использовать людские и военные ресурсы России, чтобы привести руководство разбросанного по всем странам еврейского народа к власти над миром. В этом Троцкий видел единственный способ избавить еврейский народ от унижений проживания среди чужих народов (антисемитизм).

Лидеры мирового еврейства, такие как Троцкий, думали так: у нас нет своего государства, так мы установим свою власть на всем мире.

Гитлер знал суть мышления лидеров мирового еврейства, которое конкурировало и бросало вызов глобальным планам нацистов.

Деятельность Троцкого вызывала у Гитлера еще больше презрения к Сталину и к другим вождям России, которые дали евреям равные права в России и позволили Троцкому бросить вызов планам германского руководства по созданию нацистского господства над миром.

Деятельность Троцкого разжигала ненависть Гитлера и нацистов к Сталину и к СССР (России), который считался оплотом руководства мирового еврейства. Это осложняло и без того сложную обстановку в мире, когда Гитлер готовился напасть и уничтожить социализм в России, а Сталин готовился отразить нападение Гитлера и уничтожить фашизм в Германии.

Решение Сталина

Сталин выслал Троцкого за границу и не планировал его убийство. Но Троцкий, сам того не ведая, своими планами по избавлению евреев от антисемитизма, вмешался в самую суть подготовки новой войны и еще больше осложнил положение Сталина, у которого хватало других проблем в жестокой борьбе за власть в России и в подготовке к войне.

Сталин официально не высказывал сути отношений между ним и Троцким и, как всегда, действовал скрытно и осторожно. Но Сталин знал,

что Троцкий — это враг № 2, который помогает Гитлеру — врагу № 1, начать войну с СССР. Сталин думал просто: нужно убрать Троцкого, врага № 2, чтобы облегчить победу над Гитлером, врагом № 1.

Подробности подготовки убийства Троцкого не имеют значения. Мексиканец, один из учеников Троцкого, пришел к нему на урок с маленькой лопатой под курткой и ударом по голове убил Троцкого.

Судьба воробья

Ночью, суровой русской зимой, воробей замерзал на улице возле трактира. Он не чирикал. Потом из трактира вышел повар и, в темноте, выплеснул на воробья ведро помоев.

В теплых помоях воробей ожил, принялся за свой поздний ужин и, на радостях, зачирикал. Рядом пробежала голодная кошка. Он вытащила воробья из помоев и съела.

Мораль № 1: Попал в помои, сиди и не чирикай.

Мораль № 2: Если ты как личность — воробей, не лезь в большую политику.

Сталин принимал эти решения сам и держал мотивы своих решений в секрете от всех своих соратников по власти. В политических кругах Москвы убийство Троцкого расценили просто как нетерпимость Сталина к политическим конкурентам.

Они ошибались, такой «воробей», как Троцкий не был конкурентом для Сталина, но Сталин убрал его, чтобы Троцкий не лез под ноги Гитлера и Сталина, когда они готовились к тяжелой войне.

Убийство Троцкого было последним актом в мировой трагедии, которая называется «Сталинские репрессии» 1936—1938 гг. Со смертью Троцкого Сталин закончил уничтожение всех бывших соратников по Революции и Гражданской войне, которые уничтожили старый строй в России и сами погибли в междоусобной борьбе за власть. С властью не шутят.

Длительная война России

В своих решениях о войне с Гитлером Сталин пользовался опытом «длительных войн» России. Эти войны всегда начинало другое государство, армии этого государства с ликованием преследовали отступавшую русскую армию. Через несколько месяцев после начала этой длительной войны государство-агрессор отступало из России под напором наступавшей русской армии.

Главным решением такой стратегии была западная граница СССР (России). Сталин оставил западную границу открытой для вторжения агрессора. Дальше все следовало по традиции: противник достиг Москвы, был разбит под Москвой. Это означало предстоящий разгром Германии в этой войне.

Но трудно признать свое поражение, свои ошибки в политике и стратегии. Остальные годы войны, 1942—1945, были просто военной истерикой, когда Гитлер, не веря в свое поражение, гнал свои армии под русские танки, потом, в 1944—1945 гг., делал отчаянные попытки остановить англосаксов, которые открыли 2-й фронт в проливе Ла-Манш.

Закончилась эта военная истерика в мае 1945 года, в берлинском бункере фюрера выстрелом в горло. За свои ошибки всем приходится платить.

Два главных секрета Сталина

Убийство Троцкого и западная граница СССР (России), открытая для вторжения, были два основных секрета Сталина.

Судьба и политика Сталина занимают видное место в современной истории и будут учитываться всеми политиками, если они хотят избежать гибели нашего мира в предстоящей ядерной войне.

Нью Йорк, 22 декабря 2013 г.